

**Бахытжан
Канапьянов**

ИЗБРАННОЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

АЛМАТЫ
“ЖИВЕК ЖОЛЫ”
2011

УДК 821.512.122=161.1
ББК 84 (5 Каз-Рус) 7-5
К 19

Издано по программе
«Издание социально-важных видов литературы»
Комитета информации и архивов Министерства связи
и информации Республики Казахстан

Канапьянов Б.
К 19 Избранное: В 2 т. – Алматы: ИД “Жибек жолы”, 2011. –
Т. 1. – 480 с.

ISBN 978-601-294-054-1

В первый том избранных сочинений Бахытжана Канапьянова вошли оригинальные произведения поэта (1974–1984 гг.), а также его поэтические переводы и переложения казахского фольклора, стихотворений поэтов Казахстана XVIII–XX веков и авторов ряда зарубежных стран.

УДК 821.512.122=161.1
ББК 84 (5 Каз-Рус) 7-5

ISBN 978-601-294-054-1
ISBN 978-601-294-053-4

© Канапьянов Б., 2011
© ИД “Жибек жолы”, 2011

СУДЬБА ПОЭТА

Судьба поэта –
Божий знак.
Стихи его – под взглядом неба.
И почву разрывает злак,
И вкусен черный ломоть хлеба.

Бахытжан Канапьянов

Бахытжана Канапьянова я узнал в начале восьмидесятых годов на Высших литературных курсах в Москве, где вел поэтический семинар вместе с Александром Межировым. Бахытжан запомнился светлым, романтическим, парящим стихом, обещанием больших свершений.

Получая от Бахытжана вести и новые публикации из Казахстана, я изумлялся быстрому росту недавнего “курсанта”. Сейчас Бахытжан Канапьянов – видный деятель культуры суверенного Казахстана, известный поэт и переводчик, автор более десяти поэтических книг, вышедших в Казахстане и России, на Украине, в США; глава Издательского дома “Жибек жолы” (“Шелковый путь”), член руководства целого ряда творческих организаций республики.

Поражает широчайший диапазон созидательных устремлений поэта. Инженер-металлург по первой специальности, закончивший политехнический институт, он становится кинематографистом и писателем. Бахытжан всегда учился и продолжает жадно и неустанно познавать мир и культуру. Отец поэта – замечательный казахстанский педагог Мусахан Канапьянов, в память о котором сын издал прекрасную документальную книгу, собрав в ней воспоминания друзей и близких, публицистические статьи отца, и среди них – “Педагогические взгляды А. П. Чехова”, любимого писателя Мусахана Канапьянова.

Мы всегда жили не только в России или в Казахстане, но и в нашем общем большом доме братских народов. Русская речь была и осталась “окном” в мировую культуру. Атмосфера дружбы народов сформировала Бахытжана Канапьянова. С годами поэт все теснее прикипал к национальным истокам, но мыслил глобально, общечеловечески. Это два крыла, на которых взлетает поэт; двуединство поэтической вселенной Бахытжана Канапьянова, поэта Казахстана и поэта России, поэта двадцатого века на рубеже двадцать первого.

“Над уровнем жизни” (название однотомника)¹ над уровнем обыденности – на уровне мирового и национального мышления: “круговая порука добра” (выражение, любимое Мариной Цветаевой). Таково магнитное поле поэзии Бахытжана Канапьянова, продолжающего пушкинскую традицию поэтического братства.

Любовно окликает поэт имена, символизирующие величие национальной культуры Казахстана: Абай Кунанбаев, Чокан Валиханов, Мухтар Ауэзов... И совсем рядом – Олжас Сулейменов, старший друг, поэтический учитель. А среди современных мыслителей – ученый Мурат Ауэзов, сын писателя. В кругу “родни по вдохновенью” – Иосиф Бродский, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Сергей Мнацаканян, Бахыт Кенжеев, Александр Ткаченко и многие другие – не только стихотворцы, но поэты во всех сферах творчества. Собственно, мир и создается поэтами: зодчими, рыцарями, влюбленными. Так видит и верит Бахытжан Канапьянов. Как верит, так и видит.

Бахытжан Канапьянов пишет на русском языке. Но пишет с тайной (и открытой) тоской по языку предков и сородичей – казахскому языку. К естественной для поэта муке “невыразимого” – “мысль изреченная есть ложь” – добавляется мука “измены”. Мысль, изреченная на неродном языке, передаст ли мысль родного народа? Это было время, когда казахскому языку грозило постепенное сужение сферы бытия, превращение в будничное средство общения селян... И тогда у поэта вырывается крик боли: “Позабывтый мной с детства язык, / Пресловутое двуязычие...”

Жизнь так или иначе решает эту непростую проблему в разных странах. Но для поэта в слове – единственная судьба.

¹ Данная статья являлась предисловием к однотомнику избранных произведений Б. Канапьянова (М.: Худ. лит., 1999).

Каждодневное страдание невольно окрашивает, пронизывает, интонирует стих. Служение родной стране главенствует в поэзии Бахытжана Канапьянова, но говорит он об этом по-русски. Так что же?..

Не становится ли душа многоязыкового Казахстана понятней, ближе, роднее всему миру?..

Быются, стонут, вздыхают строки любви и памяти:

– Мама, мама, что за стук и тень в окне?

– Это ветер, ветер в тишине.

Поэзия Бахытжана Канапьянова адекватна с мировой поэзией. Вспоминаются ритмы, идущие от переводов знаменитой баллады Эдгара По (Бальмонт, Брюсов). Снова и снова повторяется рефрен: “ветер в тишине”, “ветер в тишине”. Поэт слышит то, чего не слышат другие; видит то, на что не обращают внимания все. Это голос вселенской памяти; боль, разлитая в радости; одиночество на миру; это родство всего живого:

Гусь летит с перебитым крылом...

Два крыла твоих – радость да горе.

“Эпохи потайная боль” в сердце поэта ежеминутно. Бахытжан Канапьянов одним из первых (и немногих) среди наших поэтов приехал в Чернобыль после трагической катастрофы. На украинском языке вышла книга казахстанского поэта – “Аист над Припятью”. Таков символ раненой, но сопротивляющейся жизни. Поэт передал и боль Казахстана с его “Невадой – Семипалатинском” еще до официального признания реального ужаса. “Радиация не имеет границ и национальностей”, – сказал Бахытжан Канапьянов.

Останусь придорожной пылью,

Кустом единственным в степи.

Все остальное выйдет былью,

Но – памятным звеном цепи.

“Душа не вмещает век” – афористически выразил поэт свою тоску по вечности. “Памятным звеном” становится и трогательная “Песня времен застоя”, и древние Афины, напоминающие о непрочитанном Гомере, и соборная Владимирская Русь, и страницы казахской классики, казахского фольклора, переведенные поэтом на язык Пушкина и Олжаса... И могила

неизвестного солдата... “Пасынок былой Империи”, поэт неутомим в стремлении охватить мир “Империей русской речи” (это уже мое выражение). И признается: “Но к этой сверхмощной державе семейная горечь и грусть”. Не к ней ли вызывает поэт:

Ты слышишь, отче,
Я – твой блудный сын!

Итак, неизбежно возвращение – возвращение на новом витке мировой спирали, в новом качестве. Возвращение друг к другу... Об этом – весь Бахытжан Канапьянов, с его такой человеческой казахско-русской и вселенской ностальгией: “Я родом из детства, где яблоки зноем налиты...”

Встреча с однопомником избранных сочинений известного поэта братского Казахстана невольно вызвала у меня и личные воспоминания. Случилось так, что мне довелось еще в отрочестве вдохнуть аромат казахстанской степи и прожить несколько лет на берегу Иртыша, в краях, которые были родными для семьи Канапьяновых. Павлодар, Железинка, Урлютюп, Иртыш – “не пустой для сердца звук”. Неподалеку – истоки Павла Васильева... Сознание нераздельности наших стран и народов вошло в меня смолоду, с военных времен, с крылатого слова Джамбула: “Ленинградцы, дети мои!”

Там, где меж снежных гор цветет Отец Яблок, живет и творит наш друг с нежной и мужественной душой, не знающей, кому она принадлежит. Наверное, всем. “Кто мы?” – спрашивает поэт.

Люди! – бьют в ответ колокола.
Люди! – степь копытами ответит.

Звон колоколов, топот копыт, память поэта... Миг и вечность – судьба поэта. На земле, под общим небом.

*Станислав Лесневский,
Москва, 6 июня 1999 г.*

**Алма-Яблоко
(1974-1976)**

* * *

То ли горы ближе стали,
То ли я к ним подхожу.
Без обиды нет печали,
Мне бы выйти к шалашу.

Затеряюсь среди веток,
Растворюсь в зеленой тьме.
Затоскую крепко-крепко,
Вспомню с грустью о тебе.

Липкая смола от ели
Капнет на дымящий чай.
Будет мне земля постелью,
Там, где близок неба край.

1974 г.

* * *

Запах рук твоих и волос
После встречи с собой унес.

Сквозь ладонь посмотрел на свет —
Ничего там, в ладони, нет.

Не поверив, к лицу поднес —
Запах рук твоих и волос.

1974 г.

КЮЙ¹

Вещий рокот струн
Обжигает слух.
Подступил к сердцам
Гулкий топот.
Все поймешь к утру.
Быть в степи костру.
Для костра в степи
Рухнул тополь.
И умчатся в ночь,
Опалив бока,
Опалив бока,
Аргамаки.
И по их следам
Забурлит река,
И по всей степи
Вспыхнут маки.

1974 г.

¹ Музыкальная пьеса, исполняемая, в частности, на домбре.

ДОМБРА

Узкогорлая,
Двухголосая,
С полным лицом луны.
На мои отвечаешь вопросы
Отзвуками струны.

Транзистор степь ночью оглушит
После внезапной грозы.
И – степь зачарованно
слушает
Кюи Курмангазы.

И, притихшие, мы до рассвета
У студенческого костра
Без чужих понимаем советов:
Суть этого слова – домбра!

1974 г.

* * *

“Когда солнце начнет скрываться за гору,
когда лягут от елей на длину копыа тени
и, как черные перья, падут на тропу,
тогда приходи к дереву,
там
ствол выщерблен молнией.
Я ждать тебя буду,
моя белая горлинка”.

Может, так назначали встречу влюбленные
в племени саков в былом.

1975 г.

* * *

Сквозь гудки ожидания,
Сквозь мрак расстояния
Голос прольется,
Как журчанье арыка.
Задохнешься от крика:
“Ты меня слышишь?
Почему ты не спишь?!”
Нарисуй мне словами
Город зеленых ночей,
Где дышит луна
Над горами бессонными.
Кюй
Прохладных ущелий
Исполни мне.
И выдохни песню
Речек,
Которых не счесть.
Нарисуй мне словами
Город зеленых ночей!..”
.....
Представил я за сотни верст,
Как в южном городе зеленом
Ты дышишь в трубку телефона,
Чтобы от стужи я не мерз.

1975 г.

БЕЛЫЕ СТРОКИ ДОЖДЯ

Белый,
 белый,
 белый дождь
между небом и землей,
будто бы рыбачья сеть,
провисает белый дождь,
ветер,
 вечер,
 семь часов,
и холодит лицо
прохлада
белого дождя,
вскипают лужи,
и от крупных капель
в листьях дрожь,
белый,
 белый,
 белый дождь –
и человек,
он шепчет в трубку,
горбясь в будке
телефона-автомата;

дождь,
и женщина в окне
стоит, укутавшая
плечи шалью,
ждет,

как в ночь
на Новый год
люди ждут
и верят люди,
что сбудутся
надежды;

дождь,
и бьющие током
ступеньки троллейбуса,
и ветровые стекла
проплывающих машин,
где “дворники” движутся,
как стрелки на весах,
отвешивая водителям
россыпь фонарей,
раздражающих свет
встречных
и стоп-сигналы
удаляющихся машин,
калейдоскоп светофоров —
это все в дождь,
это все в дождь;

на перекрестке
стою без плаща,
рядом мальчишка
по лужам протопал
в стоптанных
рыжих сандалиях —
это все в дождь,
это все в дождь;

вижу старого доброго музыканта:
он стоит
на трамвайной остановке

и, держа свою скрипку в футляре,
подняв воротник плаща,
вслушивается
в белую мелодию воды...

1975 г.

СОВЕСТЬ

Меж зеркалом
И человеком,
 когда он смотрит
 на себя,
Как будто бы
 в пространстве
 оживает эхо,
Меж зеркалом
И человеком,
Как будто бы
 незримо
 присутствует третий,
Меж зеркалом
И человеком,
Быть может,
 проступают
 посредника черты,
Или, напротив, —
 вовсе исчезают.
Зависит от того,
Как смотрит на себя
С годами
Человек.

1975 г.

ВОСПОМИНАНИЕ О ПАМИРЕ

Памир...
Кругом сплошные горы,
Цепляются за склоны кишлаки.
С БелАЗами
перекликаясь гордо,
Над пропастью проходят ишаки.
И облако,
споткнувшись о вершину,
Похоже на обвисшую чалму.
“Обвалы!” —
Дан тревожный знак
 машинам,
Что шинами
Хребет планеты
Мнут.

Обманчив ли покой,
Безмолвие ли зноя?
Шаг влево —
И паденья резкий крик.
Сверкнет в глуши ущелья
Речки клык.
И — позвоночник прошивает нить озноба.

1975 г.

ЗОВ

Вновь по весне степной простор влечет.
Сажусь в автобус я на маленьком вокзале.
Быть может, люди мне дорогу подсказали,
Быть может, птицы... Я не знаю, кто еще.
Здесь улыбаюсь каждому кусту,
Полет орла я провожаю взглядом.
И древний кюй звучит, быть может, рядом,
И – поезда далекий перестук,
Неприметны следы мои в степи,
Ненадолго трава от них сомнется,
Но жизнь моя курганом обернется...
Там, в глубине,
 степное сердце спит.

1975 г.

ЕЛИК¹

К сверкающему горному ручью
Пришел однажды елик тонконогий.
Напился и по тропке поскакал.
Но шел охотник по его следам.
И рядом с ним по зеркалу ручья
Скользило отражение лица.
Вдруг елик встрепенулся
И заплакал,
И так сказал встревоженной земле:
“Перестук моих копыт, земля,—
Трепет сердца моего, земля,
Ты прими мой перестук, земля,
Перестук мой, перестук...
Пусть услышит его мать, земля,
И проснется пусть она, земля,
Ты прими мой перестук, земля,
Мой перестук, мой перестук...”
На камни елик обессиленно упал,
Мешая с потом горькую слезу.
А человек с ружьем наперевес
Все шел и шел, не поглядев ни разу
На отражение свое в ручье.
Но вдруг ручей тот круто повернул,
Чтоб не сломать зазеленевший ельник,
И преградил дорогу.

¹ Горный козлик.

Человек
Себя увидел,
А точнее — злобу.
Тогда охотник выбросил ружье,
В бурьян закинул медные патроны
И удалился.
Вслед его шагам
Вздохнуло эхо.
И большое солнце
Свои лучи расправило над миром
И пробудило
 гомон певчих птиц.

1975 г.

ПОДАРОК ЧАБАНА

В юрту вхожу —
Пахнет кошмой и чаем.
Чабан добрым взглядом встречает:
“Путник, входи,
У порога не стой,
Открыта тебе моя юрта!
Мяса поешь
И запей-ка сурпой¹,
Ароматной, с кусочками курта².
Коня твоего
Мой внук Алибек
Водой напоит, расседлает.
Будь гостем моим —
В этот, знаешь ли, век
Не часто гость приезжает.
Я седьмое колено рода древнего — берш³,
Арын я, сын Какимжана...”
Край месяца виден
В юрте сквозь брешь,
Как острие кинжала.
“...За прошлый окот
Мне дали Звезду,
Машину в придачу дали,

¹ Мясной бульон.

² Сыр.

³ Название казахского рода.

Но на бензин не сменял я узду.
Я отказался...
Не ждали
В столице лукавого “Нет”,
Когда я, расправив ус,
Сказал, что машины не нравятся цвет,
Я цветом гнедого горжусь!
Сын недоволен.
Ему не понять.
С жизнью моей не знаком он.
Откуда ему, горожанину, знать
Наши степные законы?!
Кто ты?
Откуда?
Куда держишь путь?
Едешь, видать, издалека.
Обо всем расскажи,
Речь твоя пусть
Будет спокойной да легкой...”
Я рассказал о себе, не таясь.
Чабан, внимательно слушая,
Кивал мне в ответ,
Добродушно смеясь,
Прихлебывая из пиалушки.
“...Певец, говоришь?
Что ж, это к добру.
Сейчас принесут кумыс.
Спой мне Абая,
Возьми-ка домбру,
Твой голос услышим мы.
Песня далеких печальных дней
Облагородит слух...
Эй, Алибек,
Что за шум у дверей?
Глотку заткни ослу!”

Утром проснулся.
Конь у дверей,
Готовый в далекий путь.
В глазах нетерпенье:
Спешу – поскорей,
К дороге готовым будь!
Привязан торсык¹ к седлу моему,
И рядом домбра чабана...
Я принял подарок его, потому
Что степь нам для встреч дана!
В дорогу!
Копыта пусть гулко стучат,
Пусть ветер обнимет грудь.
Песня,
Родившись в утренний час,
Птицей вечерней сядет к ногам,
Вернется к моим чабанам,
Проделав нелегкий путь.

1975 г.

¹ Мешок из сыромяти для хранения продуктов в пути.

АРЫК

Арык поет, прислушайтесь – арык.
И пенье это по ночам – слышней.
До шепота угас дневных проспектов крик.
И город мой дрожит ресницами огней.
Арык поет, арык...

И – сдвинута бетонная стена,
И в переулок детства открыла путь она.
В такую ночь асфальты пахнут зноем.
И вдоль арыка плещется луна,
И ожила забытая струна –
Сердцебиение земное.

1976 г.

ПОВЕСТЬ

На окраине дом
Желтым дышит окном.

Тень в оконном проеме.
Знаю — двое в том доме.

Мать и дочь без отца.
Постою у крыльца.

Помолчу. Постучу.
И попить попрошу.

И дадут мне напиться...
Все опять повторится.

Через несколько лет
В том окне тот же свет.

Мать стоит у крыльца,
Сын растет без отца.

1976 г.

* * *

Угрюмы вершины своей сединой,
И горы вдоль города встали стеной.

И месяц, над городом вскинув рога,
Купает в запруде всю ночь двойника.

Прохлада ночная, цвета фонарей,
И мост над арыком, и ряд тополей.

Фонтан ли смеется? — Алмаатинка.
В глазах ее тает горная льдинка.

1976 г.

НАКАНУНЕ ЛЕТА

Когда судьбы отгадет иней,
Проступит за душой пейзаж.
В нем контурная тяга линий
Соединится в дикий пляж.

И – потечет песок сквозь пальцы,
И – в бликах хрупкого стекла
Проступят образы купальщиц,
Их загорелые тела.

1976 г.

* * *

И день вновь прожит, и ночь покой свой в тебя вселяет,
И звезды дышат, мерцают звезды далеким светом.
И зов их вечен в ночном пространстве.
И горы, горы в сиянье лунном суровы, дики и величавы.
И в мире дети, забыв про игры, спят безмятежно.
Их встретит утро – росой и солнцем.
И все уснули в огромном мире.

Ну почему же тебе не спится?

Ты не тревожься. Ты нужен завтра.

Ведь в мире этом не все как надо.

И ты причастен к тому, что завтра должно свершиться

И что свершилось в огромном мире...

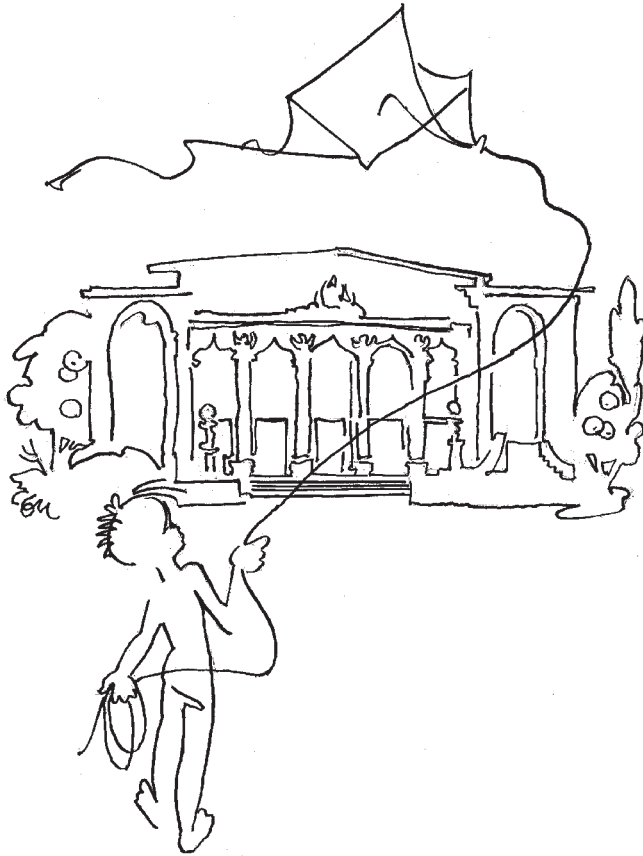
1976 г.

КРУГ

Аркан я горизонта разорву,
В закат окрашу рваную канву.
И реактивные небесные раскаты
Покажутся сквозь вечную траву.

А утром горстку пепла разнесет
Из ниоткуда вырвавшийся ветер.
И вновь вопросам не найти ответа,
И вновь в аркан затянут горизонт.

1976 г.

НОСТАЛЬГИЯ ПО ДЕТСТВУ

Я родом из детства!

Антуан де Сент-Экзюпери

I

Я родом из детства, где яблоки зноем налиты,
Где слушал в траве я стрекоз и кузнечиков музыки,
Где ветви согнулись под тяжестью спелого груза,
Где корни деревьев арычною влагой омыты,
Я родом из сада, где ныне — бетонные плиты.
Я верил, что вечно, что вечно мой сад плодоносит
И, сбросив плоды, расправляет вновь

древние ветви.

Я родом из сада, как травы и яблоки эти...
Ну, где твоя почва, железобетонная осень?

II

Я родом из юрты, где дед совершает молитву,
Коленями встав на молитвенный выцветший коврик.
Я слушаю деда — и кошмы луною облиты,
И старый сундук разноцветным железом окован.
Я слушаю деда, но голос его, что надтреснут,
Гортанней, когда он домбру своей песнею тронет.
Я слушаю деда, асык зажимая в ладони.
Залитый свинцом, асык мой —

мечта для мальчишек окрестных.

НОКТЮРН

I

У старых вязов сумрачные ветви.
Не шелохнувшись, горлинки в них спят.
И зыбь листвы,
И с гор прохладный ветер,
Все как тогда,
 как сотню лет назад.
От фонарей
Вода, как бок форели,
Зернистою поверхностью дрожит.
Подкрашенный осенней акварелью,
Дубовый лист
 на дне пруда лежит.

II

Попробуйте
По гулким площадям
Прощупать пульс
Последнего трамвая,
Уйти за город
К спящим лошадям,
Где дикая трава
И – молодая.
Попробуйте
Наполнить тишину
Звуками арычной колыбельной

И, выпуская смуглую луну,
Смеяться соловьиной трелью.

III

Что за ветер живет за стеной?..
То притихнет, то в дверь постучится,
То в листве затаится, как птица,
То в тревоге пройдет стороной.
Я не знаю, что будет со мной,
Я бы ветром хотел возвратиться,
Чтобы птицей в листве затаиться
И листвою ожить в час ночной.

IV

Притихла ночь.
В кошаре овцы спят.
Чабан молчит.
Пес ластится к ногам.
И круп коня луной посеребрен.
Конь — без седла.

Чабан молчит.
И пальцем заскорузлым
Все водит по узорам на кошме.
Гул самолета в вышине,
Как гул копыт
Степных коней туменов,
Смолкает, потревожив чабана.
И он присядет у огня,
И тени от костра отходят.
В степи кизячный запах бродит.

Притихла ночь.
Чабан молчит.
Луна.

V

Как по фотографии — по памяти
Я все восстановлю:
Ночь, луна, шелест листьев, горы,
Раскинувшийся у подножья город,
Кривые улочки
И в скверике — скамью.
Но нет тебя.
Молчат
Твои вершины
В обрамленье белом.
Изогнутая тень карагача
Мою тоску скрывает
Неумело...

VI

Вздыхают вершины
Вечными льдами — в окне.
Смутные чувства,
Они в моем сердце воскресли.
Ночь. Пылает луна.
И шепчут люди во сне,
И шелест листвы
Под звуки трамвайных оркестров.

VII

Ночь спускается с гор старухой.
Луна, как серьга, вдеа в ухо.
Заскорузлой рукою на ощупь
Закрывает впотьмах мои очи.

1976 г.

* * *

Тигренок бродит в тесной клетке,
А прутья клетки сбиты крепко.
На шкуре зверя проступает четко
Тигренка обступившая решетка.

Быть может, тот, кто в этой жизни смел,
Тянется по зову устремлений,
Но безутешный ждет его удел,
Когда в плену он собственных воззрений.

1976 г.

КОНИ

Из города мальчик родом.
В ауле ни разу не был.
Он даже коней не видел,
Разве что на картинках,
Да вот еще на экране
Черно-белого телевизора.

Однажды отец мальчишки,
Где-то в конце недели,
А если точней — в субботу,
Решил повести сынишку
На джигитовку в цирк.

Увидел мальчик
впервые
В жизни живых коней.

Вскакивая над креслом,
Глядит изумленно мальчик,
Как цирковая лошадь
Дает по арене круги.

Наездник — его ровесник —
Такие выделывал штуки
Под туловищем и шеей
Безропотного коня.

И только отец мальчишки
С грустью смотрел на это,
Далекое детство вспомнив,
Откуда примчался конь.

А мальчик глядел, смеялся.
А кони неслись по кругу,
А то, что отцу было грустно,
Мальчик не замечал.

1976 г.

I

Я у русла стою будущей долгой реки.
За спиной проступают белые солончаки.
Знаете, люди, что значат
Эти пески?..

II

На себе испытай,
Что такое пустыня!..
Обжигающий ветер жесток.
Ночью глубокой,
Ночью холодной
 не стынет
Прожаренный солнцем песок.

Вихрь
Верблюжью колючку
 с гривы песчаной
 не сбросит.

Нет
В последнем колодце и следа
 ушедшей воды.

И пустынному миру
 опять
 в эту ночь преподносит
Большая Медведица
 ковш пустоты.

И не верится здесь,
Что где-то гудят океаны.
Мираж — не мираж,
Но все здесь скорбит о воде.
И встречают тебя
Заунывною песней барханы:
“Ты вышел в пустыню,
А где,
Где вода твоя,
Где?..”

1976 г.

АЛМА – ЯБЛОКО

Паденье яблока – полет.
Жаль, вымирает наш апорт.

Оно упало внезапно. Ветвь, облегченно вздохнув листьями, приняла весеннее положение. А яблоко уже катилось, подгоняемое движением горного ручья. У голубой ели ручей круто сворачивал влево. Здесь и попалось оно на глаза ему и ей, двенадцатилетним подросткам из пионерского лагеря, расположенного в горах.

– Мое! – рассмеялась она и, сверкнув коленками, побежала к ручью.

– Нет, мое! – зашпешил вслед за ней подрастающий акселерат.

– Ваше, – изрек неизвестный старик и повернул ленивого ишака в сторону прохладного ущелья.

– Наше?! – переглянулись они.

I

Слепое счастье бытия –
Принимать дары природы.
Лежать у горного ручья
В солнечных лучах погоды.
Щекою хвойную иглу
Чувствовать,
Как ласку леса.
Взглянула белка
с интересом
И – вверх взметнулась по стволу.

По взгляду,
яблоку
и звезде.
Как это все разделилось:
Мир внешним
И внутренним стал...
Наверное,
Каждому снилось,
Что в жизни он потерял.

V

Помню,
как сейчас — помню:
лунноглазые,
тревогой дышащие вечера.
Полдни июля,
пыльные,
знойные.
Помню,
будто было — вчера.
...Ствол рукой обхватив,
я яблоню тряс.
Краснобокие яблоки
падали,
ветви ломая,
скрываясь затем
в пожухлой траве.
Они били тебя
по плечам.
Ты, смеясь,
называла их
Ньютоновым даром.
Я знать не хотел
Ни Ньютона,

Ни Дарвина,
Я яблоню тряс.
И яблоки били
Тебя по плечам,
Скрываясь
в пожухлой траве.
Ты, смеясь,
уклонялась.
Вдруг —
что-то случилось:
под летним,
цветастым,
легким платьем твоим
я почувствовал яблоко.
Тверже было оно
тех,
лежавших в траве.
Оробевшую руку
отдернув,
глаза опуская,
я увидел
упругие ноги твои.
Их впервые увидел —
такими.
Ты вниз побрела,
к горной дороге.
Первой машине,
шоферу первому
тебя я доверил.
Ни марки машины не помню,
ни номера...
Помню,
как тихо сказала:
“Пока!”
Хотел помахать

вслед тебе,
но на взмахе
повисла рука...
Где ты сейчас?

VI

Нам родина — эти холмы,
Горы и город в долине.
И дети природы все мы,
Мы яблока —
Половины.
Там
Жизнь переходит в плоды,
Нас
Яблоня благословила.
Мы
В яблоке ищем черты,
Что яблоня нам
Привила.

VII

За городом аэропорт.
Багаж без яблок.
Жаль, вымирает наш апорт,
Что был так ярок.
Хрустящ и сочен был на вкус,
По килограмму.
Без багажа тяжел мой груз —
Шлю телеграмму:
“Друзья, хотел вам привезти
То, чем гордились,
Но без знакомств мне не найти,
Со склонов скрылись

Шарообразные плоды
Без червоточин.
Все под дома ушли сады,
Их век просрочен...”
Быть может, в городе моем,
Идя друг к другу,
Себя всем сердцем сознаем
Частями круга.
Частями яблока в саду,
Его же долей,
Что превращается в беду
По чьей-то воле.

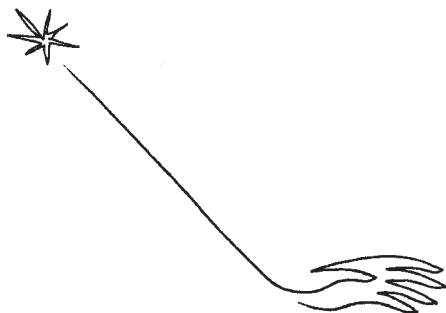
VIII

Плода нет совершеннее на свете,
Чем яблоко осеннею порой —
Под листьями, под ветвью, под горой...
Об этом, жаль, не знают в горсовете.
Но ведь не имя — суть важна в предмете:
Не гармоничен будет город мой
Без яблока — дар древности земной —
Что принимают взрослые — как дети.
И яблоко ли детства я храню,
Щекою ли прижмусь к его огню?..
В коробку зерна спрятаны до срока.
Приснится мне планеты сад живой,
Плодами будет плыть над головой.
И — яблоко несет в руке эпоха.

Половина спелого яблока лежала, отражаясь на полированной плоскости стола. И казалось целым. Яблоком.

1976 г.

Свет в окнах (1977-1978)

* * *

Не зная племени, не зная рода,
Основ не зная языка,
Ребенок плачет, нет ребенку года,
А в плаче — тайная тоска.
Он высказать пока еще не может —
Обиду или просьбу, не поймешь.
И это все он в будущее вложит
И рассечет — на правду и на ложь.

1977 г.

ИССЫК-КУЛЬ

Когда вошла твоей походкой тень,
Преобразились озеро и скалы.
Лучами солнца лето нас ласкало,
И прожитый с любовью каждый день.
И лодкой, опрокинутой вверх дном,
И зеленью озерною, и пляжем
Был этот мир, что тишиной заряжен,
Мы по нему ступали босиком.
Тянулось время золотым песком.
Мне не забыть, как в приозерной тьме
Мы перед спящим сторожем проходим,
И лодку без замка, таясь, выводим,
И весла разбираем на корме.

1977 г.

ВАЛУН

Принес его с вершины дальней сель,
И он внизу примял собою ель.

И после зноя в полуночный час,
Росою свою пылкость охлаждая,
Не на виду лежит,
Не напоказ,
А в полутьме угрюмо ожидает
Нашествия
С вершин небесных глыб
(сейчас они обрушатся на город)...

Не жди, валун.
Ведь ты для них погиб.
Вперед нельзя, и не вернуться в горы!

1977 г.

КИОКО

Я грею твои ладони,
Юная дочь Японии.
Впервые
Так беспокоюсь,
А ты улыбнулась
Скромно.
Улыбку твою
Я понял.

Спасибо Москве за случай,
За то, что среди суеты,
Среди столпотворящей гущи
Вдруг остановилась ты.

В проспектовом гуле аккордов,
Вспыхнув, клавиши этажей
Заменяли дневную гордость
Нежной грустью наших ночей.

Забредали в кафе на Сретенке
И тянули шампань-коблер.
Друг другу звонили,
Чтоб встретиться.
И наши шаги слушал
Сквер.

И прятались,
Как под крышу,
Мы под каменной аркой моста.
Ты вдруг озябла...
Я слышал:
“Аригато!”¹ – шептали уста.

И от призраков Хиросимы
Мы глазами любви хранимы,
И на этой земле многоликой
Наши чувства неразделимы.

Пульс страны восходящего солнца
Отыщу в твоей легкой руке...
Жаным, спишь?
Отражается сон твой –
Как японский фонарик в реке.

1977 г.

¹ Спасибо.

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

I

Во Владимире,
В соборовой Руси,
Покрыта древность
Свежей позолотой...

О эти споры
До предутренней росы! —
Реставрационные работы.

— Правда,
Что незадолго до тьмы,
Тьмы Потрясателя Вселенной —
Чингисхана,
Взбирались на былинные холмы
Князья из княжеств
И пришедшие куманы?

Ведь
Брали в жены русые князья
Благородных
 чернооких
 половчанок,
Ведь
Уходили в Степь
 их сыновья,

Ведь
Чувствовали Русь
они плечами.

Все ли смешалось,
Когда врывалась тьма,
Степь оглушив
копытами и криком?

Протяжным гулом
Сводил ли Русь с ума
Колокол Владимира Великого?

Молчу,
Сосредоточенный в ночи.
Приходят сном
Забывшие обычаи,
Которые историки нашли
В наследстве,
Что оставили
Язычники.

Плач половчанок,
плач былинных дев
Плыл
в ту эпоху
над широкой Волгой.
Там старец,
руки к небесам воздев:
— Волки на земле,
о господи,
во-о-лки, —
МОЛВИЛ.

Язычник там
Язычество свое
Хоронил
У перекасти-поля.
Осколки чаши
иго разнесло...
Я – летописец!
Я истину глаголю!

Храм Покрова,
Бессмертный храм вдали.
Выжил ты,
Тебе, Владимир, слава...
Раскопки
из Отраровой земли,
Горечь полыни
с привкусом отравы.

Ныне улыбаюсь я, как все.
Званье Человека
Выше стен высоких.
Смотрю на небо.
Там – и гусь, и сокол.
Они и на земле –
Не одиноки,
Когда птенцов выводят по весне.

II

Над Суздалем такая тишина!
Слышен всплеск
Пугливой рыбы в речке.
Туркомплекс,
В нем гостиница полна
Гулкой
иностранной
речи.

III

Возможно, что в далекие века
К Кремлю не допустили б ростовчане
Пришедшего без визы степняка,
Как половца в былинах, не прощая.

Забудем, что дурманило умы
И что людские души отравляло...
На исторический вопрос —
Кто мы? —
Отвечать
Я право оставляю.

Люди! — бьют в ответ колокола.
Люди! — степь копытами ответит.
За нас самих история нашла,
Что вера и надежда —
В наших детях!

...Из кельи
 ростовчанке позвоню.
Назначу встречу
 у храма митрополии.
Приходим ночью к древнему огню.
Молчание.
Люблю и помню.

1977 г.

* * *

Эмилю Лотяну

Мне кажется —
В зеленой алма-атинской ночи
Есть что-то от ночей Севильи.
Где, по-детски улыбаясь, Лорка
Слушает в горах
Таинственный ручей.
Мне мерещится в тени карагачей:
Луна льет слезы по щекам ущелья
В бессонницей пробитые сердца.

1977 г.

* * *

Тебя звали Алма¹,
тебя называл
половиной
зеленого города,
имя твое
торопливой строкою кассира
вписывалось
в голубой бланк
авиабилета,
когда к тебе я спешил,
ты шутила при встрече:
— Парень, не так переводишь,
меня звать — “не бери”.
Имя мое,
что плод,
на который
наложен запрет.
Не так переводишь,
парень,
э, не так.

1977 г.

¹ Алма (каз.) — яблоко, второе значение — “не бери”.

РОДНОЙ ОЧАГ

Родной очаг,
За все прости меня.
За то, что о корнях
Я забываю.
Все получил
От твоего огня
И ничего в ответ
Не возвращаю.
В степь ухожу,
Там на исходе дня
Своих семь предков
Я не называю.
И ничего почти
О них не знаю,
Но в сумерках
Спешу на храп коня.
Здесь мой аул,
Могилы здесь отца.
Начало — здесь.
И нет ему конца.
И этот путь
Продолжен будет мной:
Встречать людей,
Стихи дарить,
И — жить!
Судьбой
Народу своему служить.
Благословляет степь:
— Иди, сын мой!

1977 г.

В ПОЕЗДЕ, НА ВЕРХНЕЙ ПОЛКЕ

И степью запахло. Верблюды
Горды, не чванливы ничуть.
Внизу – малыша кормят грудью...
Весна возле станции Чу.

Значит,
все в этом мире спокойно.
Все спокойно. Колеса стучат.
Значит –
яблонь земных глубже корни.
Значит,
люди друг к другу спешат.
Значит,
каждый услышит “здравствуй!”
от встреченного в пути...
Улыбается женщина. Счастье
К женской прильнуло груди.

1977 г.

КЮЙШИ

Родной степи мелодия слышна.
Заслушалась ночная тишина.
И аульчане не перебивают.
Искусство — что поется для души.
Мои казахи слушают кюйши.
Семь поколений в каждом оживают.

1977 г.

СВЕТ В ОКНАХ

Во дворе соседи говорят:
“Три окошка в доме не горят!”

Ночью на балкон я выхожу,
Окна незажженные ищу.

Грусть-тоска берет меня опять.
Почему? — не знаю. Не понять.

Ведь и дом — не дом, покуда в нем
Чья-то жизнь не светится огнем.

Я и жизни собственной не рад,
Если в доме окна не горят.

Вспыхнул как-то ночью по весне
Свет в одном окне, в другом окне.

Вот и в третьем загорелся он...
Женщина выходит на балкон!

1978 г.

НА ГРАНИ

Услышу я ночью, как волны живут —
И к горлу подступит
Такая

волна

вдохновенья,

Что покажется берег
Непреходящим явлением,
Где вечное море,
Где волны живут.

И люди выходят на берег и ждут.
В сердца их вкрадется
Все это волнение,
Наверное, слышат
Они волноенье
О тех,
Кого ждут.

Вдох! —
И к сердцу прихлынет волна.
Выдох! —
От сердца отхлынет она.

1978 г.

* * *

Любимая,
обыден мир без тебя,
дерево деревом было,
а когда ты пришла,
преобразилось в березу,
любимая,
слышишь ли шелест листвы
и всплеск едва уловимый,
будто бы в речку
весло опускают,
то не вода из-под крана,
что порою ночами слышна
из настезь распахнутых окон,
это шепот фонтана
сливается с пеньем арыка,
любимая,
видишь ли пруд,
что у цветочного ряда,
давай подойдем к этому саду камней,
и сброшу я тяжесть разлуки,
чтобы с тобою бродить
по нашему городу
в эту зеленую ночь,
когда с Алатау
веет прохладой,
любимая...

1978 г.

ЗВЕЗДА

Валерию Антонову

Представьте — в городе вечер.
Шел человек с работы.
Вдруг он звезду увидел,
Что вспыхнула первой в небе
В зимний субботний вечер.

Тихо звезда светила
Над городской суетой.
На точку далекую света
Смотрел человек. Улыбался.
Даже остановился
У шумного перекрестка.

Вот подошел зевака,
Зевака из любопытных:
— Что там такое, в небе?
— Звезда, — человек

с улыбкой

Ему на вопрос ответил. —
Звезда, она нынче первой
Вспыхнула и не гаснет.

И люди вокруг столпились,
И все, на звезду глаза,
Не заметили даже,
Что в небе давно сияют
Такие же яркие звезды.

1978 г.

НЕГАТИВ

Засняли — мелькнули шторы.
Фотограф седой — учтив.
Быть белой душою в пленке,
Когда она — негатив.

В скрытой камере виден каждый,
Все вобрал в себя объектив.
Но белой душою в стоп-кадре
Обозначится негатив.

Знать,
раньше иного срока
Перед всевидящим оком
Грехи небесами отпущены.
Душа моя
белая
сушится,
Пленкою
свесеяь
раскрученной.

Где белой души мгновения
Преломлялись сквозь призмы,
Период пройдет проявлений
В лабораториях жизни.

И вот вам — цветной портрет.
А белого света — нет!

1978 г.

СТАРЕЦ

Твои ли года отразились
В полумраке ночных зеркал?..
А те зеркала облупились,
Морщинистой сеткой покрылись,
В осколки затем превратились,
Не каждый себя в них узнал.

1978 г.

ОТПАР

Библиотека,
Страницы твои —
Белые листья
Осени ранней.
В четыре конца
Их ветра разнесли.
Буря мгновенна,
А эхо страданий
Бродит,
Как тень моя,
Среди развалин.

1978 г.

ВСТРЕЧА С ИНОПЛАНЕТЯНИНОМ

Тебя не зная наяву, твое я чувствовал дыханье.
Дышала почва сквозь траву, небесный облегая камень.
И к месту встречи подойдя, на листьях
пробудившейся березы
Вижу я не капельки дождя — пришельца
человеческие слезы.

1978 г.

* * *

Я жажду работы, чтобы была по душе и по сердцу,
Чтобы рука ощущала весомость рожденного слова,
Как чувствует зодчий тяжесть бетона и камня.
Я жажду работы, для которой на свет я рожден.

1978 г.

СЕРДЦЕ

Что с тобой, мое сердце,
Почему ты в тревоге?
Откуда в тебе
Постоянная боль?
Мне бы расслабиться,
Мне бы раскованным
Быть,
Как многие,
Но не отпускаешь —
Что с тобой?

Ну разве мы врозь,
Мы разве с тобой не едины?
Что за двойник
Во мне воскресает тотчас,
Когда в суете,
Словно ветром
Гонимый,
Теряюсь среди
Окружающих
Глаз?

Что с тобой? Успокойся.
Может быть, перископом
Смотрят на мир
Глаз воспаленных
Зрачки?

В них черная боль
Отразилась настолько,
Что не спрятать
Мне их.

1978 г.

СНЕГ

Когда почувствуем вину
За полночь, перед рассветом,
Мы, окунаясь в тишину,
Ждем очищенья,
ждем очищенья,
ждем очищенья —
Первым снегом.

Вот и над нами небеса
Нависли серой поволокой...
И грянул снег. Затмил глаза.
И белая земля,
и белая земля,
и белая земля —
Оглохла.

Снег очищения идет.
Снег искупления... Эй, люди,
Грехи он наши занесет
И чистотой своей,
и чистотой своей,
и чистотой своей —
Пробудит.

Пройдите молча вы по ней.
Следы потянутся — как память,

Вина осталась в стороне,
 вина осталась в стороне,
 вина осталась в стороне,
Как сброшенный с дороги
Камень.

1978 г.

* * *

Все встанет на свои места,
Когда со стороны увидишь,
Что отражение моста
Ты, как вода в реке, не сдвинешь.

1978 г.

ВЕТЕР

Ты нахлынешь, и птичья орда
Вдруг подхватит птенца из гнезда.
Вот — неистовый взлет в непогоду.
Ветер жизни, невидимый брат,
Ты искал этой встречи, ты рад,
Что души моей видишь свободу.

1978 г.

Песок времен (1979-1980)

* * *

Юность. Ночь. Аэропорт.
Свисает над скамейкою апорт.
Разговорились с парнем.
Он влюблен.
И, кажется, разлукой первой горд.
— Ты знаешь,
Вдруг захочется бежать
На край земли,
Там, где межа
Запретная,
Упругие крыла
Почувствовать,
Чтобы бездонность
Обожгла.
Влечет куда-то
Тишина в ночи.
О мышшь летучая,
Полету научи!
Эта тварь имеет крылья-дельтаплан,
Вот стихов тетрадка втиснута в карман.
Клянусь, что строчка — это взлета метакод.
— Ну а в жизни?
— В жизни все наоборот.
— Давай покурим, парень!
Он молчит.
Пошел я. Оглянулся:
Он сидит.

1979 г.

ТОККАТА МОРЯ

Спокойно было до полудня.
Парили чайки над кормой.
И наше маленькое судно
Белело над голубизной.
И вдруг заволновалось море,
И потемнела толща вод.
И началось...
И вскоре-вскоре
Наш закачало теплоход.
Штормило море. Восемь баллов.
Не унимался ураган.
В приемнике,
Где все дышало,
Звучал мифический орган.
На суше дальней кто-то,
 кто-то
Играл токкату,
 и она,
Как будто позывные порта,
Была в тот час передана.

Гремел орган!.. И, оглушая,
Взъяренные громады волн,
Нас поднимая,
Опуская,
Ему ревели в унисон.

Так в электронный век стихия
Перемешала, взяв в полон
И моря волны штормовые,
И музыку радиоволн.

Затишье утром. Берег дальний
На горизонте в дымке тлеет.
И в репродукторе печально
О чем-то женский голос пел.

1979 г.

ВЕЧЕР

Люблю я эти вечера,
Что рождены веселым летом.
Вдали луна, вдали гора,
И — ночь
До самого рассвета.
Поможет мне найти слова
Конь, что идет неторопливо,
И сочная под ним трава,
Высокая трава — до гривы.
Темнеет ли вдали лесок,
Белеет юрта ль под луною,
Мой конь спешит на голосок —
К кострам,
 к жилью
 и к водопою.
Росою вновь прибита пыль
На стеблях спящего бурьяна.
Волной волнуется ковыль
У неразрытого кургана.

1979 г.

КОСТЕР

У костра в степи ночами образ свой,
Когда он освещает только лица.
Душе светло.
И свет души струится
И стелется дымком над тишиной.

Пылают сучья.
Искры, треск и мгла.
Прислушайся —
Как будто скачет кто-то,
Вновь исчезая там,
За поворотом.
И вновь душа
В ночной тиши светла.

И полнится легендами времен,
О них поведал мне язык костра.
Из веток зародился ночью он,
Он в пепел превратит их до утра.

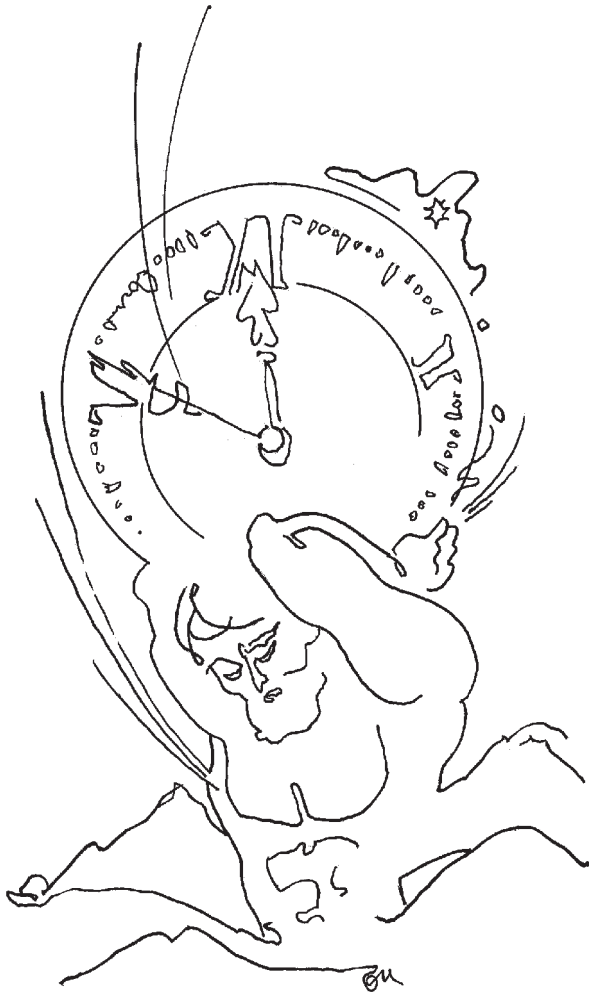
1979 г.

* * *

Шоте Валиханову

Позабитый мной с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.
Я пойму неизвестного мне
Уходящего аборигена,
Но когда я средь ночи во сне
Перед предком склоняю колено,
Сознаю, что не верит он мне,
Как пришельцу из тяжкого плена.
Усмехнется он в той стороне:
Ты меня недостойная смена.

1979 г.

СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

“Прощай, смешная Ла-Валлета!”¹ —
Припомню строчку из поэта,
И ветер ли неторопливо
Вновь приближает час прилива.
Считаю улочек ступени,
И каждая ступень — как пеня
За опозданье к теплоходу...
Все предвещало непогоду.

На плитах призраки прибоя
Запляшут тенью после боя.
И — мифы древности из пены
Ожили в духе Мельпомены.
И — в Мемфис,
 в Рим,
 в Константинополь
Вновь на быке плывет Европа.
И — из глубин
 встают
 веков
Образы
 былых
 материков.

1979 г.

¹Д. Г. Байрон.

ТУРПОЕЗДКА

Сверял гекзаметром Афины,
Но не нашел, чего искал.
Передо мной одни руины,
На сто столетий опоздал.
В углу кофейни тихо сел я
Оплакивать свой древний путь...
Найти бы время,
“Одиссею”
Перечитать когда-нибудь.

1979 г.

СОЛЬ

Обычай вспомнил моряков
В каком-то споре-разговоре.
И первый сборничек стихов,
Вложив в бутылку,
Бросил в море.

Я не знаю —
Найдут или нет,
И вынесет ли на берег.
Может,
В водах ей быть сотню лет,
Во что
Невозможно поверить.

Мне ошибки в стихах не видны.
Пусть же
Солью страницы промочит
Набегающий гребень волны
И оставит мой мир —
Между строчек.

Я — поэт,
Я развею свой прах!
Век недолгий
Мне чайка пророчит.
Но — как звезды в грядущие ночи,
Проступает
 соль жизни
 в стихах!

1979 г.

КАПЛЯ И КАМЕНЬ

Капля долбит камень
День за днем — годами,
За годом год — веками.
Капля долбит камень,
Капля долбит камень.

Вот трещинку травинка
Пробила на асфальте —
Быть может,
 под ногами
Капля долбит камень,
Капля долбит камень.

Стучит не дождь по крыше.
Ты у окна послушай, —
Быть может,
 капля ищет
Камень в наших душах.

1979 г.

РАПАНА

В Салониках, у шумного порта, где волнами
обласканы камни,
Седой повстречался грек — и рапаны показывал.
В рапанах музыка жила, по чашам
перламутровым разлита.
— Послушайте Марину, — грек сказал.
И я, закрыв глаза, все слушал, слушал.

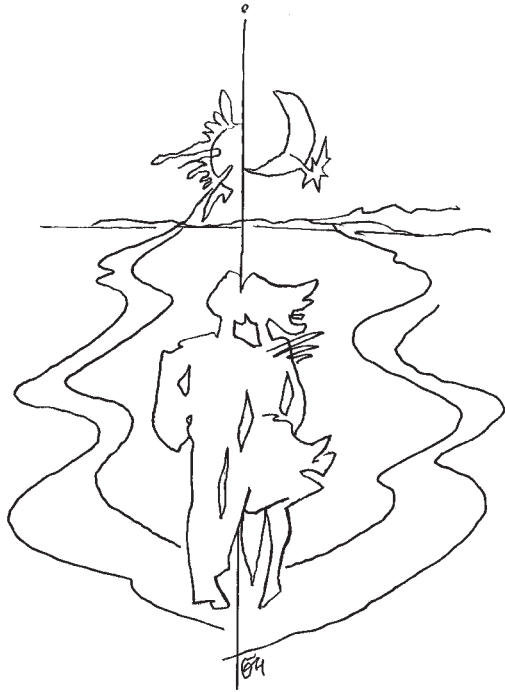
Из тех глубин, что видеть не дано, музыка
на берег выходила.
Крики чаек, голоса дельфинов перемешал
мифический прибой.
Ионийцам подпевал морской Эгей. Я, очарован,
слушал их мотивы.
Держа в руках банкноты, грек седой, не пряча глаз,
благодарил улыбкой.

1979 г.

ПЕСОК ВРЕМЕН

Там, у подножья Акрополя, видел я деву Эллады,
Она улыбалась, как будто слыша мелодию улиц.
Время ветром крошило камни холмов античного века
И песком золотым осыпало плечи смуглые девы.
Дева плыла по тропе, словно в галере, к амфитеатру,
Где музыка древних руин сливалась с дыханием моря.
Извещала афиша, что гастроль скрипача-виртуоза
Состоится в осенние дни — месяц и год нашей эры.

1979 г.

СТАРАЯ АЛМА-АТА

Н. И. Овчинникову

Природой сотворенный сад камней
Меж горных речек двух — Алмаатинок.
Там засмотрюсь на тишину снежинок,
Прислушаюсь к дыханию огней.

Мне в мире нет и не было родней
Той улочки, где черно-белый снимок
Всплывал из ночи памяти, а в ней
Звон под карнизом родниковых льдинок.

И в рифме “горы — город” есть ландшафт,
Там в мамин я закутывался шарф
В одном из обживаемых ущелий.

Пугасов мост. Фуникулер. Базар.
Кресты могил, и на холме мазар —
Сквозь голубые царственные ели.

1979 г.

ЛЕТОПИСЕЦ

Где гекзаметр жизни пролег, спотыкаясь о запятые,
Там камень точкой предстанет – и строку
навсегда оборвет.

1979 г.

МНОГО ЛЕТ ТОМУ

Как величаво высятся хребты,
Взирая по-отечески на город.
В ущелье опустился вечный холод,
А здесь — весенний дух Алма-Аты.

Арык журчит. Он виден сквозь кусты.
Пух тополей забьется мне за ворот.
И в городе родном я вечно молод,
Жаль, что его стираются черты.

Когда полны мы были ожидания,
Когда цикад еще был слышен звон,
На безымянной площади свиданья
Тюльпаном ночь дышала сквозь бутон.
Сочувствуя, гасили окна зданья,
И нам вослед вздыхал седой бетон.

1979 г.

АЛМА-АТА

Алма-Ата, зеленый город мой,
К подножью гор прильнувшая столица,
Меня благословила в путь земной.
И детства сад опять в разлуке снится:
Вот яблоко свисает надо мной,
Вот солнца луч сквозь толщу крон струится,
И в памяти встревоженные птицы
Расправят крылья за моей спиной.

Жемчужина в оправе диких гор,
И сквозь листву мне виден твой узор.
Я сердце распахну ночной прохладе.
У речки, где не слышно пышных фраз,
Не выставляя чувства напоказ,
Твой образ где-то там живет — во взгляде.

1979 г.

* * *

Обида — это не беда,
Порою лишь непониманье,
Но вырастает иногда
В тяжелое воспоминанье,
Что уязвимо, как вражда,
Неистребимо, как желанье,
Где бродит черная вода,
Затянутая коркой льда.

1979 г.

* * *

Мое прошлое – лес;
Там,
Где кроны густы,
Мои чувства,
Как листья,
В глуши оживали,
И там,
Среди листьев,
Мои мысли блуждали,
Искали
Счастливые
В жизни цветы.

1979 г.

* * *

Не завидуй ближнему,
Не завидуй дальнему,
Что тебе отмерено,
Быть тому сполна.
Будут дни веселые,
Будут дни печальные,
Будет жизнь долгая...
Холмик. Тишина.

1979 г.

* * *

То день, то ночь
Моей клавиатуры.
Но — ты вошла
В мой небольшой сюжет.
Твои зрачки
Мне светятся в лазури —
В сонате
Под названием
Белый свет.

До смутного
Дотронешься лица —
И не найти
У повести конца.

То — день, то — ночь.
Тома литературы.
И — некто
Переходит в персонаж.
На шахматной доске
Рассыпаны фигуры,
И — разрушает
комнату

Трельяж.
Вновь не найдешь
У повести конца —
До смутного
Дотронешься лица...

1979 г.

БЕЛЫЙ ШУМ

Птица взлетела. Ее певчий миг
Едва уловим в буднях недели.
Вы слышите,
 смешанный лес
 шумит!
Ведь слышат себя заилийские ели,
Верхушки свои слегка наклонив —
Как будто при звуках пастушьей свирели.
Благодарю
 за белый ваш шум,
Птица, ручей, дожди и деревья!

Я по кольцам на пне — перепишу
Мелодию бывшего дерева...
И прослушаю —
Как пластинку.

1979 г.

ВЕСНА

Вновь время облегает нас
Волною ветра.
Необозримая для глаз
Даль в километрах.

Пробил веселенький росток
Кору асфальта.
И обновленья бродит сок
В начале марта.

Внутри чернеющих стволов
И — в наших душах.
Умом необъяснимый зов
Все лезет в уши.

О изумительная грязь
И запах ночи.
Смех кошек во дворе у нас,
Где свет не очень.

Звонки трамваев, шум машин
И где-то в небе
Сверхреактивный гул турбин —
В одном напеве.

Сирень взрывает белый цвет
У новостройки.
Свободно щелкнет шпингалет
В оконной створке.

1980 г.

ТАМАРИСК

И так поздно цветет тамариск,
Что любить – нераспознанный риск.
Нежно-розовый цвет лепестков,
Словно томик японских стихов,
Что под осень на даче раскрыт,
О цветах он тебе говорит –
Что так поздно цветет тамариск,
Что любить – нераспознанный риск,
Что его нежно-розовый цвет
Даст тебе запоздалый совет.
Он в ущелье цветет не для всех,
Несмотря, что уже первый снег.

1980 г.

ВСЛУШАТЬСЯ – ЗАСЛУШАТЬСЯ

Погружаешь пальцы
В ящик светлой музыки.
Черно-белых клавишей
Возгласы слышны.

Все,
Что было случаем,
Освещает музыка:
Вспомнилась мне
Улица,
Встреча у сосны.

Чем с обидой хмуриться,
Лучше мне прислушаться,
Вслушаться – заслушаться,
Встретиться с тобой.
За окном вся улица
Фонарями щурится,
Чтоб не вышла
 в будущем
Встреча стороной.

Пальцы твои тонкие
Отведу от ящика.
Прекратится музыка,
Улица молчит.

Фонари всей улицы
Освещают ярче нас,
Или эта музыка
В нас уже звучит?

Чем с обидой хмуриться,
Лучше нам прислушаться,
Вслушаться – заслушаться
Возле той сосны.
За окном, где улица,
Бродит наша музыка,
Черно-белых клавишей
Возгласы слышны.

1980 г.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

В предгорьях Алатау
снег выпал на рассвете.
И яблоня в листве таила грусть.
И было тихо.
Там, среди ветвей,
яблоко в ущелье гор пылало.
И стая птиц,
снег стряхнув над ним,
взлетела
и исчезла
за хребтами.

1980 г.

* * *

Сон ли зеркало души,
Проступившее из ночи?
Эй, поведай — расскажи,
Как ручей уводит в рошу,
Как вселенной на крыло
За какие-то мгновенья
Переходят отраженья
Сквозь моей души стекло,
И по-щучьему веленью
На рассвете
Тают тенью.

1980 г.

ОГНИ В СТЕПИ

Дорогу намечают огоньки
До скрытого за тьмою горизонта.
И как бы ты ни вглядывался зорко,
Не разгадать — близки иль далеки.

Быть может, скоро убедишься в том,
Что истину познать в ночи не поздно:
Не то она горит земным огнем,
Не то она — мерцающие звезды.

1980 г.

ТАНЦЫ НА ВЕРХНЕЙ ПАЛУБЕ

Танцуй, студенчество, в ночи,
На верхней палубе качаясь,
Где шансонье — L'amig! — кричит,
Где джинсы, свитера смешались.
Где бесприютное жильё,
Танцуй, студенчество мое!

Пьянея от морской воды,
В открытом море — душу настезь!
В том неземное наше счастье,
Что с морем мы теперь на “ты”!
Над нами мириады звезд,
Под нами штормовые толщи.
На палубе волна пророчит
Мне вкус твоих веселых слез.
Ты к моему прижмись плечу —
Береговые видят страны
Сквозь время и сквозь ураганы —
Я расставаться не хочу!

...Электромусыка в миноре
Сливалась с морем в поздний час.
И, к ней прислушиваясь, море
Не разлучало ночью нас.

1980 г.

* * *

Постигаю
Звездное пространство,
Соизмерив
Время, что во мне.
Свет поиска,
Не умирай в окне,
Дай вычислить
Константу
Вечных
Странствий.

1980 г.

* * *

В моей окраинной квартире
Молчит гитара бездну дней.
Не так, быть может, что-то в мире,
Когда так тихо у дверей.

И ни к чему нам прятать души,
Ночь и без этого темна,
Стучите в дверь, покой наруша
По эту сторону окна.

1980 г.

НИТЬ ПАМЯТИ

Трава ли степная очнулась,
Ветер ли стебли качал —
Песня в душе шевельнулась,
Жаль, что слова я не знал.
Мать ли накинёт на плечи
С детства знакомую шаль,
Ветер ли стихнет под вечер,
Песню ль рождает печаль?..
Дом у реки, возле дома
К бабушке тянется внук —
Не оттого ль так знакомо
Сердца усилятся звук?
Вспомнишь и ты у колодца:
— Путник, испей-ка воды.
Эхо добром отзовется
И сохранит от беды.

1980 г.

52

ОПЫТ

Судьбы моей ненабранная гранка
Все тает звездным росчерком пера.
И творчества приподнята вновь планка,
И на страницах — иней серебра.

И строф невидимые тропы
Исхожены давным-давно...
Ведет поэзия свой опыт,
Не всем знать результат дано.

1980 г.

* * *

Даже если душа прикорнула, как спящий ребенок,
Несмотря ни на что это тихое чувство живет.
И влечет меня вдаль по невидимой тропке спросонок,
Хоронясь где-то там, где-то там от нелепых забот.
Кто зажег его, кто заслоняет от сонма событий?
Вне политики, вне демонстраций и митингов вне
В эти смутные дни встрепенется серебряной нитью,
Одичалой листвой затрепещет в раскрытом окне.

1980 г.

СТЕПЬ

Степь поила меня молоком молодой кобылицы.
Помню, полынью горчило оно.
И тянет и тянет из чаши той вечной напиться...
Поезд в степи. Тамбур. Я и окно.

1980 г.

НОЧЬ И УТРО

Воспаленное чувство тревоги,
Вспыхнув в небе, вторгается в сон.
Бродят призраки взрыва, как боги,
Вея пеплом на стыке времен.

Наложил ли на волю пророка
Вето жизни всевышний судья?
Кто придумал нам эту эпоху,
За последний предел перейдя?..

И под утро,
Уняв наважденье,
Торопливо ребенка веду
От приснившегося
Уничтоженья
К звонкой радости
В детском саду.

Каждый день
Я его отвожу,
Будто пастырем в доме
Служу.

1980 г.

* * *

Над головой ребенка бездна
И бесконечный свет звезды.
Он осознает бесполезность
Царящей в мире суеты.
Когда его минует вечность,
Махнет рукой в досаде он.
И вновь, как в детстве,
Бесконечность:
Звезда,
Дорога,
Небосклон.

1980 г.

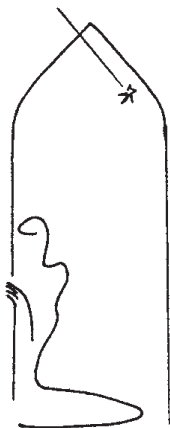
* * *

И никаких тебе забот.
Гармония случайных нот,
Как будто бы синкоп капли.
Прохожий, может быть, поймет,
Что не трамвай со мною ждет —
Счастливым день в конце недели.

1980 г.

Небесная связь (1981-1982)

* * *

В далеком доме плачет мать моя.
И слезы чую сквозь пространство я.

Необъяснимый в моем сердце страх,
Не просыхают слезы на щеках.

— Мама, мама, что за стук и тень в окне?
— Это ветер, ветер это в тишине.

А время мчится, время мчится вспять:
Склонились надо мной отец и мать.

И в детстве я, покуда не подрос,
Все спрашивал, стыдясь незваных слез:

— Мама, папа, кто стучит, чья тень в окне?
— Это ветер, ветер это в тишине.

Как на себя взглянуть со стороны? —
Черты отца во мне отражены.

За гробом шел, не понимал в тот миг,
Что я отца ушедшего двойник.

— Мама, мама, это папа там в окне?
— Спи, сынок мой, это ветер в тишине.

И снова плачет, плачет мать моя,
И сквозь пространство вижу слезы я.

Я умираю и рождаюсь в этом сне:
Перекусили пуповину мне.

— Бабушка, я слышу чей-то стук.
— Это ветер, ветер это, внук.

1981 г.

* * *

Когда я заплакал однажды во сне,
Волшебное слово промолвили мне.
А утром я вспомнить то слово не мог,
Мне мать отвечает:
— Не знаю, сынок...
Волшебное слово для близких людей
Мерещится рыбкою в неводе дней.
Когда засыпаю — в ночной тишине
Опять это слово приходит извне.
А утром не вспомнить, найти не могу.
Один только вздох, что не вставить в строку.
Как будто бы ношу сын принял из рук:
Всплакнул он во сне, заворочался вдруг.
Заветное слово пройдет ли сквозь сон?
А если пройдет, то запомнит ли он?

1981 г.

ЗНОЙ

Ущелье спит.
Сынишка чабана,
Что выскочил
Из мелководной речки,
Дрожит и льнет
Всей робостью овечьей
К груди широкой
Старца валуна.

Мерцала стрекоза
Невдалеке.
И мальчик виден был —
В ее зрачке.

1981 г.

* * *

Веселая мысль витала
В пространстве земном-неземном,
Об этом душа только знала,
Да утром забыла о том.

Не смочь мне бессонницу ночи,
Что вновь под глазами легла.
Почувствую жилку на ощупь,
В ней боль головная жила.

И кто ее, кто ее знает,
И думы сейчас не о том,
Что где-то и ныне гуляет
В пространстве земном-неземном.

1981 г.

БЛУДНЫЙ СЫН

Казна и казнь —
Вы символы державы.
На дыбу
Вздернут я,
И чей-то лик
Сквозь камень
Проступает,
Сквозь скрижали:
Вырвали
Еретику язык.

И где-то там
Уже рождался Разин,
И дергалась
У государя бровь.
И рек боярам он:
“Пуста казна
Без страха
И без казни!”
Хмелел народ:
“Коль нету крова,
Пошто вам наша кровь?!”

Здесь русский дух
С моей смешался кровью,
Я не прошу
Здесь места на ночлег.

А где-то там
Без очага, без крова
Последний
Умирает
Печенег.

Твой третий Рим
Я весь
Искуролесил,
От жизни
Злого умысла не ждал.
Юродивый,
Я уходил по весям,
Над страждущими
Я не хохотал.

А что я здесь,
На то и божья воля,
О жизни мне
Не стоит сожалеть,
И свыше мне
Предпосланная доля
На чашах
Перетягивает
Смерть.
И моя глотка,
Над толпой орущая,
Вдруг захлебнется
Горстью той земли,
Где воспарит
Душа моя
Мятущаяся,
И сквозь туман
Рассеется вдали.

По чернозему прошлого ступая,
Грядущее меня не обойдет.
И заблужденья наши исправляя,
Преемника по духу назовет.

И ржавый крюк
Перед царевой свитой
Мне на колени
Не дает упасть.
Я покидаю,
Мир,
Твою обитель,
Мне государев
Не страшон указ.

Взирайте на меня,
Как на икону
Взираете из сумрака лучин.
Не надо
Ни казны,
Ни казни мне,
Ни трона...
Ты слышишь, отче,
Я — твой блудный сын!

1981 г.

ДВОРИК

Фонарь апельсиновой коркою вспыхнул вновь
в дебрях листвы,
И — дворик затерянный ожил
веками державной Москвы.
Что помнит сей дворик? — Волны времен
оседали в квартирах.
Маски сменялись на лицах жильцов — нет пророка
в кумирах.
Пустая скамейка под фонарем, подъезда
со скрипом дверь.
Выходит старая дева эпохи — дома этого дочь.

1981 г.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

Вникаю в кадры...

Вот, медаль

На станции отдав мальчишке,
В ночную взглядываясь даль,
Стоит солдат...

Вот пламя спички

В пропахших порохом руках,
Мерцает и в моих глазах.
И тлеет, тлеет папироса,
В ней пепел плана “Барбаросса”,
И струйкой дыма суть вопроса
И огонек надежды в ней –
Сквозь горечь
пережитых дней.

Вагон.

Состав.

Вздых паровоза.

И песня скрашивает прозу:
– Друзья, купите папиросы,
Смотрите, ноги мои босы!..

Не раз был слышен тот куплет
На станциях моей Отчизны.
Вот – хроника военных лет.
Из киноленты брезжит свет,
Погибших возвращая к жизни.

1981 г.

ЗЕМНАЯ БАЛЛАДА О КОСМОСЕ

Чингизу Айтматову

Где эта станция?
Где эта станция?
– Там.
Как зовется она?
“Тюре-Там” – говоришь?
– “Тюре-Там”.
И солнцем палима
и пламенем
мощных ракет
Земля,
что на карте
в желтый
окрашена цвет.
Где эта станция?
Где эта станция?
– Там.
“Тюре-Там” по-степному
зовется она.
“Тюре-Там”.

...Вот летчиков группа
в тени на перроне стоит,
и степная листва
над ними слегка шелестит.

Посмотрит старушка
и тут же забудет про них,
идет вдоль вагонов,
и звонкий
доносится крик:
— Бир сом одна дынька! —
Людские мешая слова,
прячет смятые деньги
в цветистые рукава.
Она
видит ночами
пылающий в небе костер.
Она
внука не пустит
за дальний
запретный бугор.
Узнает
лишь завтра
о том,
что случилось вчера:
в полнеба,
в полнеба
след
космического
костра.
Где эта станция?
Где эта станция?
— Там.
“Тюре-Там” — говоришь?
— “Тюре-Там” — говорю.
“Тюре-Там”.

Поезд тронется,
степь
проплывает
с обеих сторон.
Быть может,
 в купе
кто-то скажет:
– Вон там космодром!
Как обыденно все,
ни ферм не видать,
ни ракет,
лишь локатора ухо,
да тревожный
на завтра
рассвет.
Да “уазик” пылит,
скрывшись
за безымянным холмом...
Ты взгляни, лейтенант,
 ты вернешься,
 ты вспомнишь о том,
что здесь эта станция,
 здесь эта станция,
 здесь.
И взлетает орел
 над тобою –
 как добрая весть.

1981 г.

* * *

Владею тайной я, она в глазах подростка
Обиду переплавит, и на его судьбу,
Вновь язычком свечи смахнув слезинку воска,
Сквозь время на года наносит ворожбу.

И тенью бытия займет углы пространства,
Листвой зашелестит в час летнего дождя.
Невидимый в ней свет, в ней образ постоянства,
Приметами добра сверяю тайну я.

1982 г.

ГУСЬ НАД ГОРОДОМ

Гусь летит с перебитым крылом...
Два крыла твоих — радость да горе.
Не увязни в воздушном растворе,
Дикий гусь с перебитым крылом.

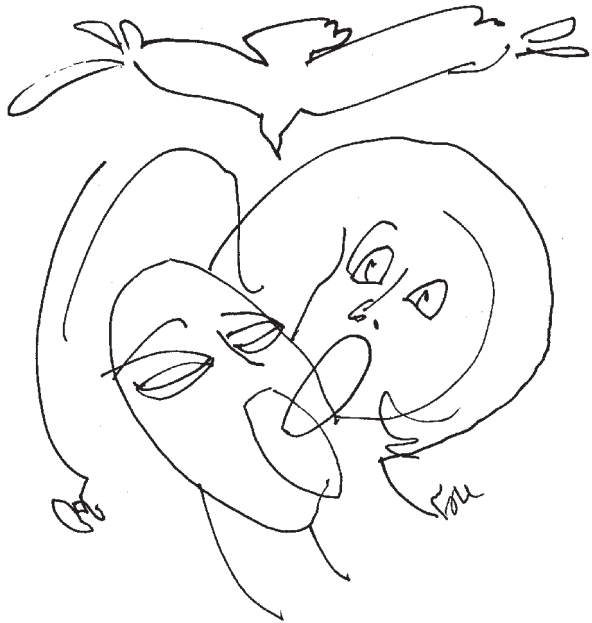
В новостройках не вспомнят о том,
Не помянут жильцы в разговоре.
Эх, крыла твои — радость да горе,
Дикий гусь с перебитым крылом.

Близко к озеру микрорайон,
Что раскинулся на косогоре.
Эх, крыла твои — радость да горе,
Дикий гусь с перебитым крылом.

Кто стрелял?
Он тебе не знаком.
Наследил он в небесном просторе.
Эх, крыла твои — радость да горе,
Дикий гусь с перебитым крылом.

На окраине строится дом.
Гусь летит с перебитым крылом.

1982 г.

* * *

Взирали хребты поверх молчаливых холмов,
Как солнце за дальней равниной садилось,
И душу заката, что кровью сочилась,
Вбирали в себя сквозь царство крутых облаков.

И осень в горах в эти дни находилась,
Со спящих деревьев рдяный срывала покров.
И дикая груша, вновь не имея плодов,
Под ветром над речкою не обнажилась.

В ущелье шуршали цвета листопада,
Дышала земля, плодами уставшая зреть.
И эхо всплывало. Туман и прохлада.
И росинки роняла сиротливая ветвь.
Огненный лист — вот моей жизни награда —
Прижался к рубахе сердце мое отогреть.

1982 г.

* * *

Ждал Новый год,
Как в детстве ждал подарка,
Что прячут под подушку в поздний час.
И – ветер, словно маятник, качал
Фонарь надежды
во дворе под аркой.

1982 г.

* * *

И пролегли вдоль берега следы,
Их волны неустанно омывают,
И с каждою волною они тают,
И в каждом — дышит горсть живой воды.
И если ночью волны затихают,
Забьется чешуею свет звезды,
Быть может, звезды, только звезды знают,
В какую даль ушла по жизни ты.

Звезда молчит со мной наедине.
Волна спешит, спешит волна к волне.
О волны, волны, вы по звездам сверьте
Необратимый этой жизни путь.
Он далеко за морем где-нибудь
Соприкоснется с горизонтом смерти.

1982 г.

СВЕТ

Былого свет ты в памяти хранишь.
Свет нынешний – всегда перед тобою.
Два света ты в один соединишь:
Свет будущего брезжит над строкою.

Вторгается он в сны, когда ты спишь.
И ты, очнувшись вдруг, ночной порою
Выходишь в степь, подхваченный волною,
И там, в степи, под звездами стоишь.

Звезды далекой ты услышишь зов.
И выразить – увы! – не хватит слов,
Не хватит слов, не хватит слов поэта.

Сомнения пройдут и горечь снов,
И будет жить основой основ
Родившееся в сердце – чувство света.

1982 г.

СВЕЧА

Ты в комнате. Свеча перед тобой:
Огонь столетья прошлого тревожит.
И на стене запечатлеть он может
Склонившийся твой профиль – теневой.

Свеча горит. И шепчешь ты с мольбой:
– О господи, какая мука гложет,
Какая мука путь земной итожит?
И – Млечный путь встает перед судьбой.

И вскоре слезы высушит твои
Жар пламени. И ты повремени
Гасить огонь. Свеча в нем умирает.

Горячий воск вдруг каплей на ладонь.
Слеза свечи. И ты слезу не тронь.
О прошлом она нам напоминает...

1982 г.

* * *

Я руки твои, мама, вспоминаю:
Мне хлеб они дают и молоко,
Хлеб детства молоком я запиваю,
И жить мне, пятилетнему, легко.
И мне еще до школы далеко,
Вселенная — мой двор, где я играю,
Все остальное вскоре я познаю,
Оно пока вне дома моего.

В тебе живет дух мира и земли.
Я помню руки, что меня вели
И вывели впервые за ограду.

Иду я в жизнь. И твой наказ храню.
К тебе приду — и голову склоню.
И мне твой свет — судьбы моей отрада.

1982 г.

* * *

На Волге иль где-то в Сибири,
Или, может, в райцентре глухом
Перехватит дыхание гром —
Размахом,
 простором
 и ширью!
И сердце покоя не хочет,
На мгновение сердце замрет,
И как только гром
 прогрохочет,
Белым словом в душе оживет,
В белом слове утка ныряет,
В белом слове дятел стучит...
Потом это все умирает
И с новою силой звучит.
И дальше, и дальше, и дальше,
Все ближе, все ближе — ко мне;
Так радость в ночи обозначит
Свет родины в каждом окне.

Дождь,
Туман над полями,
Дорога, ведущая в лес...
Это все было — веками,
Будет — все это,
Все это — есть.

1982 г.

НАША ЖИЗНЬ

Гульнар

Быть может, пробил исповеди час,
Когда в наитишайший этот вечер
Мелькнуло ненароком между фраз
Мгновение той нашей первой встречи.

Быть может, глубина печальных глаз
Таит все то, что боль мою излечит.
Какая тяжесть нам легла на плечи?..
Своя судьба у каждого из нас.

Твоими я слезами обжигаюсь.
Люблю, грущу, смеюсь, целую, каюсь.
И ни к чему нам уходить в мечты.

Вот – наша жизнь! Она объединяет.
И нас самих друг другу объясняет.
С ней до последней мы дойдем черты.

1982 г.

* * *

И комната, и среди ночи ты,
Прижав к груди, баюкаешь ребенка.
И в полумраке белая пеленка,
Как белый флаг притихшей суеты.
И жизни незасвеченная пленка
Проявится, сметая тень беды.
Взгляну глазами своего ребенка
На просветленные твои черты.

И многое мне надо бы сказать,
Так многое, что лучше промолчать.
Вот — пантомима жизни, а не сцены.
Не важно говорить, важнее знать.
И, зная, никому не объяснять,
Невидимые чужа перемены.

1982 г.

ВЕТЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Да хранит тебя — когда я вдалеке —
Светлое мое воспоминанье,
Ветром поглощая расстоянье,
Прикоснется ветерком к твоей щеке.

Да хранит меня — когда ты вдалеке —
Образ твой. Минуя расстоянье,
Прикоснется он к лицу — щека к щеке —
Легким ветерком воспоминанья.

Быть может, бродят ветры жизни брэнной —
И мысли о любимых в наши сны
Дорогою выносят сокровенной
При свете звезд во мраке тишины.
Разрозненные судьбы по Вселенной
Собой соединять — обречены.

1982 г.

СТОЛИЧНЫЙ ВЕТЕР

Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души.

О. Мандельштам

С единственным рублем в кармане
Гуляю по ночной Москве.

Меня при встрече не обманет
Великодушный

старый сквер.

Он отчеканит золотые
Из черных крон.

И этот дар

Швыряю я на мостовые —
Как самозванный государь.

Столичный ветер,

мне знакома

Твоя гуляющая мощь.

И мне не отсидеться дома

В такую ночь,

В такую ночь!

На Пушкинскую площадь выйду

И растворюсь в твоей толпе.

Я сущности своей не выдам:

Мне плакать хочется и петь.

Проходящая толпа, родная,

Разноязыкая толпа,

Тянулась к центру ты от края,
К тебе ведет моя тропа.

Я к твоему склонюсь граниту
И машинально закурю...
Тебя,
Мой город-повелитель,
Рублем последним одарю,
И до отчаянья последним
Мятежным выдохом души.
И, неизвестный мне посредник,
Меня назвать ты не спеши.

1982 г.

СОМНАБУЛИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Где дышат Патриаршие пруды
Вечерним светом отраженных окон,
Там над скамейкой, где сидела ты,
Свисая с ветки, шелковичный кокон
В угоду рифме твой напомнит локон.
И повторится все: сидела ты,
Дышали Патриаршие пруды
Вечерним светом погруженных окон.
Быть может, персонажи баснописца
Из дерева и камня оживут.
Мартышка, рак, ворона и лисица
К скамейке подлетят и подползут.
И скажут мне, что, опустив ресницы,
Вчера весь день она грустила тут...

1982 г.

И – ни к чему ей был Литинститут.

ОСТАНКИНО

Встает державный шпиль бетонной телебашни,
Над городом пространств так распахнув крыло,
Что где-то спутник борозду небесной пашни
Ведет, ведет, ведет — до встречи с НЛО.
В останкинском пруду не спит мое весло.
Я, погрузив его, отгреб пустые шашни.
И в отраженный шпиль восходит день вчерашний,
Мерцающая на воде сквозь темное стекло.

И вновь фантазия проспекта Королёва
К бульвару Звездному в ночи меня влечет,
Как птица, не найдя под этим небом крова,
К кинотеатру “Космос” выправит полет.
Сеанс идет всю ночь. У входа сторож слова —
Поэт с метлой и на полставки звездочет.

1982 г.

* * *

Нить небесную ищет воочию
Телебашня, нацелив иглу.
Чуть поодаль от Марьиной рощи
Дом зеленый не спит на углу.
Если ночью все заперты двери,
Не смиряется с этим душа
И пожарной лестницей мерит
Путь до пятого вверх этажа.

Здесь духовная пища в избытке.
В тайнах серого вещества
Не одну совершает попытку
Экзистенция существа.

При талантах на гения голод
Дом испытывал (так оно есть).
Зацепился здесь ангел за провод,
Телебашня не приняла весть.

1982 г.

* * *

Еще не брезжит предрассветный час,
Еще окутан мир ночным покоем.
Вселенная все кружит звездным роем,
Во времени перемещая нас.

Смятенье чувств невысказанных фраз,
Прощались предки так перед конвоем.
Мы лица наши над судьбой откроем,
Срывая маски с воспаленных глаз.

Забудем ночь. За все ее простим.
Мы пробужденье к жизни сохраним.
Об этом шелестит неторопливо,
Вобрав в себя лучей небесных ток,
Когда светилом заалел восток,
Склонившаяся над рекою ива.

1982 г.

ПО ТУ СТОРОНУ ОКНА

Во мне не спят твои печали,
Живая ветка за окном.
Мы ночи напролет сжигали,
В который раз рассвет встречали,
А листья о другом шептали —
Все не о том, все не о том.

И зеленея, и желтея,
Вновь зимовать тебе пришлось,
На лунном диске вновь чернея,
Но не было тебя роднее —
Не ты ль стучала в дни апреля,
Или стучал рогами лось?

Тебя влекли степные дали,
За городом аэродром,
Но корни вновь не отпускали,
И вновь с тобой рассвет встречали,
И листья в форточку влетали
И — умирали над столом.

1982 г.

* * *

Не просто высота Памира,
Не Эверест и не Парнас,
А то, что возвышает нас,
Земное чувство — чувство мира!

1982 г.

* * *

В наискось
Отброшенную тень
Вечер манит
Уходящий день...
Ночь.
Млечная
Клубящаяся россыпь...
Там месяц канет,
Год,
За веком век,
А ты все ищешь,
Ищешь, человек,
Ответы на вопросы
И — вопросы.

1982 г.

* * *

Я помню то оцепененье,
Когда змея в полдневный зной
Как бы на вечное мгновенье
Вопросом встала предо мной.

Не отскочить и не свернуть,
Я стыну камнем на тропе.
И чем закончится мой путь,
Я чувствую, оторопев.

Но путь змеи в каком-то метре
Прошелестел, как будто ветер.
И взгляд, остекленело жгуч,
Исчез в граните горных круч...

1982 г.

ЦОК-ЦОК

Перелесок за аулом,
Прячется в траве ручей.
Проезжаю на кауром
Я среди карагачей.

И вослед мне смотрят люди
И благословляют путь.
Я ночлега не забуду,
К вам вернусь когда-нибудь.

А пока дороги дальней
Лента тянется в тиши.
Вторит конь моим желаньям,
Льется песня из души.

Льется песня, бьет копытом
Подо мной веселый конь.
И мелодии забытой
В сердце плещется огонь.

1982 г.

Вечный мотив (1983-1984)

НАД УРОВНЕМ МОРЯ

Из чрева бетонных строений
Мы вырвались в горы на “Волге”.
Извилистой лентой

вдоль елей

Дорога тянулась.

И долго

Глазели сквозь окна машины

На ледниковую высь.

Сползали на стекла вершины,

Их отражала Арысь.

Казалось,

что мы угорели.

И здесь,

среди озоновых

елей

Глотали мы воздух весны

И — видели слезы сосны.

1983 г.

МЕДЕО

Дороги горной серпантин
Петлял по склонам.
Стихийным росчерком вершин
Гудели кроны.

Столбы мелькали и дома,
Шуршали шины.
В который раз сводил с ума
Вираз машины.

И, повторяя поворот
Высокогорный,
Сталь конькобежца режет лед,
Скользя проворно.

Спираль движения звенит,
Щекочет нервы.
Сейсмологический зенит
Там, где-то в недрах.

Не раз качнемся на весах
И – на качелях,
Оценка в баллах и в очках
Во имя цели.

Ключами все заведено,
Но по соседству
С невидимым веретеном —
Душа и сердце.

Где вечен запах кизяка
И дым над речкой,
Пастушка на холме легка
Среди овечек.

1983 г.

ВЕЧНЫЙ МОТИВ

Мы остаемся.
Уходит все сквозь годы.
Уходит незаметно, невзначай.
Прощальные слова
В моем теснятся горле,
Страшит необъяснимая печаль.

О, позднее невозмутимое прозреньё!
Спокойный шаг, спокойный жест руки.
Невидимые в нас распались звенья,
И кажется, дни прошлого — легки.

Мы остаемся,
Но кто мы — врозь?
Два полюса, что держат равновесие.
Не от того ль до слез внезапных весело,
Что сдвинута земная наша ось?..

1983 г.

ТЮЛЬПАНЫ

Упруги,
Быть может,
от влаги,
Но лепестками
лакмусовой
бумаги

Краснеют
В растворе
Воздуха
От ласки
Озябших
Рук.

Мертвый сезон
В доме отдыха.

Горы.
Тюльпаны.
Юг.

1983 г.

* * *

Навстречу девушка идет
ее не знаю
знаю
вот она в двух-трех шагах
ее не знаю
знаю
на расстоянии руки
ее не знаю
знаю
она чуть улыбнулась мне
ее не знаю
знаю
осталась где-то позади
девушка
ее улыбка
жить будет в памяти моей
и пусть
ее не знаю
знаю

1983 г.

И под медный ли траур Шопена,
И от скорбных шагов похорон
Ты свой скрип загоняла под стены,
Но ночами мне слышался стон.
Здесь в углу моя мама вязала
На суровую зиму носки.
Не ее ли ты плачу внимала,
Все цепляясь гвоздем за клубки?..
Что хранишь, что хранишь под собою,
Дома старого радость иль страх?
Подниму – и найду под тобою
Поистершийся старый пятак.

1983 г.

* * *

Мы на четверть видны были в жизни,
на три четверти погружены
В эти образы, что нами движут, и в них мы
пока не видны,
Как должны мы писать — нам заведомо
диктовал там какой-нибудь лоб.
Был уверен он в жизни, не ведая,
что по сути — лакей и холоп.
И — не только на кухне быть искренним
накануне гражданской войны,
Нас простые житейские истины не спасают
от чувства вины.
Ломка судеб, характера, голоса, ломка взглядов
на время свое.
То, что было вне нашего возраста, заполняет
все наше житье.

1983 г.

МАЛЬЧИК

И как по тропинке мальчик бежал, по забытой тропинке,
И как по арыку плыл лист пожелтевший,
листья пожелтевший,
И как по дороге, впрягшись в телегу,
шла лошадь понуро,
И как по щеке слеза пролегла, на губах горький привкус.
Высохли слезы, сгнил лист пожелтевший,
а мальчик остался.
Птицы исчезли, скрылась лошадка, а мальчик в матроске
Стоит на обочине детства, взглядом меня провожая...

1983 г.

ПОЭТ И ОБЫВАТЕЛЬ

Зачем же я, песчинка во Вселенной,
Памятью многовековой живу?
Зачем же я, былинка жизни тленной,
Всесильным существом себя зову?
Зачем же я зову дорогой верной
Весь этот путь? — Во сне иль наяву,
Пройдя не лицемерную канву,
Он сутью обнажится лицемерной.
Мучительные вечные вопросы.
Ответит жизнерадостный кретин:
— Идите в степь и, не меняя позы,
Предстаньте перед звездами один.
Свою звезду найдите там сквозь слезы.
И — у нее спросите, гражданин.

1984 г.

* * *

Я чую подземные воды,
Дыхание жизни сквозь мрак.
Земля,
Твои добрые всходы,
Земной твоей вечности знак
Есть в каждом живом проявленье
Природы.
И я, человек,
В ней высшая форма творенья...
Душа не вмещается в век.

1984 г.

СКАЗКА

Слушай,
маленький принц,
ухожу я вслед за тобою,
а горячего нет
на дальний такой перелет.
Мировой океан
людской сотрясает болью,
война в этом мире,
война в этом мире
идет.

Слушай,
маленький принц,
явись ты надеждою к людям,
как однажды пришел
в мертвой пустыне ко мне.
Пусть услышат они,
и нас после этого
судят
за слова, что звучат
на самой последней,
самой жестокой,
самой безумной
войне.

— Раскованы будьте детством,
Раскованы будьте сердцем,
раскованы будьте,
люди,
взглядом раскрытых глаз.
Поймите меня,
спешащие,
поймите меня,
суровые,
поймите меня,
угрюмые, —
зорко лишь сердце в нас!
Слушай,
маленький принц...
Он улетел. Разбился.
Может быть, свет
Преломился
в толще
оптических
линз?
За поворотом скрылся
доверчивый
маленький
принц.

1984 г.

ГОМЕР И ЭПОС

Мурату Ауэзову

– Вечность прошла, что помнишь, двойник мой,
с тех незапамятных пор?
– Все помню отару, в долину плывущую волнами с гор.
В ней будущей жертвой плакал кудрявый,
быть может, ягненок.
Но это я понял не сразу, понял не сразу спросонок.
– А что было дальше? – А дальше оставил открытым шатер
И вышел в долину, и бился в долине рогами костер.
И мчались к костру Шайкуйрык, Тайбурыл,
Маникер, Кокжорга¹,
Всадники пали и умирали от ран в плену у врага.
И тризну справляли по всадникам лошади, выбив следы,
И – кружились, кружились, кружились лошади,
встав на дыбы.
А их жилы напомнили мне в аркане сплетенном узлы,
Что клювом литым разрывали парящие в небе орлы.
А их мощные груди прочнее древних гранитных камней,
Плит надгробных в мазарах были могучие груди прочней.
Вздымали копыта и ржали, касаясь копытами звезд,
И там высекали небесную молнию будущих гроз.
От этих поминок в долине степной на века я ослеп.
Саркыт² остался от тризны. Прими, вот – кумыс,
мясо и хлеб.

1984 г.

¹ Имена легендарных коней казахского фольклора.

² Гостинцы с поминок.

* * *

Сквозь крыло стрекозиное мир выплыл, казалось,
из детства,
Это я или мальчик стоит? — память скрепила соседство.
Здравствуй, мое отражение далекого детского года!
Песчинка твоя сквозь купол хрустальный видна
небосвода.
Там стрекозиные крылья пропеллером жили
в пространстве,
Хрупки они, далек был полет — кану куда
после странствий?
Крыло стрекозиное годы спустя превратилось в стекло,
Превратилось в стекло, что не переплавится
в чье-то крыло.

1984 г.

ЛАСТОЧКА

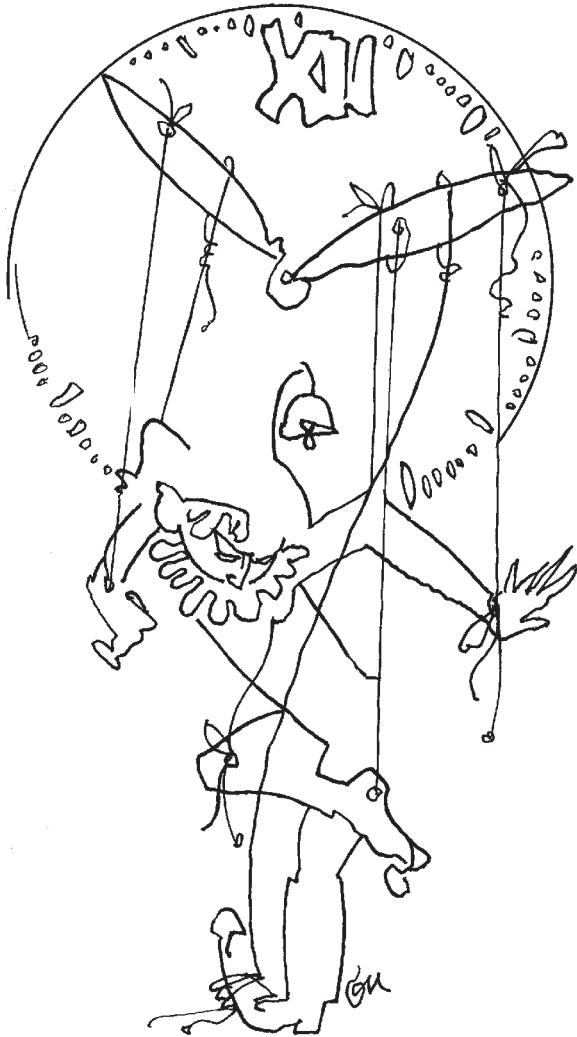
Ласточка в клюве глину носила, чтобы слепить себе дом,
Словно зерно мироздания над моим раскрывалось окном.
Ласточка, милая птаха, знает, что правды
в крылышках нет,
Тень гнезда на балконе, я вижу, лижет лучами рассвет.

1984 г.

НА МОТИВ СТАРЫХ ЧАСОВ

Время — волны вечности:
От мига к бесконечности.

Мы торопимся жить,
 после спешки
Сознаем мы с горькой усмешкой,
Что приходим туда, откуда бы надо начать.
В ферзи не вышла проходная, казалось бы, пешка.
Снова с левой ноги начинаем мы с возгласа — Ать!
Мы по кругу, по кругу, по кругу —
 как лошади в шахте,
Мы впрягаемся в быт и вертим лебедку судьбы,
И нет выходных и отпуска нет в нашей вахте.
Золотые мгновенья, если лошадь встает на дыбы.
Мы по кругу бежим, кто в центре его циферблата
Ворочает камни, что спрятаны в недра часов?
Олимпийца режим так стремится
 с востока на запад,
Что на торсе моем ленты всех часовых поясов.
Мы торопимся жить, а сердца конкретное время
Все ниже удары на обнаженную нить.
Мы торопимся жить, в толчее там вращаемся
 все мы,
И некогда нам даже близкого сердцу любить.
Мы торопимся жить, не ждут так у моря погоды,
Кислородной подушкой отодвигаем инфаркт.

Мы торопимся жить, во внезапных объятьях природы
Мы прошедшую жизнь воспринимаем — как факт.

II

Наше прошлое спит, и мало нам вашего взгляда,
Чтобы его нанести на скрижали грядущих эпох.
Мы уйдем в чернозем, возвратимся цветением сада,
И его не задушит цепкий кладбищенский мох.

III

Если я загрущу, то где-то двойник улыбнется,
Если весело мне, то где-то двойник мой грустит,
В единое русло все это однажды сольется
Сквозь громаду пространств, что между нами стоит.
Это однажды не чаще, чем раз во столетье,
Светится взглядом из детства, что накануне судьбы.
Мы по кругу бежим, забывая мгновения эти...
Мустанг, ты оседлан? Так вспомни и —
встань на дыбы!

1984 г.

ВЕКЗАМЕТРЫ

Век уходящий, за твоим перевалом двухтысячный год
Клубки календарные катит в эпоху грядущих дорог.
На спицах антенн петли мы вяжем — тянется,
тянется нить.

Проступят узоры твои в беспредельных глубинах души.
И — пунктирами мысли легли на полотна
контурных карт.

Из хаоса в космос уходит векзамер — вектор Вселенной.
Миф вплетается в явь — не раз угрожала Галлея хвостом,
Беспечность толпы на время сметала она. Исчезала...

1984 г.

ЗЕЛЕНЬЙ ДОМ

*Нет, не вмещается в размер
Поэма на иной манер.*

I

Сказал мне друг при встрече,
Что вещь моя не лечит.
К чему бы эти речи,
Я так и не узнал.
Он был на семинаре,
Что на Тверском бульваре.
А кто на тротуаре
Листья подметал?..

II

Несобрана моя поэма,
Сонеты,
 проза,
 белый стих,
Тень Пастернака
 вижу в них.
Фантасмагории системы,
Где вариации вне темы,
Все это базис теоремы,
Что из условий составных
Частей

Исчезнувшей
Поэмы.

III

Ссылаясь на слова Ахматовой,
Однажды мэтр нам сказал:
Важней размер,
Чтоб мысли он,
Охватывая,
Единым строем
Облегал.
Ищите вы строфу единую
В пример онегинской строфы,
В нее вложите
неделимую
Суть поэтической тропы.

IV

На поводу воспоминаний
И впечатлений — я писал.
И, там,
В строфу любую с ходу
Прогулкой в летнюю погоду
Я, как на кофе, забегал.
На поэтической тропе
Рифмуется “в строфе — в кафе”.

V

Сомнамбулический сонет —
Итог учебы.
Но трех мне не хватило лет,
Когда б еще бы
С друзьями в комнате пустить

Стихи по кругу,
На этаже седьмом пожить,
Найдя подругу.
Я образцы даю стихов
По общежитью.
Друзья поймут без дураков.
И — по наитью.

1984 г.

* * *

Быть может, волнами природы
Соприкасаются в наш век
Мгновенья смерти, жизни годы,
Живая тварь и человек.

1984 г.

* * *

Когда строку...
Б. Л. Пастернак

Когда теряют мастерá
За опытом бывшее чувство,
Тут начинается игра,
Которая — почти искусство.

И эти правила игры
Мир понимает с полуслова,
Но он не гасит их костры
У вечеряющего крова.

И Муза с дудочкой, увы,
Не даст небесного совета...
И все же линия судьбы
Не выявит судьбы поэта.

1984 г.

ПРИМЕТЫ ТВОРЧЕСТВА

Творит гармонию листа
Весь хаос леса.
И в нем невидима черта
Противовеса.
Во внешней канет суете
Все то, что лживо.
И только этот на листе
Узор прожилок,
И только эта, что хранит
С корнями связи,
На мир и почкою глядит,
И дышит — завязь.
Все чаще на моем пути
Лесные чащи.
И надо, чтоб себя найти,
Жить настоящим.
Как этот лес — корнями пить
Земную влагу.
И сквозь листву лучами лить —
Свет на бумагу.

1984 г.

Фольклор и поэзия Казахстана

ИЗ ЭПОСА “КОБЛАНДЫ БАТЫР”

...Кортка вот выходит вперед,
Разгневанный взгляд ее жжет,
Смахнув решительно с плеч
Тяжесть дум своих, что гнетет.
И серьги со звоном очнулись,
Перья шапочки всколыхнулись.
Золоченным нарядом сверкнув
Так, что птицы вдали встрепенулись,
Бурной речкою зашумев,
Верблюдицею заревев,
Горной орлицей заклекотав,
Своей речи свободу дав,
Вот так вышла Кортка вперед.
Разгневанный взгляд ее жжет.
Льются бурным потоком слова
Так — что пала с деревьев листва.
Что ей шлем золотой не тяжел,
Знает только ее голова.

СЛОВО АК ЖУНУС
Из эпоса “Ер Таргын”

В Бухаре знамениты шелка,
Знаменитая пряжа тонка,
Мои волосы так же легки,
В них волнуется зыбь ветерка.
К мастерам ты зергерам зайдешь,
Золотые там чаши найдешь,
Этих пуговиц золотых
Ты узоры, быть может, поймешь.
Украшения эти на мне
Светят, словно бы звезды в окне.
Бровь приподнята, речи остры
И слова мои, знаю, мудры.
Ты, ученого встретив, сравни
Его мудрость и речи мои.
Там, в Имране, фисташки есть
И других плодов там не счесть,
Мой же носик точеный сродни
Тому образу – ты сравни!
Там светильники всюду горят,
Им сродни мой сияющий взгляд.
И пройди ты сквозь эти огни,
И в глаза мои молча взгляни.
В Самарканд устремляешь свой взгляд,
Там сандаловых деревцев ряд,
Знай, что слиты так зубки мои
И блистают в улыбке они.

Там, на кузнице, мастера
Тянут нити из серебра,
На мои же ты руки взгляни,
Знай, что так же изящны они,
А потом отправляйся ты в лес,
Знай, в нем заяц резвящийся есть,
Знай, что станом я так же гибка,
Знай, что так же походка легка,
Там увидишь ты снег на ветру,
Там увидишь ты снег поутру,
Белизна моей кожи сродни
Снегу этому – ты сравни!
Ты на щеки мои взгляни,
Как пылают румянцем они,
А румянец, что кровь на снегу,
Ты дичь подстрели – и сравни!

Родилась я в лазурном Крыму,
Он не виден отсюда сквозь тьму.
Ак Жунус я, дочь Акшахана –
И по стати, и по уму!
Там белым гусенком слыла,
Там нежным ягненком росла,
В косяке кобылиц белогривых
Жеребенком я резвым была.

Знай, что именем бредят моим
Древний Китай, родимый мне Крым!

ИЗ ЭПОСА “КАМБАР БАТЫР”

Словно горной птицы трель,
Словно кличет коростель,
Золотой ли колокольчик
Иль волшебная свирель —
Звонкий голосок Назым,
Всевышним всюду он храним.
И утром, вечером ли, днем,
Лицом сияя, как лучом,
Очаровала всех красой
И заплетенною косой.
И величава, и стройна,
Небесная в ней стать видна,
Умом и внешностью своей
Вновь восхищает всех она.
Не отвести от платья взгляд,
И каждый ценится наряд
В шесть десятков золотых,
Об этом люди говорят.
И в колеснице из окна
Красавица не всем видна,
А колесница иноходцем
На дальний путь запряжена.
Грудь пламенным полна огнем,
Раскрывшимся пленив цветком,
С родными в радости жила,
Красавицей для всех была,
Оберегали, как ягненка...
Беспечно жизнь ее текла.

БЕТАШАР

Ты по имени меня не называй,
Ты на лучшее надежды не теряй,
Все плохое обнаружится всегда,
Но его, прошу тебя, не собирай.
Если в сердце нет усердия и в руках,
То потухнет и домашний твой очаг,
Так что помни мои верные слова
После свадьбы при хозяйственных делах.
Если в юрту твои родичи придут,
В твоей юрте угощенья не найдут,
Ты хозяйкою плохую прослывешь,
Уваженье средь аула не найдешь.
Накрывай всегда ты в юрте дастархан,
Благодарность ты заслужишь аульчан.
Все советы, что тебе сейчас даю,
Ты запомни, если в новую семью
Входишь кроткою хозяйкой молодой,
И тобой доволен будет люд степной.

ДУХ-БАДИК

Переселиться вздумал дух-бадик
Куда-либо, куда-либо.
Степью в степь переселись,
Ягненком годовалым в отаре поселись,
Жеребцом в табун ворвись.
Переселиться вздумал бадик,
Переселись, переселись.
Липкой почкою зеленой
На ветке дерева взорвись,
Заклинаю я, куланом
Без хвоста
Долиною промчись,
Заклинаю я —
Промчись.
Переселиться вздумал дух-бадик
Куда-либо, куда-либо.
В змею змеей
Переселись,
Заклинаю я —
Селись!
Эй, дух-бадик,
Ай, дух-бадик,
Переселиться вздумал, бадик,
И не знаешь куда-либо,
Я отвечу, научу я —
В тот туман, что, расстилаясь,
Степью бродит по уграм,
Переселись, исчезни там,
И рассейся — как туман.

АБЫЛ ОТЕМБЕТУЛЫ
(1777–1864)

СЛОВА СОЧУВСТВИЯ

Не с юга ли луна затмилась,
Не солнце ли с востока скрылось,
Копья дубовое древко
Во время схватки надломилось.
Гора садится – без хребтов,
Глаза не видят – без зрачков.
Как будто море, твое горе,
Что плещется без берегов.
Как Жиренше, был златоустым,
Он был сказителем искусным,
Да, был он радостью души.
Но боль ты в сердце заглуши,
Родного сына потеряв,
Не ты один скорбишь в тиши.

МАХАМБЕТ УТЕМИСОВ
(1803–1846)

БЫЛ Я ТАКИМ

Выше вольного дерева был,
Не достигнув вершин, не сломлюсь,
Для народа спасителем был,
Лишь с достойным врагом я сражусь.
И покоя мой дух не найдет,
Остроглазым я соколом был,
И для битвы я зренья хранил.
Налетел на врага я с копьём,
И сверкнуло оно острием.
Пусть по-бабьи враги за спиной
Скалят зубы — мне все нипочем!

* * *

Полноводный Жайык широк,
До тебя я добраться смог,
Рассекаю я волны твои,
Ты мне молвишь: “К Шуренам плыви”.

Я покинул родной предел,
Я защиту найти хотел.
Я жену покинул, семью,
Пред тобою, Жайык, стою.

* * *

Ястреб, касаясь крылами луны,
Прячет гнездо свое у крутизны.
Я также свободным был, молодым,
В жизнь свою верил с народом моим.
В поисках лучшей судьбы и земли
Нас предки веками в край этот вели.
Пусть не тревожит их вечный покой
Ястреб, летящий родной стороной.

НАДЕЖДА

В песках подобен тигру я,
И в схватке нет сильней меня,
И мне в бою неведом страх,
В бою поддержит аруах.
Враги, зажав меня кольцом,
Отпрянут вновь перед концом.
Услышит мой призыв аллах,
Мне вновь в бою неведом страх.

**КУЛЫНШАК
(1840–1911)**

ТЕРМЕ

Народ скорбит от лихоимства,
Народ страдает от бесчинства
Тупых правителей своих —
Народ несчастен без единства.

Мертвый ни к чему покой,
Ни к чему нам травостой,
Если кони не пасутся
На жайляу в летний зной.
Гладью всей вбирая высь,
Озеро скорбит без птиц,
Гуси-лебеди исчезли —
Их увидеть не стремись.

В моей жизни нет огня,
Гаснет на исходе дня
Время прошлых моих песен,
В старости несчастен я.

ИЗРЕЧЕНИЯ

* * *

С пулей, что разит, сравнимо
Слово меткое, оно
Людьми из века в век хранимо,
Бессмертие ему дано.

* * *

Спорщик наживет врага,
Его участь нелегка.
Счастлив тот, кто избегает
В своей жизни дурака.

* * *

На каждого врага есть воин,
Он гордости людской достоин.

* * *

Жизнь пуста, что без искусства,
Как душа, где нету чувства.

* * *

Заблудившийся в пути может вновь домой уйти,
Заблудившийся на слове может смысла не найти.

* * *

Неуча не вразумить,
Если некому учить.

* * *

Познавай все у людей
И с каждым равным быть умей.

* * *

Людям честно говори,
Людям ты в глаза смотри.

* * *

Служба бескорыстная — она
Спутнику хорошему равна.

* * *

Дружба — зеркало всей жизни:
От рожденья и до тризны.

* * *

Со всезнающими в дружбе
Будь на отдыхе, на службе.
С благородными дружи —
Обретешь покой души.

* * *

Если мир в семье твоей,
Достоянье будет в ней.
Ладь с хорошими людьми
На период жизни всей.

НУРЫМ ШЫРШЫГУЛУЛЫ (1831–1908)

СЛОВА СОЧУВСТВИЯ

Тополек растет в пустыне,
Жажда к жизни не остынет,
Даже сам Коркыт-ата¹,
Многие пройдя места,
Судьбы бессмертие искал,
И это было неспроста.
Красноречивый мой язык,
Что в споре побеждать привык,
Слова сочувствия вновь ищет,
Мой близкий друг меня услышит.
...Да, радость жизни — твой ребенок,
Лелеял ты его с пеленок,
Какая польза от тоски? —
Ведь дни печали нележки.
Вспомни, как его ласкал,
Вспомни, как ты целовал
Своего дитя родного,
Как на жеребца сажал.
Не забудешь ты вовек
Его игры, звонкий смех.
Да, быстротечно наше время,
Да, тяжкое несем мы бремя.

¹ Коркыт-ата — поэт и композитор, живший в VIII веке. По одной из легенд, он уже после отпущенного ему срока жизни сорок лет избегал смерти, заволаживая ее игрой на кобызе.

Словно бы стекло в окне,
Разбилось счастье в тишине.
Нету пользы от печали,
Не об этом же мечтали,
Чтоб в ауле горевать,
По ушедшему страдать.
Кто ушел из жизни этой,
Не вернется к нам опять.

КАШАГАН КУРЖЫМАНУЛЫ (1841–1929)

ТЕРМЕ

— Что в этом мире сиротливо?
Что уныло? Что тоскливо?
Сиротлив народ в степи,
Если власть несправедлива.
Пастбища пусты, луга
Под набегами врага.
Песен нет и нет веселья,
Как в былые дни кочевья.
Травы, что стоят высоко,
Вянут, вянут одиноко.
Без овец земля тосклива,
Степь мертва и сиротлива.
Если же вода горька,
Пусть широка, пусть глубока,
Людям и скоту отвратна,
И шакал уйдет обратно,
Не изведав ни глотка.
Степь с такой водой тосклива,
Степь мертва и сиротлива.
До семидесяти лет,
До восьмидесяти лет
От родных не знал вниманья
В ауле седовласый дед.
В своей юрте сиротлив,
Скорбный взгляд его тосклив.
Пьяный город нам не впрок,
Я без друга одинок.

Старый, немощный верблюд,
Как осел, не встанет в срок.
Тяжко в гору поднимаясь,
Тяжело с горы спускаясь,
В пояснице боль, в суставах
Ни на час не прекращаясь,
Значит, старость сиротлива,
Пусть мудра и молчалива.
Сиротлив и хан без счастья,
Сиротлив очаг в несчастье,
Сиротлива без хозяйки
Юрта драная в ненастье.
Сиротливы люди в рабстве,
Что у падишаха в царстве,
Сиротлив уже с пеленок
Без родителей ребенок.
Слезы горько утирает,
Никогда не забывает
Доброй участи людей.
Их любовь в потоке дней
В своем он сердце сохраняет.

ДОСЖАН КОЖБАНУЛЫ
(1848–1884)

СЛОВА СОЧУВСТВИЯ

Чей канул месяц – умирает,
Чей канул день – тот исчезает.
Бедняк не вечен, бай не вечен,
И справедливый бий не вечен,
И хан на троне золотом
Своею властью не вечен,
И человек в степи не вечен.
Любая вещь надоедает,
И – ко всему мир привыкает.

Ты, благородный сын отца,
Известного всем мудреца,
Так за слова не обессудь,
Печального не скрывать лица.
Сколько бы ни говорилось
И что бы в жизни ни случилось,
Что в этот час судьбой дано,
Что нам изведать суждено,
Тому уж быть – не миновать,
Что толку плакать и страдать.
Сон в эту зиму видел я,
Поведаю об этом я;
Потник, впитавший пот коня,
Весь в пене на исходе дня.
В нем след кровавый видел я.
И следом встали тополя,
Стволы зеленые клоня,

И ветви разом омертвели,
Вновь в этом убедился я.
Не в силах совладать с собой,
Сгорбившись в горечи людской,
Народ с тревогою внимал
Тому, о чем я молвить стал:
Как сокол, взвился Амиржан,
Взлетел, как кречет, Шамельжан,
Аул родной оставив в горе,
Как будто бы без стрел колчан.

**АБАЙ (ИБРАГИМ) КУНАНБАЕВ
(1845–1904)**

I

Не знаю, как я жил до нынешнего дня,
И пройдено, и видно немало.
В любви и в спорах сердце отпылало,
Покой в душе моей. Былого нет огня.

Что в этой жизни остается для меня?
Мне, грешному поэту, не пристало
Себя Аллаху посвятить, стихи кляня;
Аллаха мое сердце не искало.

Приумножать стада, увольте, не хочу.
И степью управлять, увы, не по плечу.
Не облегчить людские мне страдания.

И свои мысли, и живую свою речь —
Все это в СЛОВО остается мне облечь.
Тебе, о человек, мои признанья!..

II

Не изменить судьбы, увы, не изменить,
Смех, игры, похвала, пиры, друзья, творенья
И женщина, чью страсть, казалось, не забыть —
Все это жизни мимолетные явленья.

Вкусивши раз, нам не уйти от наважденья,
Влечет и губит нас невидимая нить.
Пусть зыбок этот мир, нам незачем тужить;
Дано судьбою это чувство пресыщенья.

О быстротечность счастья! — Начало и конец.
И пусть ты, мусульманин, мудрец или глупец,
Аллаху все одно, нет разницы большой.

Зря ищешь свой приют ты в хаосе пространства,
Живому существу нет в мире постоянства.
Изменчив человек — и сердцем, и душой.

III

О мой народ, послушай речь поэта,
Самовлюбленности чалму приподними,
Ты мое слово сокровенное прими,
Внимай всем сердцем моему совету.

Как жажду утоляешь в полдень лета —
Так чашу мудрости из рук моих возьми.
Глотками пей, не расплещи все это.
И ты все это светлым разумом пойми.

И пусть джигиты праздные узнают,
Как уберечься им от пагубных вещей;
Их карточный азарт сопровождают

И лень, и вино, распутство средь ночей.
И души их пороки развращают,
Впиваясь в кровь и в плоть, — страшнее нет клещей.

IV

Передо мной всевышнего аяты.
– Вершите добрые дела,— гласит Коран.
Не требуют людской на это платы
Благодеянья правоверных мусульман.

Тысячелетней мудрости трактаты,
Не приукрасить их примерами обман,
Не скрыть души безнравственной изъян,
Грехи свои не спрятать под халаты.

Не только воздаянием молитвы
Ты выйдешь победителем из битвы.
Не принимай в награду скот иль серебро.

И, веру постигая, не под страхом
Будь, аульчанин, чист перед Аллахом.
И — на земном пути спеши творить добро.

ШАКАРИМ КУДАЙБЕРДЫЕВ
(1858–1931)

О СЕБЕ

Кану я, но будут жить стихи,
Молодые все запомнят до строки.
Кто-то с верой примет это, кто-то — нет,
Нет, не каждому стихи мои близки.

Так ушедших обсуждаем мы порой,
Все плохое, наносимое молвой,
Отвергаем, чтобы память добрых дел
Не тускнела в стороне его родной.

После смерти отстоять я не смогу
Чувство жизни, что легло в мою строку.
Это мненье в своем сердце сохранив,
Вот что высказать хочу, пока я жив:

Не суди о человеке, не познав,
Не суди, в кругу его не побывав.
И над путником не смейся, тяжкий груз
На свои в дороге плечи не приняв.

Словно в лодке, что на море, — в те года...
Не забыть эпоху эту никогда.
Мое время не похоже на твое.
Если сядешь в эту лодку, что тогда?..

Сам отсекаю пуповину, выбрал путь.
Тьму раздвинул, никуда мне не свернуть.
Так что полностью судьбу мою познай,
Верю, что поймешь меня когда-нибудь.

ВЫБОРОЧНЫЕ МЕСТА ИЗ НАЗИДАНИЙ

Если мир постигнуть хочешь в наше время, в наши дни,
Истину, одну из прочих, в юном сердце сохрани:
Из того, о чем ты знаешь, вновь стремись
все больше знать,
Чтобы то, во что вникаешь, остальным мог объяснять.

Лень достойна укоризны, не достойна добрых слов,
Не стыдись учиться жизни у поживших стариков.
Если ты познал науку, постарайся передать
Знания сыну, внуку, другу, чтобы мир могли познать.

Твои знания бесполезны безнадежному глупцу,
Что не вытащить из бездны, по его видать лицу.
Сколько б зерен ни бросали в каменистую среду,
Зерна не произрастали сеятелю на беду.

Попугай, хотя и знает обиходные слова,
Все же птицею внимает в то, что выдала молва.
Так подобно попугаю есть в ауле человек,
В суть предмета не вникая, не найдет себя вовек.

Как в дырявую посуду не нальешь святой воды,
Так у алчного часть ссуды не добьешься в дни беды.
И в рубли ты черный камень не старайся превратить,
И коварного стихами к доброте не приобщить.

ПРИХОДИТ ЛЕТО

Вот и тяготы зимы уступили лету.
В нежном мареве холмы, степь близка к расцвету.
Нет ни ложки снега, нет ни кусочка льда,
Мир, что вырвался из тьмы, воспевать поэту.

Тяга к росту у детей, жаждут порезвиться,
Тканью пестрой ширь степей, жизнь в ней будет длиться.
И в ауле старики греются на солнце,
Речи о былом легки, и казан, на три ноги
чуть привстав, дымится.

Стригунки, бычки, ягнята летним днем окрепнут.
Им лужайка маловата, буйство трав на пепле.
Хоть Всевышний дал отчасти, но не долог счастья век,
А степное это счастье не постигнет человек.

ТОЛСТОСУМЫ. СИЛЬНЫЕ МИРА СЕГО

Толстосумы миром правят, молвят, что в делах верны,
И друг друга в мире славят, утверждают, что честны.
Понял я, быть может, поздно — нас куда они ведут,
Эти умыслы и козни, что не каждому видны.

Расскажу о них, послушай, может быть, и ты поймешь,
Беспринципные их души ты в любом краю найдешь.
Распознать в степи нетрудно толстосума-главаря.
Он всемогущ, чист наружно, но видна в поступках ложь.

Всех купил своим богатством, думает, что мир — его,
Словно управляет царством, не жалея никого.
Если ты перечить станешь, голову снесет тебе
Иль тебе силки расставит, не оставив ничего.

Иль тайком натравит свору кровожадную собак.
Может быть, спасет в час ссоры жизнь твою
животный страх,
И безвольно на колени с возгласом: “Прости, таксыр!”¹
Рухнешь, став рабом и тенью, свой же приближая крах.

Будешь близок с ним — возвысит и тебя он до небес,
Приобщит тебя к корысти, и в тебе родится бес,
Бес господства над народом... Но останешься рабом —
Внешне вроде благороден, но во лжи погрязший весь.

¹ Таксыр — господин.

Ты мечты его лелеешь — если преданно глядишь.
Перед ним от страха млеешь, ночи напролет не спишь.
В безграничной его воле — миловать или казнить,
Рабскую под гнетом долю ты в краю родном влачишь.

Ты приказы исполняешь, предаешь своих друзей,
Волею его караешь, сеешь страх среди людей.
Исполнительным орудьем стал в руках владыки ты,
За него готов встать грудью, ты — звено его цепей.

Победив ценой любою ненавистного врага,
Он пожертвует тобою в нужный час исподтишка.
Обронив слезу пустую над судьбою злой твоей,
Он забудет подчистую о тебе наверняка.

Себялюбец, знать не хочет, чем обязан миру он,
Он себя в пророки прочит, в кознях дьявольских силен
И возносится все выше, о Всевышнем позабыв,
И Всевышнего не слышит, жаждой власти оглушен.

Кто виновен в этой жизни, только ли ему судить?
По одним справляет тризну и других готов забыть.
Собеседник с чистым сердцем, рассуди своим умом,
Может ли единоверцем зваться он в краю родном?

И за ним, быть может, правда, и за ним,
быть может, путь?
Может быть, он чью-то волю исполнял, и в этом суть?
Может быть, свою же долю проклинал, когда вершил?
Может, мысли о народе и его терзали грудь?

Может быть, несправедлива память о его делах?
Может, кто-то молчаливо переборет этот страх?
Собеседник мой, подумай обо всем, что говорю,
Показал я толстосума, да простит меня Аллах.

Толстосум уверен в жизни, утверждает: “Я — есть Бог!”
Не потерпит укоризны он от тех, к кому жесток.
И хотя Всевышний терпит толстосума-главаря,
Знаю, после его смерти будет счет предъявлен в срок.

О, Аллах, прости нас, смертных, за крамольные стихи,
Может быть, и мысли эти пострашнее, чем грехи,
Милости твоей нам хватит на земную нашу жизнь,
Разве толстосум оплатит те грехи, что велики?

Вы не слушайте, джигиты, речи толстосума, он
Со своею сворой-свитой в небесах приговорен.
Только лишь Всевышний знает душу каждого из нас,
Ибо он лишь утверждает жизни праведный закон.

ОГОНЬ. ЖИЗНЬ

I

Словно кто-то повелел зажечь огонь,
Пожелав зажечь огонь, обжег ладонь.
Собираясь осветить просторный дом,
Всем насущным запасался в доме том.

Чиркнул спичкою — и вспыхнула она,
На мгновение огнем озарена.
Нетерпение мое сродни огню,
Тьма пространства, отступить она должна.

Словно вновь подбросил я побольше дров,
Зарождалась теплота душевных слов.
Но как будто гнев безумного огня
Душу опалил, опустошил меня...

Умирало пламя, угли чернотой
Угнетали мои мысли в час ночной.
Жизнь, пылавшая, как пламя, стала пеплом
Или, может быть, развеялась золой?

II

Жизнь имеет три этапа в наши дни,
Старость с детством, меж собой они сродни.
Средний возраст – время поисков, расцвета...
И в дорогу манят звездные огни.

Понапрасну время жизни не теряй,
Понапрасну в спор никчемный не вступай,
Пожалеешь, свое время упустив,
Имя доброе свое не предавай.

Жизнь растет из детства, средний возраст – суть.
Если к старости нам не на что взглянуть,
Значит, жизнь твоя полна пустых похвал,
В три куплета твоя жизнь, не обессудь.

* * *

Был рожден как бы в рубашке,
Был завернут в чистый холст.
В жизни,
Словно бы на скачках,
Миража мелькает хвост.

Сколько ты богатства нажил,
Сколько накопил добра!..
Рисковал душою даже
Ради злата-серебра.

Друг вознесся, враг низвергнут,
Цели так достигли вы.
Трон устойчив, счастья беркут
Падает на зов травы.
Дни без горя, сердцу вторя,
Не вернуть мне вас, увы.

Где все это? Нет ответа.
Ничего не взяв, уйдем.
Все проходит в жизни этой,
Может быть, слепым дождем.
Мы травой сгорим у лета,
Но покоя не найдем.

По течению бьет о камни
Жизни быстрая река.

* * *

Будь стрелком, что бьет по цели, снова видя
в жизни цель,
Землепашцам на посевы не гони с вершины сель.
Будь, как облако, что дарит легкую в дороге тень,
Исчезая там, за далью, если на исходе день.

Мачтой будь, что крепит рею, раскрывая паруса,
Будь огнем, что в стужу греет, но не обжигай глаза.
На пути своем тернистом причиняем боль ступням,
Будь тропюю каменистой, чтоб дойти до цели нам.

ПРОЩАНИЕ

Жизни миновали сроки, ничего ты не достиг,
Пролетели дни эпохи, пользы нет тебе от них.
Неучем твой сын в ауле среди сверстников своих,
С верного пути свернули, безысходность караулит,
Нету помыслов благих.
Дня полезного не будет, если не готов идти,
Без огня в теченье будней цели в жизни не найти.
Белый лист — мой спутник верный, а перо —
помощник мне.

После смерти кто же первый свет зажжет в моем окне?
Пусть язык мой бедный снова молвит слово в тишине,
Пусть Аллах за это слово, что судьбы моей основа,
Не сожжет меня в огне.

Степь моя, чего я стою, если можешь, мне ответь.
Родичи, от вас не скрою, суждено мне умереть.
Без ученья нету счастья, в знаньях счастлив человек,
Будьте к знаниям причастны в этот просвещенный век.
Вы трудитесь, не ленитесь, время знающих пришло,
Доброму всему учитесь, чтобы уничтожить зло.
Клад единственный на свете — это знание наук,
Убеждаюсь вновь я в этом, жизни завершая круг.
Человек без знаний, словно бы колчан без стрел.
Воспитайте вы потомков для хороших, добрых дел.
Как засеянное поле всходы даст, вот так они
По своей познают воле мир, в котором не одни.
О казахи, встрепенитесь, молвлю перед смертью я,
Постигайте мир, стремитесь знать законы бытия.

СЛОВО ¹

I

Бесконечен, обновляя свой покров,
Этот мир во глубине рожден веков.
Что создателю известны его строки,
Вы в кругу поймете мудрых стариков.
Там, в древности, сменив друг друга снова,
В пещерах обретали чувство крова,
И человек подобно зверю был,
Не ведая о тайной силе слова.

II

Сильный слабого к огню не приближал,
Даже если он огонь оберегал.
Чтобы выжить в том единоборстве,
Против силы слабый хитрость применял.
Был дубиною порой вооружен,
Отбивался он, когда был окружен,
И сила отступала перед ним,
Так в неравном поединке выжил он.

¹ Поэма “Слово” была задумана как широкоохватное вступление к переводу Шакаримом ряда стихотворений А.С. Пушкина.

III

Там умельцы сотворяли у огня,
Может быть, из камня острие копья
И плавить наловчились эти камни,
Тайну выплавки от глаз чужих храня.
Бог железа изменил весь род людской,
Стал иным, чем прежде, первобытный строй.
Все ж на слабых и на сильных он, как прежде,
Разграничен был небесною рукой.

IV

На древе жизни словно бы три среза —
Век дикости, век камня, век железа,
А там, как следствие и мимики, и жеста,
Явилось слово — это антитеза.

V

Речь свою со слова “мама” мы ведем,
Речь свою обогащая, мы растем.
От животных этим самым отличаясь,
Образ слова раскрываем день за днем.
Состязаться стали словом, но опять
Стали хитростью беседу заполнять,
Зависть ядом проступает между слов,
Так и словом научились убивать.
Доброта исчезла, уступив вражде,
Не дождешься слова доброго в беде,
Даже если на шаре воздушном мы —
Словно птицы или рыбы, что в воде...

VI

Пароход и паровоз, воздушный шар —
Это все как будто миру божий дар.
Наряду с прогрессом грозный динамит
Раздувает на земле моей пожар.
В этом мире убивать легко огнем,
Пушки, бомбы, сотворенные умом,
Все живое и за несколько минут
Уничтожат в дни войны в краю родном.
Огнестрельное оружие, оно
В руки каждому из нас теперь дано.
Человечество придумывает войны,
Как на бойне, гибнуть многим суждено.
Все во имя истребления людей,
Чтобы править ими, чтобы быть сильней,
Языку красноречивому дано
Грешных нас спасти от гибели своей.

VII

Слово, что попало в цель, сильней огня,
Это слово по судьбе ведет меня.
Пусть глупец один мою оспорит мысль,
Но ему не оседлать в степи коня.
Слово мудрое ты в памяти храни,
Слово мудрое бессмертно в наши дни.
Даже рукопись поэта после смерти
Будет жить, пройдя и воду, и огни.
Удастся слово вечное не всем,
Без таланта ты останешься ни с чем.
И, быть может, есть на тысячи один,
Чьи стихи не повторяются ни с кем.
Навои, Ходжа Хафиз и Физули,
Мудрость словом передать они могли.
Байрон, Пушкин, Лермонтов, Некрасов —
Словно звезды человечества взошли.

Разные поэты в каждой есть стране,
Перечислить их — не хватит пальцев мне.
Многие ушли, оставив книги нам...
Том раскрыт стихов, не гаснет свет в окне.

VIII

Рассказать одну историю хочу,
Издалека путь привел меня к ключу.
Я созданную Пушкиным легенду
Вам перескажу, подняв в ночи свечу.
То, что слушали до этого меня,
Сердцем и душою благодарен я.
Слово русского поэта постигайте —
Неизвестные познаете края.
Образ жизни, может быть, у них иной,
Но поэзия живет семьей одной.
Отвергая то, что ей не по душе,
Покоряя поэтической строкой.
Западая в душу каждого из нас,
Помогая пережить тяжелый час,
Поэтическое слово нами движет,
Чтоб источник света жизни не угас.
Так мы жажду утоляем из ручья,
Тот, кто жаждет знаний, он поймет меня,
Благодарны гению, что оставил нам
Образы свои, как свет былого дня.
Мысли Пушкина легли в мою строку,
Но дословно передать я не могу.
Пусть в ауле нет ученых стекол²,
Поэтическому я верен языку.
От текста отклоняться не намерен,
По смыслу, по сюжету труд мой верен.

² В смысле нет просвещенных людей, носящих пенсне.

И вдохновение мое подспорьем мне,
Ибо ключ для пересказа не утерян.
Не забавы ради Пушкин написал,
Для людей свои он мысли излагал.
Чтоб характер того времени poznали,
Он в стихах эпоху ту обрисовал.
Написал о настоящей он любви,
Верность эту, сотворенной на крови,
Он в сердца своих героев заключил —
Это все ты, мой читатель, улови.
Что на внешний вид обманчив человек,
Что меняется за свой недолгий век,
Что от почвы, окружающей среды
Человек зависит — словно бы побег.
Может, кто-то осудить меня готов,
Что даю вам перевод я русских слов.
Не имея представления о сути,
Тот глупец, что обвиняет, нездоров.
А теперь я начинаю свой рассказ,
Может, с пользой кто послушает из вас,
Может, кто-то не дослушает, уйдет.
Ведь не каждому доступен звездный час.

ОСКЕНБАЙ КАЛМАНБЕТУЛЫ
(1860–1925)

ПРОЩАНИЕ С ЖИЗНЬЮ

Вот жизнь-обманщица прошла,
Минувшей радости крыла
Поникли, словно бы у птицы,
Когда сразит ее стрела.
Песня прошлой жизни стихла,
Неужели смерть настигла
В шестьдесят пять лет моих?
Дожил до волос седых.
Тяжелый недуг встал в груди,
Он, как преграда, на пути.
Будь доволен, сын, отцом,
Седовласым стариком.
Пусть уходит ястреб в небо,
Если есть гнездо с птенцом.
Мне вышел срок закрыть глаза,
И старости моей слеза
Застилает взгляд на землю,
Как будто бы в ночи роса.
Прежде, чем покину свет,
Шлю последний свой привет
Своему народу я —
Помню с детства их совет.
Я с братьями сейчас прощаюсь,
Я с сестрами сейчас прощаюсь.

В ауле не нашлось табиба¹,
Об этом только сокрушаюсь,
Ведь недуг мой неизлечим,
Не знаю, как бороться с ним.
И утешает лишь одно,
Что всем нам в жизни суждено
Навеки погрузиться в землю —
И с нею слиться нам дано.

¹ Табиб — врач.

ОМИР КОШЕКБАЙУЛЫ
(1887–1924)

ТЕРМЕ

Добро не стоит похвальбы,
Что всем дано нам от судьбы.
И баксы¹ вас не излечит
Своею силой ворожбы.
Певца напрасно не хвалите,
Слова вы песни не судите,
Во время шума всей толпы
Вы чистый голос отыщите.
С людьми плохими не водись,
У них плохому не учись,
Вдаль со сверкающим мечом
Ты на коне лихом умчись.
Ты жизни спутницу нашел,
В аул достойную привел,
А если выбор неудачен,
Знай, будешь ты судьбой несчастен.
А верным другом запасешься,
То вновь от гибели спасешься,
А если плох твой верный друг,
Знай, что обман царит вокруг.
И красноречия боятся
Все те, что по углам таятся,
Боятся силача-борца,
Известного всем храбреца,

¹ Баксы – шаман, знахарь.

Кто не вступает в честный бой,
Вновь пряча взгляд свой хитреца.
И жизнь нам дается впрок,
А если в жизни одинок,
Сомнения лишат покоя,
Коль твоей жизни вышел срок.
Мужества храните свойство,
И, если есть в тебе геройство,
Знай, что обходит стороною
Враг, приносящий беспокойство.
В ауле ты не будь скупым,
Будь сердцем щедр ты своим.

ИЗ АЙТЫСА БИРЖАНА И САРЫ

Сара:

Под стать я лебеди, что по воде скользит,
И голос сладок мой, когда в тиши звучит.
Знай, что легкое движение бровей
Меня с трепетом шелковым роднит.

Детским возгласам гортань моя сродни,
Тяжесть жизни плечи выдержат мои.
Внешне выгляжу я – словно бы жар-птица,
Сердце тигра, знай, стучит в моей груди.

Биржан:

Богом создана, что равных тебе нет,
Покорила своим обликом весь свет.
Как родные не боятся твоих слез,
Если каждый твоим голосом согрет?..

Много знатных на земле встречал людей,
Среди них я проводил немало дней.
Твои песни и игру твою любя,
Даже враг не упрекнет ни в чем тебя.

НУРПЕИС БАЙГАНИН
(1860–1945)

НАРКЫЗ¹

Отрывок из поэмы

Цветущею красавицей была,
На тоях танцовщицею слыла,
И прославляли ее силу люди,
Никем не покоренною росла.
Виднейшая искусница речей,
И в схватках побеждала силачей,
К ногам ее катились лисьи шапки
Тех всадников, что подъезжали к ней.
И грудь сравнится с высотой горы,
И мышцы на ногах играют — как шары,
И плечи, словно крепостные ворота,
А косы черные — в них тьма ночной поры.

По сравнению с мужчинами — сильна,
Ибо сила в ней батырская видна.
И в ауле в окруженьи знатных лиц
Своей гордости и мудрости полна.
А пение ее — как горная река,
Доносится оно издалека.
И, сочетаясь, ее сила с красотой
Услаждает наши взоры на века.

¹ Наркыз — дословно “Девушка, рожденная верблюдицей”, смысловое значение — “Девушка-батыр”.

АЙТЫС-ЗАГАДКА

Рахимжан Малабайулы:

– В этой жизни видел вещь однажды я,
Этой вещи удивился сразу я.
Рассказал об этом многим, и они
Также были, словно я, удивлены.
Необходима эта вещь для жизни нам,
Неоценима эта вещь, как вечный храм.
Что она распространяется везде,
В этом вновь я убедился лично сам.
Крыльев множество имеет эта вещь,
Образцом для них размах широких плеч.
Эти крылья мелких пятнышек полны,
Что в единые ряды заключены.
Эта вещь имеет множество детей,
Отличаются от матери своей.
Кто горбатый, кто рябой, а кто кривой –
Различаются они между собой.
Говорят они на разных языках,
Отличаются по смыслу на словах,
А порой и смысла нету у одних,
Только мимика и жесты у других.
Ну, а если их собрать в единый ряд,
Тайну всех лечебных слов их отгадать,
Благодатный смысл мастера познать,
Мнение их единой матери принять,
То они своими крыльями тебе
Будут помощью на жизненной тропе.

Языком природы будут говорить,
Языком науки будут вам служить,
И три тысячи поймешь ты языков,
Что наметят путь в бессмертие веков.

Ибраш Мырзаулы:

— То, что видел в этой жизни ты, —
Это знанья, что сильнее красоты.
Кто познал однажды их нелегкий вкус,
Тот и будет, знай, попутчиком судьбы.
Никогда он не отстанет от тебя,
Будет он пример достойный брать с тебя.
Кто не принял эти знания в расчет,
Тот, глупец, твоей загадки не поймет.
Не оценит радость знанья никогда,
Для него наука — страшная беда.
Твоя вещь распространяется везде? —
То учеба, что, подобная мечте,
Овладела и пленила молодежь,
Всходы знанья через время в ней найдешь.
Крыльев множество — есть множество листов
Книги знаний, что полна научных слов.
Эти крылья мелких пятнышек полны,
Что в единые ряды заключены, —
Знай, что это постраничный книжный шрифт,
В нем ключи познания видны.
Ну а множество детей — наборы букв,
Что несут в себе и смысла тайный звук.
Кто горбатый, кто рябой, а кто кривой —
Буквы разные, но в книжке все в одной.
Я уверен, что загадку разгадал,
Что ответ я на загадку твою дал.

АХМЕТ БАЙТУРСЫНОВ
(1873–1938)

* * *

Мне ли бояться смерти в грядущем?..
Ей нечего взять, кроме брэнного тела.
И я не исчезну, бессмертную душу
К потомкам влечет мое кровное дело.

Я верю в святое свое назначенье,
Я будущим жил, и был этим храним.
Пусть ныне не понят своим поколеньем,
В грядущее верю всем сердцем своим.

МАГЖАН ЖУМАБАЕВ
(1893–1938)

* * *

Несчастный казах, твоя в страхе душа,
Ты в рубище жалком идешь, не спеша.
Повержено знамя...

За что ни возьмешься —
В руках только днище пустого ковша.

Тебя сторонятся наука и труд,
И мысли святые тебя не гнетут,
Ночами кровавые слезы ты льешь,
Что в спячке грядущие годы пройдут.

Очнись и воспрянь! — наступила пора.
Тебя день и ночь угнетали вчера.
Ты в сторону старый облезший тымак
Отбрось, чтобы новые слышать ветра.

И, в книги вникая, невежества тьму
Рассеешь, разрушишь незнания тюрьму.
И века грядущего будешь достоин,
И — равным по духу будь миру всему.

ВСЕМУ МИРУ...

Всему миру известна отвага моя,
Я не тот, кто боится воды и огня.
Окрыленный стихами,
я — сын поднебесья,
Мне вздохнуть от врагов
нет ни ночи, ни дня.

Покорял я вершины Алтая не раз,
До Китая стрела долетала тотчас,
Если только натягивал я тетиву —
Упавал я на сердце, прищуря свой глаз.

Я преграды без усталости приступом брал,
После схватки смертельной я льва оседлал.
Если я испугаюсь какой-нибудь шавки,
Пусть земля поглотит — там,
где в страхе я встал.

НАСТРОЕНЬЕ

Не в ладах я с настроением,
Вспыхнув, гаснет в тот же час
И с моим разумным мнением
Не согласно всякий раз.

Как младенец прихотливый,
Все повелевает мной.
Настроенья бес строптивый
Не проходит стороной.

И – моей любви объятья
Манят на исходе дня.
Шелест скинутого платья,
И – в слезах купаюсь я.

Сердце, чувствами пылая,
Волею самих небес
Увлечет, увы, не зная,
Что опять вселился бес.

Без стыда он крутит вертел...
Остается у меня
После ночи только пепел,
Только пепел без огня.

СВЕЧА

Тьма... Буря ночная в степи золотой,
Смерть царствует, знаю, за пропастью той.
Надежды свечу я пытаюсь зажечь,
Чтобы силы небес прошли стороной.

Пусть тучи нависшие жить не дают,
Пусть буйные ветры с дороги сметут,
Тысячекратно свече благодарен,
Что в пламени светлые мысли живут.

Дрожит среди ночи, мерцает мой свет,
В глазах оставляя божественный след.
Луч солнца в нем вижу и отсвет луны,
Серебряный блеск неизвестных планет.

Слышна мне порою чванливая речь,
Не вникнув, готовы они пренебречь,
Что, мрак отодвинув, нам силы дает
Простая и неприхотливая вещь.

ЛУЧ

Долгою была разлука,
Вот и встретились они
И поведали друг другу,
Как в былые жили дни.

Пережитые печали
Привели под этот кров.
И глаза их засияли,
И все меньше, меньше слов.

Губы в жажде раскрывались,
И тела сплетались их
И в единый мир сливались,
Что был создан для двоих.

Ветерок ли бился ранний
Взмахом легкого крыла? —
Но от близости дыханий
Их растаяли тела.

Как безжалостная память
Выдаст тайну дней былых,
Так невидимое пламя
Лица пожирало их.

И сгореть, и кануть в бездну —
Только бы всегда вдвоем...
Но сверкнуло, словно перстнем,
Солнце яростным лучом.

Сон исчез, что враг в тумане,
Затерялся среди круч.
И она еще в обмане,
В опьянительном дурмане,
Сожалеет, что все канет,
Что всему виною луч.

А в тюрьме в одной из камер
Рады этому лучу.
По стене скользнул и замер.
И за ним следят глазами,
Словно он сродни ключу.

ДОМБРА

Стихотворение в прозе

Памяти Ш...

Ночь. Все спят. Затушена лампа, в юрте полумрак. Свет луны, проникающий сквозь незакрытый край шанырака, тихо дрожит на белом шымылдыке.

Тишина. Слышна только мелодия домбры и еще какой-то неясный, незнакомый звук, рождающий гнетущее чувство страха. Словно всплески течения реки в ночи, словно шепот стеблей камыша, испуганно прячущихся друг за другом под напором степного ветра.

Домбра перекликается с голосом степи. Домбра и этот голос, слившись, печалются, жалуются. И до меня доходит этот далекий затухающий голос. Он приближается издали, словно кто-то под звуки домбры выводит грустную, печальную песню. Женский голос...

“Есть ли в мире душа несчастней моей?! Всевышний, защити...” – к ночи, к бескрайней степи взывает женщина. Горе, мука, печаль в мольбе ее. Голос ее совсем уже близок, голос ее жалостлив, печален, горек.

“Меня, самую близкую, и сердцем, и душой, и кровью родную, опалил ты огнем, брат мой! Чем тебя я обидела, брат мой?!”

Молодая женщина плачет.

Молодая женщина разоблачает.

Молодая женщина посылает проклятья родным, безжалостным и жестоким родным, бросившим ее на

произвол судьбы, отдавшим ее на чужбину, превратившим ее в бессловесную рабыню.

Пой, домбра, пой!

Слегка откинув полог, она вошла в юрту. Молодая девушка, на ней тонкое белое платье, разметавшиеся густые черные волосы легли на грудь. На ее бледном лице нет ни кровинки. Высохшая, худая, под легкой тканью видны кровоподтеки и синяки.

В широко раскрытых глазах застыла безмолвная мука.

Она приблизилась и взглянула в мои глаза. Взгляд ее и мягок, и холоден.

Она слабо улыбнулась, шевельнула бескровными губами, пытаясь что-то вымолвить, свое, идущее из глубины сердца, сокровенное, но вместо слов послышался кашель. Тихий тяжелый кашель. Через какое-то время кашель прекратился. Однако силы покинули ее, и она едва перевела дыхание. У ней не было сил говорить.

И я увидел, как покатались из ее глаз по худым щекам крупные горькие слезы.

Я узнал ее.

Моя сестричка!

Моя любимая сестричка!

Красивая, печально красивая.

Бедная, несчастная сестричка из моего аула.

Сестричка, вынужденная всю свою короткую жизнь глотать яд чужбины.

Моя сестричка, которую алчные злодеи словно бы живой захоронили в землю!

Душа моя всколыхнулась небесным пламенем.

Сердце подкатилось к горлу.

Из глаз моих посыпались слезы.

А домбра все плачет, жалуется, тихо плачет без слез.

Плачь, домбра, плачь!

САКЕН СЕЙФУЛЛИН
(1894–1938)

ПРОЩАЛЬНЫЙ МОТИВ ¹

Этот мир приходит к краху. – Почему?
Он страданиями ведет меня во тьму.
Так прощай, народ мой!
Бездна предо мной,
Бездна подступает в час ночной.
Так прощай, земля моя, твой вольный сын
Сохранит твой запах трав и даль равнин.
Знаю я, что отомстишь, пока ты есть,
Тем двуликим, что свою теряют честь.
И потомки, что слова мои поймут,
В синем воздухе степей мой свет найдут.
Знаю, вырвать меня с корнем не дано,
Хоть уйти из жизни этой суждено.
Честь и совесть – это крик моей души,
Словно эхо, что плывет в степной тиши.
И душа моя продолжит путь земной,
Засияет над потомками звездой.
Край родной, моих творений ты обитель,
Продолжатель моих песен и хранитель.
Так прощай, земля моя, прощай, народ,
Через ад меня судьба к вам приведет.
Пусть безвинно к смерти я приговорен,
Пусть нарушен человечности закон,
Через время к вам в грядущее шагну –
Сохраните у домбры мою струну!

¹ Оригинал этого стихотворения в 1988 году был дан писателем Альжаппаром Абишевым.

САБИТ МУКАНОВ
(1900–1973)

СУЛУШАШ

Отрывок

Вот шестнадцать исполняется ей лет, —
В длинных косах мелодичный звон монет,
Руки тонкие, к вискам — разлет бровей.
А в глазах ее сияет яркий свет.

Шея стройная, лебедушке сродни,
И на ней сверкают бусы, как огни.
Ее губы, словно розовый цветок.
Ну а талия тонка, как стебелек.

Роста среднего, лицом белым-бела,
Ее взор пронзает сердце, как стрела,
И джигит, смертельно раненный, шепнет:
“Ах, какая мимо девушка прошла!”

ИЗИМ ИСКАНДЕРОВ (1906–1970)

ДРУЗЬЯМ

Друзьям признание мое, что из глубин души.
Родные вижу я черты, когда грущу в тиши.
Да, ваша искренность порой мне помогает жить,
Во имя истины одной нам суждено служить.
Добро пожаловать, друзья – собратья и поэты!
Для вас цветы мои, для вас – весенние букеты.
Спешу увидеть вас, друзья, – стихи мои для вас,
Что чистым сердцем рождены в неповторимый час.
В саду я дружбы проложил дорожку из цветов,
Природа подсказала мне оттенки лепестков.
Вселилась в сердце навсегда цветущая весна,
И к творчеству зовет она, меня лишая сна.
Пушкин, Лермонтов, Абай, Белял Назым, Токай¹,
Просторен, знаю я, для вас степи казахской край.
Для вас, поэзии сардаров², в весенние часы
Звучит по всей степи привольной кюй Курмангазы³.
И жемчуг гения Абая миру показал всему
Мухтар-ага⁴, во все вникая, что было дорого ему.
Вершинам космоса доступны песни,
что в степи звучат,
Что поют в аулах наших, знаю я, и стар и млад.

¹ Абай, Белял Назым, Токай – классики казахской, уйгурской и татарской литератур XIX–XX веков.

² Сардары – рыцари.

³ Курмангазы – казахский композитор XIX века.

⁴ Мухтар Ауэзов – классик казахской литературы XX века.

Кулагер Ильяса⁵ скачет, первым он пришел в аул,
То талантливой поэмы слышу я печальный гул.
И Кызыл-ат Сакену⁶ верен, он в грядущем дне уверен,
Ибо все его наследье день грядущий нам вернул.
Полон юмора, сатиры Майлин⁷ в образах своих,
Для реального он мира свой в ночи слагает стих.
Украину защищая, речку древнюю Айдар,
Саин⁸ братством наполняет поэтический свой дар.
Степь казахская раздольна, величава и щедра,
Состязались в ней достойно песнями Биржан, Сара⁹.
Для казаха дружба с русским душой и сердцем дорога,
Жизнью наполняет русло братства вечная река.
Я с вершины Алатау покажу простор земной,
Вам, друзьям моим, на славу я пою свой край степной.
Дорогих гостей встречает нынче вся Алма-Ата,
Вся столица Казахстана и прекрасна, и чиста.
Помним мы, Жамбыл¹⁰ с домброю приветствовал
гостей не раз,
Тропою дружбы шел, тропою, что ведет в Москву
сейчас.
Я — уйгур, земля казахов — родина навеки мне.
В дружбе мы не знаем страха, в братстве
с каждым наравне.

⁵ Ильяс Жансугуров — один из основоположников казахской литературы, погиб в 1938 году, посмертно реабилитирован.

Кулагер — имя легендарного коня и название одноименной поэмы И. Жансугурова.

⁶ Сакен Сейфуллин — один из основоположников казахской литературы, погиб в 1938 году, посмертно реабилитирован. Кызыл-ат — название поэмы С. Сейфуллина.

⁷ Беимбет Майлин — один из основоположников казахской литературы, погиб в 1938 году, посмертно реабилитирован.

⁸ Жумагали Саин — казахский поэт, в годы Великой Отечественной войны был партизаном на Украине, Айдар — река на Украине.

⁹ Биржан и Сара — акыны, известные своим айтысом-состязанием.

¹⁰ Жамбыл — великий казахский акын.

Из четской поэзии

ТОКАШ БЕРДИЯРОВ
(1925–1987)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ БАБУШКИ

Баю-бай, спи, малютка,
Слушай песню-прибаутку.
В колыбельку уложу,
Сказку новую сложу.

У меня полно забот:
Дело нужное не ждет.
И, пока ты спишь, малютка,
Я делам забуду счет.

В нашем доме подмету я,
И порядок наведу я.
Твои детские игрушки
До рассвета уберу я.

Баю-баю, спи, малютка,
Слушай песню-прибаутку.
Соловей поет в саду:
— Для тебя я сон найду.
Вымою посуду я,
Выведу ягненка я
На полянку попастьись —
Спи, малютка, не вертись.

Твой отец овец пасет,
Твоя мама платье шьет,
Только бабушка седая
Ждет, когда дитя уснет.

Баю-бай, спи, малютка,
Слушай песню-прибаутку.
А как только ты уснешь,
Сразу бабушку поймешь:
Спать ведь лучше,
Чем не спать,
Глазки надо
Закрывать.

Кто гусей там
Испугал?
Кто овец там
Разогнал?
Я открою-ка
Тундик,
Чтобы свет к нам
Проникал.

Баю-бай, спи, малютка,
Слушай песню-прибаутку.
Много у меня забот,
Разных дел невпроворот...
Ты заплакала,
А я
Чуть вздремнула
У огня.

ЧТО В СУМКЕ?

Раз,
 два,
 три,
 четыре,
 пять!

Из сумки я достал
Тетрадь,
Карандаши,
Альбом,
Резинку
И нарисовал
Картинку.
Ручку я вложил
В пенал,
Книжки
Те, что прочитал,
Снова в сумку
Положил.
Ничего
Не позабыл?
Можно вновь
Пересчитать —
Раз,

 два,
 три,
 четыре,
 пять!

Из раскрытого
Пенала
Ручка мигом
Убежала,
И линейка
Вслед за ней
Ускользнула
Поскорей.
Значит,
Ученик — неряха:
Без двух пуговиц
Рубаха,
И в помарках
Вся тетрадь —
Раз,
 два,
 три,
 четыре,
 пять!

БЕЛКИ

Скачете вы, белки,
Огненные стрелки, —
Прыг-скок, прыг-скок!—
От кого-то наутек.
Вам ведь летом
Благодать,
Можно весело
Играть.
С веточки на ветку,
С веточки на ветку...
Хвост мелькнул в тени густой —
Кто не видел белку?..

Собирайте ягоды,
Собирайте шишки,
Чтоб зимой порадовать
Белочку-малышку.

КУРИЦА И ЦЫПЛЯТА

Потемнело
Вдруг вдали —
Где-то дождь
В степи полил.
Курица зовет
Цыплят —
Под крыло они
Спешат.

Там цыплята,
Словно дома, —
Не боятся даже
Грома.
Сухо, сладко
И тепло
Спать
Под маминым
Крылом.

ЧАСЫ

Тик да так —
Часы стучат,
Что на столике
Стоят.
Кошка на часы
Глядит,
Любопытная,
Не спит.

“Что там тикает?”—
Мурлычет.
Что за звуки она
Слышит?

Вновь над стрелкой
Часовой
Покачала
Головой.

Лапкой тронув
Циферблат,
Не отпрянула
Назад.

Кнопка кошку
Удивила.
Раз! — и смело
Надавила.

Дзень-дзень-дзень! —
Звенит звонок,
Кошка прыг —
И наутек.

А часы —
Тик-так — стучат
И куда-то вновь
Спешат.

ТЕЛЕНОК

I

На джайляу,
На джайляу
Волны трав зеленых бродят.
Там коричневый теленок
Возле юрты грустно ходит.
Он лицо мне облизал —
Видно, мать свою искал.

Ты, теленок, не тужи,
Мне поведай-расскажи:
К нам откуда ты пришел?
В горы кто тебя привел?

Что в овраге ищешь ты,
Где густые спят кусты?
Чистый там журчит ручей:
— Ты, теленок, будешь чей?

Будит утром всех не зря
Ранняя в степи заря.
Мать твоя — буренушка,
Рыжая коровушка —
На лужок с тобой пойдет,
Травки для тебя найдет.
Ты, теленок, не грусти,
Нам с тобою по пути.

II

На джайляу,
На джайляу
Табуны коней пасутся,
И привольно по ущелью
Жеребята разбредутся.
Со звездой жеребенок,
С белым пятнышком теленок,
С черным пятнышком козленок —
У костра все соберутся.
Я им песенку спою
О цветах в родною краю.

Только спел я два куплета,
Как смешной теленок этот
Стал жевать мою рубашку,
Будто травки рядом нету.

ДВЕ КОШКИ

Как-то раз
Две кошки подружились.
Лапкою одной умылись
И пошли гулять вдвоем,
Не жалея ни о чем.
Кувыркались,
Веселились,
Прыгали весь день,
Носились
И все мяукали о дружбе —
Не по нужде
И не по службе.

Мышка вдруг
Вдали мелькнула —
Мышка в заросли
Свернула.
Тут
Зафыркали
Подружки,
Навострили
Свои ушки...
Мышка
Спряталась в кустах,
Еле сдерживая страх.
В норку юркнула скорей —
Кошки бросились за ней.

Исцарапали друг дружку –
Не достать теперь норушку.
Дружба кошек
Вмиг распалась,
Будто и не начиналась,
Курам на смех,
Петуху:
– Ко-ко-ко!..
– Ку-ка-ре-ку!..

ОЗЕРО И РЕЧКА

Над речкой озеро смеется,
Ему похвастаться нейдет:
— Ты скажи-ка мне,
Сестрица,
Кто водою так искрится?
В мире глубже есть,
Чем я?
Ведь ты разные края
На пути своем видала,
Прежде чем
Ко мне попала.
Я всех глубже,
Я всех чище,
Повинуется
Камыш мне,
Вечерами таю я
В бликах лунного
Огня.
Во мне лебеди и утки
Отражаются,
Словно в зеркальце
Глядят,
Улыбаются
И крылами на воде
Забавляются.
Обойди хоть целый свет —
Знай, меня красивей нет!

Речка слушала устало,
Бег с вершин свой
Продолжала.
Надоела болтовня —
И тогда
На склоне дня
Речка круто
Повернула,
Озеро вдруг
Обогнула,
Чтобы стороною течь,
Праздную
Не слушать
Речь.

Уток нет с тех пор,
Гусей,
Нет прекрасных
Лебедей.
Озеро зачахло:
В нем
Ночью квакают и днем
Жабы — верные подружки,
Безобразные лягушки...

— Речка милая моя,
Вновь, прошу,
Впадай в меня,
Обязано тебе
Красой,
В долгу я вечном
Пред тобой.

МОЙ ЖЕРЕБЕНОК

Шесть исполнилось мне лет,
Появился тут на свет
Тонконогий жеребенок —
В целом мире лучше нет.

Он красивее игрушек,
Он милее всех зверюшек,
Посмотрите, как торчат
Его остренькие уши!

Маму он свою сосет,
Нас приветствуя, он ржет.
Резво прыгает в конюшне —
Глупый! — задом наперед.

Дедушка сказал: — Он твой!
Подрстет — в байге любой
Будет он незаменим.
Подрстай-ка вместе с ним!

Семь исполнилось мне лет —
На него управы нет.
Резвым стригунком растет,
Будит он меня чуть свет.

Не такой, как прежде, он,
Рвется за аул на склон.

Не подпустит и на шаг
Никого со всех сторон.

Дедушка его поймал
И арканом привязал.
Хвост и гриву он подстриг,
И – красавцем конь мой стал!

Восемь стукнуло мне лет –
На коня управы нет,
Но мой дедушка взнуздал
Да коня мне оседлал.

И к седлу привык мой конь.
Протяну ему ладонь –
Ест зерно он из ладони,
А в глазах горит огонь.

Присмирел порядком он,
Не бежит теперь на склон.
К скачкам дед его готовит,
Чтобы был мой конь силен.

Были скачки и байга,
Степью дальние бега –
Многих конь мой обскакал,
Правда, первым не бывал.

Так с учебы я порой
Тройки приносил домой,
Иногда пятерки были,
Ну а двоек – ни одной!

Повзрослеем мы с конем –
Вместе все нам нипочем!

Пусть и выше меня ростом,
Я на нем сижу верхом.

Девять стукнуло мне лет —
Вижу я, что лучше нет
Моего коня в ауле,
Это правда — не секрет.

До бедра я достаю,
Когда рядом с ним стою.
Хвалит дедушка коня:
Красит всадника в строю!

Скакуна я иногда
Искупаю у пруда.
Причешу так гладко гриву,
Что красив мой конь всегда!

Не найдете в нем изъяна,
Говорю вам без обмана.
Вынимаю для него я
Сладкий пряник из кармана.

Год прошел — мне десять лет.
Знаю я, что лучше нет,
Чем мой конь, во всем ауле,
Я спешу к нему чуть свет.

Быстрым стал он скакуном —
Вьется пыль веретеном,
Обгоняет всех на свете,
Если я сижу верхом.

Часто в скачках выступали,
Первые призы мы брали...
Да и в школе я притом
Первым стал учеником!

СНЕГОВИК

Я слепил снеговика
Вровень с моим ростом.
Вместо глаз два уголька
Я приладил просто.
К другу тут же побежал
Радостью делиться,
Но, пока его я звал
Вместе возвратиться,
Превратился снеговик
В бугорочек невелик:
Он на солнце таял, таял...
Видно, зря снеговика
В одиночестве оставил.

ГДЕ ЖЕ ШАПКА?

Уроки сделаны давно,
Пришло желание одно:
Хорошо бы погулять,
С клюшкой
Шайбу погонять.

Подумав это,
Непоседа
Стал торопливо одеваться —
Не найти вещей и следа,
Как ему не растеряться!

Шарф на кухне за плитой,
Рукавицы под тахтой.
Кое-как нашел пальто,
Кое-как один сапог,
А второй найти не мог...
И его все ж отыскал,
А вот шапку
Потерял.

Ищет всюду — не видна,
На голове давно она!

ОБЕЩАНИЕ

Не буду двойки получать,
Озорничать не буду, лгать,
Дрова готов колоть я, воду
В любую принесу погоду.
Обещаю умным быть
И прилежным буду слыть.
Напою овец,
Поверьте,
Все мои дела
Проверьте!
Если братик мой заплачет,
Успокою я его,
Знайте, все решу задачи,
Не обижу никого.

Легкомысленным не буду,
Сильным, смелым, добрым всюду —
Обещаю,
Обещаю
Перед всем аулом я.
Только, только
Не стригите,
Я прошу, под чуб
Меня!

ГУСИ

Птицы летом у озер
Наш притягивают взор.
Шейки,
Как у верблюжат, —
Гуси по воде скользят.
Выйдя на берег,
Галдят
И крылами машут,
Клюв гусиный,
Выгнув спину,
Нам они
Все кажут.

Белым крылышком —
Хлоп-хлоп!
Красной лапкою —
Топ-топ!

НАШ ЧЕРНЫЙ КОЗЛИК

Черный козлик наш красив
Черной бородою.
Был когда-то он бодлив,
Был для всех бедою.

Погрузнел и ослабел,
Тяжела походка.
Хоть теперь он постарел,
Но черна бородка.

ЧЕРЕПАХИ

Однажды в пустыне, в царстве барханов,
Где солнце встает над песками так рано,
Встретились две черепахи в пути,
Устав много дней по пустыне ползти.

— Куда ты ползешь? — говорит молодая. —
Может быть, в доме нужда есть какая?
Старая молвит, устало вздохнув,
Долгий свой путь по пескам продолжая:

— Родня моя дома изголодалась,
Большая семья без пищи осталась.
Решила вот утром пойти на базар,
Чтоб там прикупить подходящий товар.

— Долго ль, ответь, ты в пути находилась,
Что-то, быть может, в дороге случилось?
— Увы, я до дома еще не дошла.
Хоть быстро как будто в пути я ползла,
Но все ж до родных я никак не дойду,
А вышла, мне помнится, в прошлом году.

КАК ГУСИ СПАСЛИ ГОРОД

Быль

Послушайте, дети,
Быль давних времен:
Был город древнейший
Врагом окружен,
А звался тот город
Блистательный Рим.
Решили враги:
— Мы его покорим!

Кольцом окружили,
Костры разожгли,
Но приступом город
Все ж взять не смогли.
Высокие стены
Тот город спасали,
Защитники насмерть
На схватку вставали.

Враги вновь и вновь
На них нападали,
И приступом город
Враги взять мечтали.
Чтоб в черных рабов
Горожан превратить,
Вновь свежие силы
Они посылали.

— Мы властвовать будем
Над городом этим,
Мы в рабство погоним
Защитников плетью.
Мы их одолеем,
Мы силой возьмем,
Что сеет одни только
Войны со смертью.

Огромные полчища
В крепость ломались,
Но в город древнейший
Они не пробились.
Держали осаду и ночью и днем,
И голодом город
Враги взять стремились.

И дети, и взрослые —
Все воевали,
Из бойниц они
За врагом наблюдали.
Когда же по лестницам
Лезли враги,
Горячей смолой
Их со стен поливали.

И, лестницы вражьи
Назад опрокинув
И вновь отражая
Все вражьи лавины,
Защитники города
Глаз не смыкали,
На лица суровые
Шлемы надвинув.

Вот так героически
Город сражался,
От вражеских полчищ
Как мог защищался.
Тянулась осада
За месяцем месяц,
И самоуверенный враг
Растерялся.

Множество вражбых голов
Полегло,
Разум затмило бессильное зло.
Хитрость решили враги применить,
Как только под вечер
Солнце ушло.

Ночью глубокой
Решили напасть —
Помощница тьма,
Если хочешь украсть.
Костры потушили,
Ночные огни
И к городу тихо
Подкрались они.

А город
От долгой осады устал,
Ибо которую ночь он не спал.
Устали защитники, устал караул,
И каждый
О сне мимолетном
Мечтал.

Без шума
Враги в эту ночь подошли
И множество лестниц

Поставить смогли.
Без шума
По лестницам
Стали взбираться...

Тут стая гусей
Показалась вдали.

Увидели гуси
Коварство врага,
Увидели хитрость
Издалека.
И криком своим
Они разбудили
Уснувших защитников
У очага.

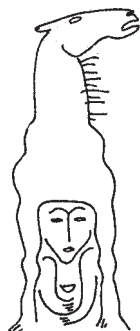
И крыльями били,
И стаей кружили,
И будто бы в трубы
Гуси трубили.
Проснувшись,
Все к бойницам
Дружно вставали
И натиск врага
Опять отражали.

Осаду ту долгую
Выдержал город,
Осаду ту тяжкую
Выдержал город.
Осаду сняв, недруги
Прочь отошли...

Так гуси
От гибели
Город спасли.

**Казахские
народные сказки
(Миниатюры о животных)**

ВОЛК И КОЗЛЕНОК

Волк стоял выше по течению реки, а козленок ниже, и оба пили воду. Волк был очень голоден, и он начал искать причину, чтобы съесть козленка.

— Зачем мутить воду, которую я пью? — закричал волк.

— О, уважаемый волк, как я могу мутить твою питьевую воду, если ты стоишь вон как высоко, а я стою намного ниже. Вода после меня никак не попадает к тебе.

Волк, не унимаясь, вновь закричал:

— А-а, я вспомнил! Ты в прошлом году обидел моего отца!..

— О, уважаемый волк, посуди сам, как я мог обидеть твоего отца, если в прошлом году я еще не родился?

— Так ты мне еще и перечишь! — вскричал разъяренный волк и набросился на бедного козленка.

ВОЛК И ЕЖ

Однажды полз по лесной тропинке еж. Изголодавшийся волк набросился на него из-за густых кустов. Иглы ежа оцетинились и, будто острые кинжальчики, вонзились в морду и в глотку волка.

Волк взвыл и отскочил. Скрывая злость, он глухо про-рычал:

— Хотел тебя поцеловать, однако ты никогда не расстаешься со своими иголками.

Еж слегка высунул из-под колючек мордочку и прохихикал:

— Не торопись, уважаемый волк, когда все твои клыки выпадут, тогда и я расстанусь со своими иголками.

КАК ЗАЯЦ ЛИСУ ПЕРЕХИТРИЛ

Блуждал заяц по лесу и наткнулся в кустах на лису. Он почтительно поприветствовал рыжую и хотел было прошмыгнуть мимо ее носа, а лиса хватъ — и вцепилась в него. Заяц подумал, что пришел ему конец, и умоляюще стал просить:

— Лисичка-сестричка, у меня перед смертью одна-единственная просьба: видишь вот тот колючий кустарник, не бросай меня, пожалуйста, туда. А так — делай со мной все, что захочешь.

Лиса удивилась и сказала самодовольно:

— Э-э, сам обречен на гибель, а вздумал меня учить! Что делать, я и сама знаю. А если захочу, то и закину тебя в этот самый кустарник.

Лиса схватила зайца за уши, закрутила, завертела и швырнула в сторону густых кустов. Заяц исчез там, и через некоторое время среди шенгеля раздался веселый возглас:

— Эй, лиса, большое спасибо тебе! — и заяц изо всех сил понесся в гущу леса.

— Надо же, этот косой меня обхитрил, — уныло промолвила лиса, обиженно поджав рыжий хвост.

ДВА ПЕТУХА

В давние времена у старика со старухой из всей живности было только два петуха. Пестрый петушок да серый. Весь попадавшийся в руки корм старик со старухой отдавали им.

В один из дней старуха насыпала птицам пшена. Голодные петухи мигом набросились на него. Несмотря на то, что петухи были неразлучными друзьями, пестрый искоса взглянул на своего серого дружка-петушка.

“Эх, вот это все пшено самому бы съесть! Досыта бы наелся”, – подумал он и, клюнув раз-другой серого петуха, начал отгонять его от рассыпанного по земле пшена.

Серый петух в первый раз не обратил внимания на выходку пестрого петуха, и во второй раз. Когда же пестрый петух вывел его из себя, серый разозлился и клюнул изо всех сил своего обидчика.

После этого петухи, распушив перья и нахохлив гребешки, затеяли самый настоящий петушиный бой. Их красивое оперенье покрылось кровью.

А тем временем, пока они дрались, соседские курочки склевали все пшено до последнего зернышка.

ПРИСМИРЕВШИЙ ВОЛК

Однажды волк кипятил чай и вдруг видит, что мало хвороста в костре. Побежал, чтобы собрать его, а когда вернулся, его чай уже кто-то выпил.

Волк разбушевался от нанесенного ему оскорбления и начал выпытывать у зайца, корсака и хорька:

— Кто выпил мой чай?!

В это время в лесу под деревом отдыхал медведь. Он поднял голову и взревел:

— Твой чай выпил я. Что из этого?

Услышав голос медведя, волк растерялся:

— Тогда почему не попробовали моего хлеба? — пролепетал он.

ЛИСА И ЯГНЕНОК

Бежала раз лиса по степи и случайно угодила в яму. И так старалась выкарабкаться из нее, и эдак – все зря. А тем временем брел поблизости ягненок в поисках воды, изнывая от жажды. Он и заметил лису, вертевшуюся в яме.

– Эй, лиса, что делаешь?

– Ой, не спрашивай, так блаженствую! – схитрила лиса. – Что толку бегать по степи, изнывать от жары – ни тенька, ни пенечка. А здесь, в глубокой яме, и прохладой веет, и водичка чистая есть.

Услышав это, ягненок подумал: “Может быть, я спущусь туда, посижу в холодке, водички чистой попью”, – и прыг в яму. Тут лиса вскочила ему на спину и, не дав ягненку опомниться, уперлась задними лапками и выкарабкалась из ямы. А бедный ягненок остался один.

Значит, не зря говорят: “Кто поверит лжи, наживет себе хлопот и забот”.

ЛИСА И ПЕТУШОК

В предрассветное время рыскала лиса в поисках пищи и увидела петушка, сидящего на ветке. Подойдя к дереву, лиса решила разжалобить петушка, чтобы тот спустился, а затем его съесть:

— О, уважаемый, утро наступает, пора призывать к предутренней молитве. Давай вместе ее совершим. Спускайся, и ты будешь имамом.

Петушок понял, к чему клонит лиса, и прокукарекал:

— Вон видишь, на той стороне лежит самый главный мулла. Ты, лисичка, разбуди его, и мы втроем начнем нашу молитву, — сказав это, петушок направил лису в дальний закоулок, где дремала борзая. Лиса сделала два-три шага и увидела борзую, свернувшуюся клубком. Лиса отползла по-кошачьи и понеслась вон с этого места.

Увидев это, петушок вновь прокукарекал:

— О, правоверная, ты же хотела вершить утреннюю молитву? Куда же теперь уходишь?

Тогда лиса сказала:

— Да знаешь, петушок, мне надо бы отлучиться ненадолго, а потом, может быть, и вернусь. Ты уж без меня не буди никого к молитве, потерпи немного, — сказала лиса и исчезла в кустах.

БЕЛКА И ВОЛК

Белка, виляя пушистым хвостом, скакала с ветки на ветку. И – вдруг! – упала на спящего в тени дерева волка. Волк вскочил и, оскалив пасть, набросился на белочку.

Она взмолилась:

– Не ешь меня. Пожалуйста, отпусти!

– Ладно, так и быть – отпущу. Но с одним условием. Ответь, почему вы, белки, все время веселы и беспечны?

– Отпусти меня, и я отвечу тебе. А то сердце от страха готово разорваться, не могу даже слово вымолвить.

Волк отпустил белочку. Белка раз – и прыгнула на ветку. И оттуда ответила волку:

– Ты, волк, коварен и весь кипишь от злобы, потому и ходишь тебе всегда мрачным и печальным. А мы – белки – никому не делаем зла, потому веселы и жизнерадостны.

ВОРОНЕНОК

Мать-ворона вывела с собой в степь только что оперившегося детеныша.

Натолкнувшись на падаль, вороненок начал жадно клевать, не спрося разрешения у матери. А мать-ворона тем временем пугливо озиралась по сторонам.

— Знаешь, дитя мое, у нас очень много врагов. Поэтому, когда ешь, надо клюнуть и посмотреть по сторонам — нет ли вокруг кого-нибудь из них, — учила уму-разуму мать-ворона.

— Ну что ж, в этом нет большого вреда. Вот ты и охраняй меня. Раз клюнешь — осмотришь, второй раз — опять осмотришь, — ответил ей вороненок, продолжая клевать, не оглядываясь.

ВОЛК И ВИНОГРАД

Однажды лиса досыта наелась винограда и побрела из зарослей фруктового сада. Волк увидел ее и зарычал:

— Где ты ела виноград? Ну-ка ответь, я тоже хочу полакомиться. А коли не скажешь, я тебя уничтожу.

— Ойбай, уважаемый волк, — прохихикала лиса. — Что мне от тебя скрывать?.. Вон, видишь, фруктовый сад, там полно этого винограда. Пойдем, я тебя провожу.

Сказав это, лиса повела волка и пропустила сквозь знакомую ей дыру в ограде сада.

Волк набросился на виноград, о котором мечтал всю жизнь, и до того наелся, что брюхо его раздулось, и он при уходе из сада застрял в дыре.

Увидела его лиса.

— О-о, уважаемый волк, вот к чему привела твоя ненасытность. Кто не думает о последствиях, тому того и надо, — сказала она и убежала.

В это время проходил по фруктовому саду поливальщик и, увидев волка, застрявшего в дыре, крепко проучил его палкой.

ЛЕБЕДЬ И ВОРОНА

Белая лебедь, раскинув крылья над гладью озера, устремилась ввысь и окинула взглядом землю. С высоты полета она увидела, как ворона лелеет детенышей в своем гнезде.

Воронята были до того черны, словно их кто-то измазал сажей. Подумав, что и на самом деле это так, лебедь спустилась ниже и приблизилась к гнезду, что находилось среди ветвей дерева. Взглянув еще раз, лебедь убедилась в том, что едва оперившиеся воронята и вправду черны.

Тогда лебедь сказала:

— Тьфу, воронушка, как грязны твои детеныши, словно кто-то их извалял в золе! А что если их искупать?

И тут ворона ответила ей:

— Разве не правда: кто близок сердцу, тот и светел для глаз? Мои детеныши похожи на меня, потому краше их нет на всем белом свете.

Белая лебедь удивилась и задумалась над словами матери-вороны.

**Приходящая
зелень травы
(Поэты разных стран)**

**АДАМ АЙТКЕН
(Австралия)**

ИЗВЕРГАЕТСЯ ВУЛКАН В РИМБУН ДАХАР

Для Хиджас и Анжелы Каслури

Не в последние
Дни огонь извергается,
Пламя извергается, мигая подобно
Зеленым индикаторам
Огней
На нашей Моррис Минор,
Тысяча припаркованных на стоянке машин,
Под Дурио деревом, возможно,
Тысяча или более.
Мы удивлены и удовлетворены:
Вечер приносит
Нам шоу —
Извержение вулкана подобно
Рождественским огням, что
Переплетены через
Листву, или
Отдаленным стробоскопам, что
Отмечают на табло
Приземляющиеся самолеты,
На табло ожидания,
Пока не все приземлились
Одного цвета, хотя
Они — обманчивые изумруды.
Вспышки огня подобны насекомым

С твердым панцирем оранжевого цвета,
Которые, как видно,
Сами требуют
Дальнейших исследований,
Возможно, научного ответа, но,
Продвигаясь глубже в долину,
Вспышки гаснут
Одна за другой
И – пропадают.

ГРАЧИЯ САРУХАН
(Армения)

**МОЕ ПОСТОЯННО УМИРАЮЩЕЕ ТЕЛО
И СТЕРЕГУЩАЯ ЕГО ТЕНЬ ТВОЯ**

Там,
Где сплетается нить видений,
Где умирает тело
Под ногами души,
Там бродит твоя тень,
Неусыпно подстерегая смерть моего тела.

Я увидел ее в один солнечный день
В пылающем закате моей тоски,
Когда дух мой
Миллионом голодных ртов
Глодал кости моего измученного тела.

Я увидел ее, и исчезла она вдруг,
Стала несуществующей в тумане моей тоски...
Вдруг очнулось погасшее мое тело,
Завыло, как чувствующий смерть пес...

Там,
Где сплетается нить видений,
Где умирает тело
Под ногами души,
Там бродит твоя тень,
Неусыпно подстерегая смерть моего тела.

МОЛИТВА

Кончился бы дождь, и мох засверкал бы на стене.
Прилетела бы птица и часами бы сидела на стене.
И в глазах воспрял бы облик Арарата...

Дай терпения птице, Всевышний.

И зазывала бы меня эта птица каждую ночь,
И шептала бы слова ностальгии, как песни.
И кровь моя познала бы меня...

Дай терпения крови моей, Всевышний.

И когда эта птица удалится, пусть я не заплачу,
И, улетая, пусть птица сдержит свой плач,
И дни, один к одному, пусть построятся вспять...

Дай терпения дням, Всевышний.

И показался бы величественный центр первомира:
Небо – слово, и Земля – тень от слова.
И были бы птица и я, и не было бы нас...

Терпения твоему терпению, Всевышний.

ЭЛЕГИЯ

Был зелен снег — то осень в середине,
И погибало деревце в долине.
И падали из гнезд холодных птицы.
И светлые бездомные слова
Искали кров — в снегу была трава,
Элегии все в иное страницы.
Шел в небо в мокрых башмаках
Хозяин слов.
Людская память, покраснев от холодов,
Дыханьем размораживала лица.

АМИНУР РАХМАН
(Бангладеш)

ЛЮБОВЬ

I

Мои глаза закрыты,
Да, выбрал я алмаз.
И в моем сердце скрыто
То, что терял не раз.

II

Ты любишь меня спокойно,
Но почему в тебе
Истаяла покорность
Наперекор судьбе?

Я скромный поэт, я знаю,
В картинах оттенков нет.
От скромности умираю,
Как тень, что уходит в свет.

А ты на вершине сердца,
Звезда вне пространств души.
Лотос в руке умельца
Дышит в ночной тиши.

III

Если не здесь, что делать,
Что делать, когда тебя нет?
И нет для любви предела,
И я вне любви — не поэт.

Убей меня преданным сердцем,
Разбей на части меня.
Пусть кто-то займется сексом,
Но это страсть без огня.

ИВАН АРОБЕЙКО
(Беларусь)

САМ СОБОЮ ЖИВУ

По дороге летит листопад,
По аллеям ветров голошенье.
Наступает великий обряд —
То осенний обряд очишенья.

Наступает святая пора.
Сам собою живу. Я — на брони.
Я не ваш. Вы не стойте с утра,
Запрещаю я вход посторонним.

Пусть душа в тишине отдохнет.
После праздников — черные будни.
И меня здесь ничто не возьмет,
Не отпевайте заранее, люди.

Отчужденье — есть заново жить.
Снова к вам возвращаться и к слову.
Надо что-то отбросить, забыть
И слагать свою долюшку снова.

Будет солнце, весна зазвенит,
С соловьями леса повенчает.
А пока ни листвы, ни синиц,
А пока немота — есть молчание.

В ХАТЫНИ

Отчего здесь людей бесконечный поток?..
В час, когда туча смертью дышала, —
“Не под дуб, под березоньку прячься, сынок”, —
Помню, мама в грозу мне сказала.

Здесь колокол звон свой выносит в тиши.
Мы гостей на могилы привозим.
Где примета моей белорусской души —
Возле этой хатынской березы?..

ХЬЮГО КЛАУС (Бельгия)

БРАТ

“Это трудно, — он сказал. — Это убийственно трудно и несправедливо. Я сброшу когда-нибудь вес?”

Все еще осень, сплошные поля кукурузы, насколько хватает глаз, нет слов, поскольку и нет продолжения, он ни слова не молвит и не говорит чужих слов. Пластмассовая труба в его глотке, икание происходит в течение часа, он не способен глотать. Правая рука может все еще двигаться, Перенос левой подобен припавшей к земле лилии. Рука поднимает ее большой палец — Так он посылает сигналы об уходящем здоровье. Его кожа становится белой — как у младенца. Он сжимает мою на плече его руку. Я все еще ишу и ишу наше общее прошлое, Неугомонность нашего детства и нетерпение юности, когда нет времени во всем и даже во времени, Я вспоминаю то легкоеверие, что растет в недоверие. И я оказался в самом раннем мире Из прошлого мира, когда он подобен Загону с лягушками, подобен канаве с утрями в ней. А позже, а позже — настольный теннис, игра на пари. Законы двора, колода из пятидесяти двух карт Или игра в три кости — и постоянство голода
в наших желудках
(С годами, увы, я старею, ибо ем фазана и обоняю лес).

А брат всегда уходил, меня оставляя,
А брат всегда возвращался в дом,
в котором мы жили.
Теперь он привязан, словно прикован,
к одному только месту.
Машина с компьютером ему помогает жить...
И вот день последний, я вижу,
что с лица неподвижного слетает брата душа,
А он, наверное, видит, как я ухожу от него,
в собственных тая слезах.

**САРИАНИ ХАЙ
(Бруней)**

ИЗ ТЫСЯЧИ ЗВЕЗД

Я поднимаю свою голову,
Чтобы увидеть тысячи звезд
Великолепных,
И мир,
Подобный алмазам в небе,
Проникает в мою душу.

Из тысяч звезд
Одной поклоняются,
Маленькой, прелестной, сияющей.
Эка досада, что она висит в небе
Слишком далеко для меня,
Чтобы достигнуть.

НГУЙЕН ВАН ТРАК
(Вьетнам)

ОКОЛО ТАНЦУЮЩЕЙ СТАТУИ
ТРА КИЕУ

Невозможно, это нереально –
Изгибающиеся руки танцующей женщины.
Невозможно, это нереально –
Имеющая двойные ноги,
Статуя несет форму огня,
Полная сновидений, безрассудная до наивности.
Невозможно, это нереально –
Но, нереальная, как вы можете жить
Среди такой доброй воли и такого зла,
Среди такой мрачной истории и такой реальности,
Среди неудач и побед –
То вверх, то вниз, то в грусти, то в радости.
Шестнадцатое столетие ушло вдаль,
Двадцатое столетие стало второй рукой,
Но, если добавить большее количество чудес,
Вы можете быть спокойны,
Ибо больше всего старых, давнишних чудес.
Невозможно, это нереально –
Вы все еще живете так же, как жили тысячи лет.
Нереальные руки тянутся к реальным,
человеческим рукам,
А может быть, все наоборот,
Пока статуя эта очень близка людским существам.

НГУЕН КУАНГ ТИЕУ
(Вьетнам)

ОКТЯБРЬ

Дым от рисовой соломы,
Сожженной мальчишками
Под защитой водного буйвола после урожая,
Несет вкус октября в мое сердце.
Однажды ветер оживил запах соломы
И сотворил волшебную песню.
Я думал, что кто-то сделал это,
Призывая меня прийти,
И я пошел,
Я шел,
Шел.

Я шел по ту сторону октября,
Вдали от моей матери
В завлекающий меня вечер,
Где облака стали подобны
Большим холмам соломы.
Мои следы в поле затерялись в следах теленка,
А его следы – в моих.
Я шел, пока темнота не встала передо мной,
Чтобы объять меня.
Я спешил возвратиться
Сквозь рощу в слезах.
Я видел только следы теленка,
Я думал, что фокусник меня поселил в теленка.
Тот октябрь ушел сквозь дым той соломы.

Я жду, я ожидаю,
Может быть, того самого фокусника,
Который уже из этого ноября
Меня вновь возвратит в того теленка.

ХАНС МАГНУС ЭНЗЕНСБЕРГЕР
(Германия)

УДАЛИТЬ НЕПРАВИЛЬНОЕ

Что делает ваш голос столь плоским,
Столь тонким и столь металлическим?
Это ваш страх
От высказывания неправильной вещи
Или всегда та же самая вещь,
Или высказывание, что говорит каждый,
Или высказывание чего-то незначительного,
Или кое-что уязвимое,
Или кое-что,
Что могло быть неправильно истолковано,
Или это могло быть угождением
Неправильным людям,
Или кое-что в плохом вкусе,
Или кое-что глупое,
Или, как какая-то старая шляпа,
Кое-что несвежее.
Вы
Не утомлены этим?
Только опасения,
Только страх опасения
От высказывания неправильной вещи,
Высказывание неправильной вещи
Присутствует всегда.

ВАЖА ДОЛБАЯ
(Грузия)

ЦАПЛЯ

Вдали,
в густой зелени звезд
 то ли на дорогах сна,
 то ли на дорогах луны,
кричит цапля
о запахе сырой земли,
о тоске крылатых сестер
и о близости осеннего неба.

* * *

Я хочу, чтобы знала:

Приходит

и колыхнется между небом и землей

ночь безлунная

и безбрежная,

с громом приходит мой зов.

Я хочу, чтобы знала,

что вновь собираю

с небесных ветвей

рубины и сапфиры

и преподнесу тебе этот букет

звезд.

* * *

Воздевшее руки — солнце.
В колокол страха звонят
С неба боги.
И следом легенда плывет
Сквозь много морей,
Легенда проходит цветом молочным
По спящим тысячелетиям.
И здесь,
Под небом Колхети¹,
Свернулось, как молоко
Земной матери.

¹ Колхети — грузинское название Колхиды.

ЕВГЕНИЙ БАРТАЯ
(Грузия)

ЗАЧЕМ ТЕБЕ?..

Имеешь хлеб, и все ж, и все ж
Не можешь в жизни сытым быть.
Вино имеешь, все ж и все ж
Весельчаком тебе не быть.

Парчу имеешь, все ж и все ж
Она не услаждает глаз.
Имеешь крылья, все ж и все ж
Полет недолог твой сейчас...

Зачем тебе дворец, когда
Он заперт, как былой ковчег?
Есть в чистом золоте беда,
Когда в нем тонет человек.

ЦИХИЛ КАМАЛОВ
(Россия, Дагестан)

* * *

Каждый в этот мир со своей идет звездой,
И с его уходом эта гасится звезда.

Лакская пословица

Из вечности — начала всех начал —
Я в этот мир пришел звездой.
На крыльях тьмы и света я не знал,
Какая жизнь открылась предо мною.

И во Вселенной не найдя конца пути,
Жил в этом мире под своей звездой.
Погасну, растворюсь, и мне, увы, судьбою
Те крылья тьмы и света не найти.

Уходит наша жизнь — и меркнут наши звезды,
Миру подарив свет сердца своего.
И этот свет необходим, как воздух,
И — новая звезда хранит меня всего.

ИЕГУДА АМИЧАЙ
(Израиль)

ЧЕЛОВЕК НЕ РАСПОРЯЖАЕТСЯ ВРЕМЕНЕМ

Человек не распоряжается временем,
Чтобы иметь время для всего.
Он не имеет сезонов,
Достаточных, чтобы иметь
Сезон для каждой цели.
Экклезиаст
Не прав относительно
Этого.

Человек
Любит и ненавидит в тот же самый момент,
Человек
Смеется и плачет теми же глазами,
Имеет те же руки,
Чтобы бросать далеко камни и собирать их.
И ненавидеть
И прощать,
И помнить,
И забывать,
Чтобы приводить в порядок
И смущаться, есть и думать,
Что история берет годы и годы,
Чтобы продолжаться.
Человек не имеет времени.
Когда он теряет, он ищет,
Когда он находит,
Он забывает,

Когда он забывает,
Что он любит,
Когда он любит,
Он начинает забывать.
И его душа испытана,
И его душа профессиональна по сути.
Только тело его беззащитно вне разума.
С годами оно теряет свою упругость,
Пьяное и оскопленное в былых
Удовольствиях и боли земной.

Человек умрет,
Как смоковница умирает осенью,
Увядавший, как листья,
Растущие сухими
На каменистой земле,
Голые ветви указывают на место,
Где имеется время для всего
Человека.

МОХАММАД РЕЗА МОХАММАДИ НИКОО
(Иран)

ВКУС НЕБА

Я постирал свою рубашку,
Развесил ее на веревке для белья,
И, полон удовольствия,
Лег под теплым солнцем.
И полны земного ожидания
Я и моя одежда.
Облака наплывают.
Возможно,
Я – не тот, кто ждет,
Когда станет жаркой от солнца рубашка,
Станет теплой, как мое тело.
Возможно,
Дождь намочит ее снова...
Каплями дождя
На своих губах
Я чувствую вкус неба.

ПЕРЕД УХОДОМ

Плод
Будет падать в канун своей зрелости,
Лист
Будет падать в канун своей смерти.
Подумайте,
Как вы уйдете:
Подобно зрелому плоду
Или подобно листу?

МУХАММАД РЕЗА АБДОЛМАЛЕКИАН
(Иран)

ТРЕТЬ НАРОДА

Треть народа
Появилась на свет
В зимнее утро.
Возвратилась домой
В зимнюю ночь.
Они – собственность весны,
И в зимние дни
Они боролись
И – угасали.

ФАТИН ХАМАМА РИДЖАЛ СИАМ
(Индонезия)

РОЗА С ШИПАМИ

Однажды его светлость
Мой любимый
Посетил на бегу.

В его руках
Была чудесная роза.
Я робко сказала:
“Я очень ее люблю”.

Он спросил:
“Почему ты любишь эту розу?”

Я ответила:
“Потому, что у розы есть шипы”.

ВОНА ГРОАРК (Ирландия)

СЕМЬЯ

Моя мать ушла и купила себе поросенка,
Потому что ни один из нас не приходит,
чтобы навестить ее.

Джордж имеет хорошие манеры и чист в своих путях:
Он изыскан, вдумчив, легко веселится.
Он идет к Масс, и они хорошо проводят время,
Потому что она спешит что-то получить.
Он не бездомный.

Она сделала кровать для него в кухне,
Где он может вертеться в своей старой
укороченной одежде.

В одно из воскресений я собираюсь в дорогу
куда-нибудь еще.
Масс усаживает его около меня на высоком стуле,
И он смотрит на меня тоскливыми темными
синими глазами.

Когда я сообщаю ему, что довольна, что он с ней,
когда я не могу быть с ним,
Он отвечает “спасибо” голосом, подобным
моему собственному,
Он всегда приглашает меня, сидит и ждет меня
в гости.

ЭДУАРДО САНГВИНЕТТИ (Италия)

* * *

Мы – в недавних укусах теперь, любимый мой богомол,
Любимый мой богомол, десерт, конечно, тебя ожидает
На нашем старом столе или в берлоге, или в кровати,
Или внутри этой основательной кипы старых листов,
Изношенных временем, словно бы мрамор

с естественными пятнами.

Это может быть пара висящих вишен или жезл изо льда,
Или нос пастора, или копчик жареного поросенка.

Если вы действительно теряете ваши собачьи зубы,
Ожидайте тогда неприятности, ибо вы кончите

Точно так же, как я когда-то в течение дня заседаний
В комиссии по правосудию, а после в маленьком баре
Вблизи этой комнаты ел рисовые крокеты

с гусиными потрошками,

Крохи я собирал своими пальцами, дергая и разрывая
Тягучие, постоянно податливые эластичные нити,
Подобно проволочному куску старого моццарелло¹.

Так жуйте медленно и облизывайте пять своих пальцев,
Включая большой.

Так я отметил свое тридцатилетие
В компании с богомолом.

¹ Сорт сыра.

ПАУЛЕТТА БЛАНШЕТТ-ДЬЮБ
(Канада)

ВЕНДИГО

Ветер вырывает сумасшедшую листву
И изодранные тучи
У яркого лика луны.

Я видел ее тогда,
стоя около изгороди.
Трава хлестала ее ноги,
Ее волосы извивались,
И ее руки,
Закрытые сбоку, были сжаты в кулаки.

Она не берегла себя от ветра,
Она поглощала его.

ПУЧИНА ПТИЦ

Эти птицы сотворены
Из выплывшего камня,
Из гладкой части обсидиана¹.
Они несут вес мифа
И недоразумения души,
Примешивая в снятое молоко
Синее небо.

Одна из них,
Владеющая недвижимостью
На моем крыльце, сегодня
Подняла прекрасные янтарные глаза
И поманила меня
К своему клюву.

¹ Вулканическое стекло.

СУНГ ЧАНГ-КЬЮНГ (Корея)

СТАРАЯ ЛОШАДЬ

Старая лошадь бежит,
Пыхтит и тяжело дышит, бежит.
Пропущенные годы лежат на ее спине тяжелым грузом.
Уже давно она привыкла к этому грузу.
Бежать непрерывно – единственное спасение.
Дьяволы избегают тебя, когда ты поглощен бегом.
Это – единственная правда, которую она могла понять.
Это странно – она бежит к востоку вместо запада.
Она бежит и ударяет ногами против окружающего солнца
И смотрит на восходящее солнце.
Бежит и бежит, она могла бы оплатить
пожизненный долг.
Что оставлено неоплаченным – доля для небес.
Бегущая к смерти, старая лошадь станет
небесной лошадыю
Даже без топота копыт, где-нибудь относительно
земли или небес,
Старая лошадь бежит, подобно плавной мечте.

ОМОР СУЛТАНОВ (Кыргызстан)

ЖЕНЩИНА

Сколько веков мы неделимы!
Одновременно мы появились,
Мы появились,
Мы в один миг родились,
Мы этим мигом хранимы.

Я без тебя
Ничего не значу,
Ты без меня
Застываешь, как лед.
В мире без нас, увы, все иначе.
В нас двоих счастье наше живет.

Я силой твоей восхищаюсь,
И преклоняюсь я перед ней.
Она глубока и прекрасна
Водой, что в реках Эне-Суу и Эдил.
Знаешь ли ты,
Что с верой, надеждой и волей
Эту слабую силу,
Эту нежность твою
Я от тебя получил
И для тебя сохранил?

Наши души с тобой неделимы
В этом круглом и плоском мире,
В этом пошлом и черством мире
Нами они хранимы.

На границе далекого — близкого,
В междуречье плохого — хорошего
Наши встречи друг с другом искренни
Для счастья нашего общего.

Ах, жизнь,
К лицу нам обоим она,
И мы неразлучны на все времена,
Не уставая любить
На века —
Сквозь века!

ЯНИС ЮРКАНС
(Латвия)

МУСОРЩИК

Пока не проснулся мой город,
По дворикам мусорщик ходит.
То заглянет в окошко,
То в старую подворотню.
Забывшее горе уводит,
Забывшие грезы.
Холодной порою рассвета
По улочкам мусорщик бродит.
А простынь телами нагрета,
И гонят во сне его люди,
И тайна их снов под запретом.
И оглянувшись, уходит,
Страшится их судеб.
Забывшее горе уводит,
Забывшие грезы.
И дразнят его соседи.
Боюсь, что возьмет, отменит
Себя в этой жизни скудной.
Как быть нам с грешной мечтою,
И с ласкою, и с изменой,
Скажите мне, люди?
Пока еще в дреме мой город,
По улочкам мусорщик бродит,
Забывшее горе уводит,
Забывшие грезы.

АВГУСТ

Ты подари мне цветок полевой
И запах земли согретой,
Чтобы добрел непроглядною мглой,
Добрел до рассвета.

Прохладны и влажны губы твои,
Осенней росой покрыты.
Что мне сказать про нас двоих,
Ночь коротка, и ночь ненасытна.

Я знаю, что мне по силам
Добраться до края лета,
Где наши тропинки скрестились,
Как многие в мире этом.

Не встретиться нам, не расстаться,
Звезда наша гаснет рано.
И быть мне вечным скитальцем
В своей и заморских странах.

ПРИЗЫВ ПРЕДКОВ

Ребята в лесу играют в войну,
Катится солнце из зеленой меди.
Зеленеет кровь в прахе предков.

Вырастают ребята,
Уходят на войну.
Летит пуля —
В ней сила и ум.
Пустота, тишина.
Нет никого.

Катится солнце из зеленой меди.
Ребята в лесу играют в войну.
Другие уже.

ЛЕГЕНДА

Посыпьте цианистым калием
Тишины разбитый сосуд,
Чтобы не склеить осколки.

Могилы зарастают,
И глаза становятся слепыми
В миг нашего рождения,
О, несчастье.

И это горящие стопы
Твоего пра- пра- прадеда
В этом белом поле,
Когда его секли
За непослушание.

И этот ржавый клинок
Твоего пра- пра- пра- пра- прадеда
Под этим корнем дуба,
Сломанный
О кольчугу крещеного брата.

Тише, люди,
Ведь это ваша мать,
И имя ее —
Предательство.

Дать, не дать, дать.
Гремит земля,
Дать, не дать,
Сто черных всадников
Дать.

Смотри, не дед ли твой
В этой кровавой грязи лежит.

Отче наш на небесах,
Да будет вечно имя твое!
Да будет, да будет, будет,
Да будем мы радоваться и петь,
Будем пить и плясать...

Нет вины в нас,
Нет вины в нас,
Нет вины.
Нет.
Нас нет...

Только посыпьте
Цианистым калием
Тишины разбитый сосуд,
Чтобы не задумал бы кто
Склеить осколки.

АБДУЛ ДЖАФАР ИБРАГИМ
(Малайзия)

ЖИТЕЛИ МАЛАЙЗИИ

Жители Малайзии –

Люди различных религий.

Различные религии с различными названиями.

Различные названия с различными цветами.

Различные цвета с различными культурами.

Различные культуры с различными языками.

Различные языки с различными досадами.

Различные досады с различными путями.

Различные пути с различными средствами.

Различные средства с различными результатами.

Различные результаты с различными колдовствами.

Различные колдовства с различными поколениями.

Различные поколения с различными намерениями.

Различные намерения с различными обсуждениями.

Различные обсуждения с различными письмами.

Различные письма с различными линиями.

Различные линии с различными оправданиями.

Различные оправдания с различными выборами.

Различные выборы с различными желаниями.

Различные желания с различными расовыми группами.

Различные расовые группы с различными жителями.

Различные жители,

Различные жители

Одной Малайзии.

ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО СЕГОДНЯ

В пять минут я достигну сегодня,
я буду находиться перед ней и пытаться забыть вчера,
но я не способен на это, поскольку принадлежу завтра
пять минут до сегодня
настоящего времени,
я не ощущаю течения времени. Все, что я чувствую,
это сегодня,
настоящее время,
все, что я сейчас чувствую, — это вчера;
вчера,
все, что я чувствую, — это завтра;
завтра
я не ощущаю,
что время мчится слишком быстро
в порту,
в аэропорту,
на вокзале,
в шеренге такси,
на конечной автобуса,
время убегает от меня слишком быстро,
когда уезжаю
кораблем-поездом-самолетом-такси-автобусом,
все происходит в течение пяти минут,
пять минут — ничто,
не удастся ощутить жизнь за пять минут,
это ощущается, как пять секунд,
ощущается быстрее, чем любая пятачка,

что-либо быстрее, чем пять,
число пять, пять взглядов или
время,
время, которое быстрее,
чем все часы-минуты-секунды-миги-мгновения,
проходит пять минут, прежде чем пассажиры
подпирают свои подбородки руками или беспокоятся,
может быть, о следующих пяти минутах,
пока поэма пройдет через мою голову.

Делить в жизни пятиминутки, более или менее,
предо мной или кем-то другим,
пока наша кровь пульсирует
или останавливается,
и мы можем любить друг друга менее пяти минут,
мы можем воздержаться
от нашей непреднамеренной неприязни
по пять раз ежедневно,
что находится в пяти минутах от сегодняшних
пяти восторженных моментов преданности,
когда я прибываю.

* * *

Кто?
Кто ты,
Кто ты, ты — не ты.
Кто ты, ты — не я.
Кто я, я — не я.
Кто я, я — не ты.
Который я?

БАХАРУДДИН ЗАЙНАЛ
(Малайзия)

КАРТИНКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Я вглядывался в ее лицо
В раме окна напротив
Так много лет назад.

Эта картина
Увековечила ваше изображение
Таким же молодым.

Теперь прошло много лет.
Сад, который я ступенями растил в себе,
Постоянно влажен в моей душе,
Хотя вы ушли.

Я стал старым.
Вы остались девушкой
Юной и прекрасной
В памяти моей.

КЕМАЛА
(Малайзия)

ДЕРЕВО

Взгляни на дерево
С его различными оттенками
и направлениями роста,
Решительно поворачивающего
свои корни в прошлое,
Бросающего вызов авторитетам,
Сотворенным Богом.
Я слышу твой шепот:
“Я хочу пережить таинство рассвета”.

Маленькое и тонкое,
толстое и покрытое листьями,
сухое и довольное, сражающееся
в одиночку и роняющее
свои листья и плоды в конце сезона,
благословляющее с благородной чистотой,
обнимающее с любовью.
Я по-прежнему слышу твой шепот:
“Мира тебе и всей твоей семье”.

ЛИ КЕОК ЧИ
(Малайзия)

У ПОСЛЕДНЕЙ ОСТАНОВКИ

У меня,
постепенно обессилевшего,
есть только корешок билета
на оперу, которую ждал всю жизнь.
И осталась мелодия ночи.
Либретто в ней – слово “прощай”.
Опасное слово.
Говорят, надо молвить “прощай”
Днем после ночи.
Под солнцем мы желаем,
чтобы все было отлично.
И это все подобно череде
обычных происшествий,
что демонстрирует
малость и незначительность
Человека.

ЛИМОННОЕ СОРГО

Тот, у кого найдется хотя бы один лист,
похожий на лаланг,
Будет скрывать привкус
В земле,
переработанной червями,
обогащенной тайным вкусом.

Тот, кто отведал его впервые,
признал его аромат.
Лимонное сорго известно всем.
Оно применяется в любой кухне,
Даже в сухом виде,
Но и это не все.
Увядшее и поджаренное,
оно используется
подобно прошедшей истории.
Оно до сих пор сохраняет
Опыт питания цивилизаций.

ЭМИЛЬ ДОТЯНУ
(Молдова)

* * *

Бахытжану

Передо мной потомок Чингисхана
Без лука, без коня и без копья.
Не призрак это и не бред – но странно
Коснуться плоти грозного вождя!

Стоит живой напротив, а я слышу
Всемирный топот Золотой Орды,
И стрелы огненные зажигают крышу –
Она горит, а мы с вождем на “ты”.

Я след веков искал и след родства
На дне зрачков – а там печаль познаний.
Покой степи был там и тень отца,
Куда-то вдаль скользили кротко лани...

Посланец Чингисхана в лунный час
Стоит передо мной в покое гордом,
Я вспомнил школу – Чингисхан для нас
Страшнее двойки был тогда и черта.

И бабушка пугала, что во сне
За все мои проказы, прегрешенья
Сам Чингисхан на огненном коне
Придет – и в миг поставит на колени...

А здесь как раз наоборот. Однажды
Пришел потомок Чингисхана, летом,
И мы шампанским погасили жажду
И воскресили к вечеру поэта.

Открылась юных лет былая рана.
Приходит книга, выполнив обет.
И только жаль, что нету Чингисхана
И бабушки, чтоб хвастать, тоже нет...

ДУНГУТИЙН ЦООДОЛ (Монголия)

ВЕРБЛЮД

Хотя и спокоен он, как горы Хэнтийские,
Может быть диким, как степная косуля.
Хотя вид у него ко всему вроде безразличный,
Плачет он и рыдает, когда принимает обратно
Верблюжонка, отвергнутого им.
Редок на земле этой он, странное животное – верблюд.
Хотя темен цветом лик его, подобен сандаловому дереву.
Ослепительно бело молоко у него, точно чистый родник.
Хотя и медлителен шаг его, быстро он проходит
долгий путь.
Лапа его – пустыни печать, что навсегда дана судьбою.
Настоящее украшение Гоби дикой, остро пахнущей.
Чем дальше ходит от привязи,
Тем более могучим кажется он среди миражей Гоби.
С каждым днем он все ближе родной стороне своей.
Все больше притягивает глаза природы к себе.
Редок под небом этим он, странное животное – верблюд.

ТУЛАСИ ДИВАСА (Непал)

РЕКА И ДЕРЕВО-БОДХИ

Ночи упавший гребень
В борьбе со светом
Отскакивает неожиданно
От решетчатых окон и дверей,
Открытых для долгожданного света,
Пытающегося удержаться на улице,
Приходит оркестр темноты —
То в черных мундирах,
То в серых мундирах,
На макушках черные капюшоны и ноги
в черных ботинках,
Внезапно поднимаются
И перемещаются,
И они обзревают цель —
Сделать яркую плотину
Из предстоящих в свете вер!
В этот момент
Движение полиции
Приостанавливается у обочин, подобно
фонарным столбам,
Они задумались,
Словно процессия заблудившихся чиновников,
Вышедших на государственный праздник.
Дайте сигналы, чтобы идти вперед
Перед зеленым ясным прибытием!

С этим
Они успешно заканчивают
Опасное путешествие пешком.
С гордостью
Наблюдает все это
Бодхи-дерево,
Я
Спокойно стою и жду
На краю Новой Дороги,
Да, стою спокойно,
Подобно трости!

СОЛНЦЕ И ПАУТИНА

Старое солнце,
Осколок подпрыгнул от горы Времени,
Возможно, черный паук,
Теперь
Пойманный в рукав дня,
Плетет последовательно сеть,
Рисунок линий установления границ
Во времени, которое стремительно утекает.
В этом узоре немного желтого неба —
Падающий осколок,
Унесенный вниз ветрами,
К расселине дерева,
Растущего внутри меня!

От маленького леса недель и месяцев
К плотным лесам столетий
Замысловатые лучи света —
Свободные, буйные, волнистые,
Некоторые укрываются в дымных лучах
И вне,
Заблудившиеся в мыслях
Задерживаются,
Другие остаются,
Тихо сбиваются в кучу
В разные углы,

Где остатки неба
Погружены в излучины
Воспоминаний!

Старое солнце,
Осколок подпрыгнул от горы Времени,
Возможно, черный паук,
Теперь
Пойманный в рукав дня,
Плетет последовательно сеть,
Рисунок линий установления границ
Во времени, которое стремительно утекает.
В этом узоре немного желтого неба –
Падающий осколок,
Унесенный вниз ветрами,
К расселине дерева,
Растущего внутри меня!

ВОЛЕ ШОЙИНКА (Нигерия)

НОЧЬ

Твоя рука тяжела, ночь на моих бровях.
Я, медведь почти с ртутным сердцем, подобно облакам,
Осмелившийся отточить твой невидимый плуг.
Женщина, как моллюск, на далеком полумесяце
Я видел, что твои ревнивые глаза гасили море
Свечения, отплясывая в непрекращающемся биении
Волн. И стоял я сухой, подчиняясь песку, крови, слезам,
Поднимаясь глазами к вершинам.
Ночь, ты осыпалась зубчатыми тенями через
сырые листья,
Купаясь в теплых красках твоих пестрых клеток.
Сенсации причиняли мне боль — эти безликие
ночные воры.
Так скройте теперь меня, когда дети ночи приходят
на землю.
Я не должен слышать ничего, ибо этот туман
Зовет и заставляет, объясняет мне, голому,
Непрошеному, безмолвную ночь рождения
Творчества.

ПОЕЗДКА

Я никогда не чувствую, что я приехал,
Когда прибываю к концу поездки.
Я избрал дорогу, что теряла вершину вопросов,
Переносила меня вниз на обратную сторону Земли.
Я знаю, что мою плоть грызут по кусочкам,
Очищая и ломая для нетерпеливой рыбы времени
Среди ржавеющих корпусов,
Я пропускал их на моем пути.
И так с хлебом и, как говорится, с вином
Я испытываю нужду разделения
С поражением и с недостатком.
Я пропускал их на моем пути.
Я никогда не чувствую, что я прибыл,
Хотя любовь и гостеприимство вновь ловят
в ловушку меня
И вручают мне кубок привала
В канун последней моей трапезы.

ДЖУДИТ ХЕРЗБЕРГ
(Нидерланды)

ПО ДОРОГЕ

По дороге
Вы иногда добираетесь до места
И затем должны вычислить то,
Что будет после.

В дорогу
Вы берете кое-что из туалета
Без всяких мыслей об этом
И думаете уже потом,
Когда держите то, что взяли.

По дороге
Вы несете пакет с чем-нибудь
И, когда вы уезжаете,
Поражаетесь, ощущая легкость
После сданного груза.

На дороге
Вы ждете чего-то,
Может, осени, может, любви,
Вы ждете мгновение за мгновением.

На дороге
Вы знаете, что я была однажды,
И, может быть, запах дороги сообщит вам об этом.

В дороге
Вы знаете, с кем быть
Осторожными и с кем можно
Или нет — ложиться...
Это способ или инстинкт,
Которым животные думают.

Я думаю, что эти животные
Знают дорогу,
Которой сейчас я иду.

ВИВЬЕН ПЛАМБ
(Новая Зеландия)

ПЕРЕД ОПЕРАЦИЕЙ

Вы будете вся в белом,
Вы опуститесь на дно в никуда,
Когда они введут иглу с лекарством,
Я возьму вашу руку,
Когда вы уснете.

Мы так близки,
как указательный с большим,
Я и вы (точнее, ты),
Иногда, подобно разливу волос,
Мы не можем дышать.

Тело имеет земной
магнетизм даже тогда, когда он не осознан,
Но только душа
Следит,
Обладая собственными крыльями.
Я придаю силу вашему
рассказу о чудесных вещах:
О вас, о вас самой, о вашей жизни.

САЛИМ САИД АЛАРАИМИ
(Оман)

КОГДА ВОСХОДЯТ ЦВЕТА

Посвящается Сония Анвар

Там, в печальном сердце, где ложь уныния,
Где цвета охватывают обширный горизонт
С надеждой, слова вытекают из моих губ,
И я вижу твою печальную улыбку,
Рассматривая эти цвета грусти,
Цвета, которые отражают твои глаза,
Их создают красивые чувства,
Кажется, встречающиеся в твоих глазах слезы,
Я сказал бы, что они подобны жемчугу,
Любовь приняла нас на краю жизни,
И отчаяние вынесло в море наши надежды,
Слезы имеют не больше яркости
В их бесконечной вселенной,
И ты собираешь разбившуюся на части надежду
С цветом, что возрождается на твоём лице,
Отражающем прекрасный свет.
Является ли это вне ностальгии, мыслей или безумия?
И красивый цвет расцвел снова
с танцующим счастьем,
Подобно рисункам твоей волшебной кисти.
Ты выбираешь небольшую сцену,
словно в театре живописи.
Здесь ты делаешь расстояния короче,
когда горе престижа
Прогуливается по берегу любви.

Изумленные той тернистой надеждой,
Большие надежды появляются,
И ты поешь свою песню цветов,
Летающую на крыльях желания,
Плывущую на веслах мечты.
И невинная мечта стала зеленым холмом,
Твое там сияние окрасило излучину реки,
Жар надежд в сердце, окруженном пустым мысом.
Все мои чувства проступают из-под кисти твоей,
Сотворяющей из многих цветов один только цвет
красоты.

И вскоре пространство обретает живописную форму.
Но сердце, обернутое пасмурным ветром горя,
Кровоточит, и кровоточит, и кровоточит.
Я вижу толпу этих служащих горя,
И сквозь них пробираюсь к тебе,
Улыбаясь только тебе данному цветцу.
И твоя живопись становится тому оправданием,
Подобно тени деревьев с тайной, как на картинах Дали,
И прозрачной перспективе холстов Леонардо да Винчи,
И бриз других живописцев влечет тебя вдаль.
Пальцы твои, слово танец, смешивают сияние роз,
Выделяя аромат жизни и охлаждая
Гнев твоих печалей.
Восходят надежды, спящие в живописи,
И смотри, как прекрасно они отражаются
Над нависшими тенями, взгляд отмывает их,
И — приходит меланхолия, и — ты приходишь,
С кистями входя в царство нашей реальности,
Что вышито нитями меланхолии нашей души.
И я вижу тебя, почти не осознающий этого.
И это действительно так.
В твою золотую тишину проливается свет
Изумительной песней.

Ты собрала цвета в мире чувств,

И тебе помогла сущность твоей души,
И ты подняла эту ветвь, подобно короне роз.
И я чувствую этот аромат,
Вдохновивший меня на эту поэму.

БАДИА КАШГАРИ
(Саудовская Аравия)

* * *

Я подняла свой парус,
Чтобы победить бурю
И встретить непредсказуемые штормы.
Приключение неизвестно
И не будет описано моей судьбой
Из прозрачности моих облаков,
Я приду, чтобы подтвердить твое бытие.
Знаешь ли ты, что это значит —
 позволь мне также быть?

ИЛЛЮЗИЯ

Поскольку мои глаза
В жажде флиртуют с твоими,
Поскольку дрожь моих губ
В амплитуде мотива
Твоего бормотания,
Блаженствует сердце,
Радуюсь втайне
Этим грехам твоим,
И прогибается от тяжелого вздоха.
Я вся в ожидании этого или того,
Что покоится дальше, за сердцем,
В синей глубине памяти.

ЛУННАЯ СЕРЕНАДА

Это внезапно —
Сиянье луны и огни моих окон.
Тень умоляет меня коснуться лица твоего
И раствориться во тьме горизонта,
Что простирается в интервалах души.
Я ухожу в нимбе луны,
Мантия тьмы волочится
По запущенному саду моей любви.

ИСТОК ОСОЙНИК (Словения)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОГУЛКА

– Ладно, я иду писать кое-что, –
сказал Мистер Сегодня. –
Я иду следить за облаками.
Соломина между моими зубами
и жужжание насекомых у моих ушей.
Некий ветер за воротником рубашки,
будто я еду верхом по зарослям кукурузы.
Электронный нимб после обеда
и топтание по Елисейским полям.
Очередь людей, извивающаяся
вокруг деревьев платана,
жадно поглощается входом,
где выставлены картины Поля Гогена.
Телегалерея.
Каждая картина вибрирует на телеэкране
(оригиналы хранятся в сокровищнице
Национального Банка).
Если вы зафиксируете свои пальцы
на экране, образ тела оранжевой
женщины превратится в зеленый
виток резиновой фабрики.
Взаимодействующий мирный алтарь
из виртуального Гаити.
Мистер Сегодня, однако, управляется
с тем, чтобы сохранять свою голову.

Мир в семь раз больше,
чем все возможные понятия,
Мистер Сегодня знает
свою человеческую природу,
так что он превращает
телевизионные образы женщины
в фикусовый изгиб
до тех пор,
пока галерея свяжется более
девятиста раз в Гордиев узел
возрождения Поля Гогена.
Затем он прогуляется в банк
и получит деньги по чеку.

**МАРК ШИННЕЙ
(США)**

СВЕТ ПАМЯТИ

Прощальный луч заката на берегу морском,
Я в домике один, сижу я за оконцем.
И луч во мне живет за уходящим днем,
И он влечет меня, уводит вслед за солнцем.

И я лучами льну к утраченному здесь,
За прошлое я памятью цепляюсь.
Сквозь сумерки страшит, что я сгораю весь.
Свет памяти, в ночи к нему я возвращаюсь.

Луч, что живет во мне, душе моей сродни,
Сквозь бездну ночи я найду ключи рассвета.
Свет памяти моей, пусть в нем былиые дни,
Он вечен, этот свет, надежда в нем поэта.

ПЕТЕР ОРЕСИК (США)

ПИСЬМА ХАМИДУ

1

Бледнеет небо. Рассвет.
Всю ночь гремели фабричные станки.
Звезды едва виднелись в заводских дымах,
но божье утро загасило их совсем.
Начало дня.
Завожу машину стальным ключиком,
колеса вращаются в ладу со всей вселенной.

Это не казино, не вертеп, не ад, не рай —
обычный супермаркет в Северной Америке.
Все, что душе угодно: сок грейпфрута,
пиленый сахар, ледяные конусы мороженого,
салаты, крупы, сыры...

Это не мертвая птица, а жареный цыпленок,
хрустящая корочка поверх сочного белого мяса...

2. Письмо из дальней страны. Май 1981 года

Несогласных все меньше и меньше.
Левые в подполье или по тюрьмам.
Ранним утром — стрельба, опережающая
будильник.

Фадва одет, обут спозаранку, но идти некуда —
нет никакой работы. Чего нет, того нет.
Я привык молчать и сочинять прокламации.

В моей комнате темно от табачного дыма:
наши беспокойные души тут же плавают в дыму.
Али пропал: от него ни слуху, ни духу.
Мама целый день из ничего что-то стряпает...

3

Ты помнишь, нас поймали с листовками?
Помнишь твою первую тюрьму?
Какие же мы были молокососы!
Распространять листовки нам, сорванцам,
казалось доблестью, как обворовать
соседский сад.

Там, в тюрьме, я первый раз подумал:
образование — тайна за семью печатями,
когда обессилел, заполняя тюремную карточку.

За кого нас приняли? За немых?
За психов? Просто за дураков?
Какая разница.
Стены зелены от сырости,
уборная убивает зловонием,
холод вымораживает кости.

Ты все еще веришь, что жизнь — борьба
с великой целью в душе?..

Глаз покоится на малыше, сияющем улыбкой.
 Мой сын — король на своем детском стуле
 сидит выше нас всех.
 Его лепет затекает во все уголки
 комнатного уюта.

Здесь нет ничего, что бы мешало,
 не нравилось, теснило.
 Моя цель — сохранить это все.
 Все!

5. Письмо от Али. Июль 1981 года

Живу на севере страны.
 Здесь нет ни воды, ни света.
 Денвер — мои бедные студенческие годы —
 образец комфорта
 в сравнении с моей нынешней жизнью.

Пока я на свободе —
 меня прячут хорошие люди.

Из окошка я вижу такую картину:
 женщины качают рычаг колонки,
 словно добывают воду из самих земных глубин.

Земля — скупец, отпускающий мизерные урожаи,
 Поля истосковались по дождю.
 Временами я до смерти недоумеваю:
 неужели жизнь может быть и другой,
 для чего она тянется здесь одна и та же из века в век?

Хамид, я печалюсь твоей печалью.
Что мне делать? Чем помочь?
Я купил минеральные подкормки для почвы,
но как послать их тебе?
Ни одна посылка не попадет в твою сторону.
Это нам не по силам,
не надо и жалеть о том, что недоступно.

И все-таки это жизнь,
какая бы ни была, это все еще жизнь.

ПЛОТЬ ХРИСТА

Входя в церковь, Линда ставит гитару в уголок,
а только что в церковном дворе
она распевала низким голосом псалмы,
отбивая на гитаре
тревожный мотив суетного мира,
оттеняющий гармонию псалма.

Теперь она смиренным монашеским шагом
заходит за спину священника
в святая святых, в алтарь...
Прихожане опустили на колени,
Священник произнес:

“Зри овец господних,
счастливы званые на трапезу Его”.

* * *

“Бесчестие — женщина в алтаре, —
так говорит один из прихожан этого храма — ее отец. —
Как смеешь ты прикасаться к чаше,
как смеешь причащать и проповедовать!
Знай свое место, Лин, —
копай картошку, монашествуй,
уж если до тридцати досидела в девках!
Но старая дева на церковной кафедре —
позор и поношение!
Видали? Девица — апостол!”

* * *

Линда твердо стоит на ногах,
здесь она на своем месте.
Вот вошла вереница людей в праздничных одеждах.
Старик в чесучовом костюме, сшитом на вырост,
открывает рот
и зажимает скверными зубами
лепешечку причастия.
“Христова плоть!” – говорит Линда.
Женщина тянет руки ковшиком.
“Христова плоть...”
Какие они разные.
Всех она знает в обычной жизни:
мистер Пабс часто моргает,
у гопожи Мор дрожат губы,
робкие, глупые, почтительные,
и всем: “Христова плоть, Христова плоть...”
А эти лохматые, кто они в клейменных майках?
“Кабак Мащия”, и ему – “Христова плоть”.
“Государство Пепи”, и ему – “Христова плоть”.
“Найк”, и ему – “Христова плоть”.

* * *

Линда – студентка колледжа
Святых североамериканских мучеников.
Здесь учатся представители разных рас и одной веры.
Напротив колледжа парк.
Она ходит туда между лекциями
пить кофе с медовой коврижкой.
Она раскрывает книгу и смотрит поверх нее
на окружающий мир.
Книжкой она отгораживает
свою удивительную в кафе
долгополую черную одежду
с ослепительным белым воротничком.

Только сумасшедший потревожит
нескромным взглядом или вопросом
монахиню за книгой.

Вот он тут как тут.

Это – Райн, городская достопримечательность –
сумасшедший Райн.

Он думает, что самое главное в молитве – гнусавость,
и поет, как думает,
перекрывая пение священников в храме.

Хозяин кафе спрашивает:

“Еще кофе?”

“Нет, – выкрикивает Райн,

этот сумасшедший ближний,

которого тоже надо возлюбить. –

Мы пьем только кровь Христа! Верно, Линда?

Христову кровь пьем по воскресеньям”.

* * *

После службы сознание уплывало в смутном сне,
а еще надо было пройти бульваром, ехать автобусом,
вести машину.

Пять часов она стояла на причастии.

Как вняты ей слова апостола Павла:

“Пастырь, верь в святое причастие”.

Она верила каждой клеточкой своего тела,
каждая капля ее крови принадлежала
одному Господу нашему Богу.

Женщины в капюшонах прогуливали собачек

на поводках.

Доберманы и були смотрели на нее с любопытством.

Мужчины неутомимо слонялись без дела.

Фасады домов рассыпали цветную

неоновую круговерть.

“Разнообразен мир и многолик, — думала Линда, —
и весь он ясный и темный,
приятный и отвратительный,
белый и черный — суть божественна, едина...
и “несть ему конца...”

* * *

Из колледжа в гараж надо ехать автобусом.
Встречный молодой мужчина придержал для нее
дверцу,
другой, пожилой, встал, уступая место,
но она не села — место осталось пустовать.
Служащие гаража смотрели телевизор,
но при появлении Линды, как по команде,
уставились на нее.
Один вахтер ловил осточертевшие картинки
из телевизора
и экстравагантные фразы: “Простите, это — чучело.
Дайте сюда ружье! Пошел вон!” —
зато никак не мог поймать нужный ключ
в ящике стола.

* * *

Сон не шел и в полночь.
Тело дремало,
а разум скитался
по всем закоулкам пошлой реальности.
Она тихонько включила радио,
звучало разухабистое ток-шоу.
За стеной скрипели пружины
родительской кровати.
Она думала о молодости своих родителей.
Все, как у людей:
они жили по соседству,
хорошо зарабатывали,
оба пели в церковном хоре.

Добропорядочные католики
гуляют после хора
и женятся после войны.
Они не бедствуют
и исправно платят налоги.

Ночь тревожна и суетна, тянет сыростью из окна.
Над скелетом фабрики – полная луна.
Вчера она светила влюбленным,
сегодня она – фонарь постиндустриальной эпохи.
Такая беспринципная.

Невмоготу бодрствовать посреди заурядной жизни,
наплывают милые видения:
старый дом,
две свечи в бронзовых подсвечниках
на белой скатерти,
тенистая тишина сада,
потревоженная только голосами птиц небесных.

ПОСЛЕ ПЕРЕМЕН

Листаю скучные страницы.
Думаю о весомом взгляде Маркса,
о твердых, как зернышки черного перца, зрачках.
За окном журчат фонтаны. Вода не иссякает,
брызги складываются в маленькие радуги.

Эти умные книги
похожи на солнечный луч,
пойманный в тусклую банку.
Кто-то всю жизнь ловит рыбу,
кто-то охотится на грибы.

Днем я хочу жить
солнечной белкой,
прыгающей над парковой площадкой,
где дети носятся на роликах.
Ночью
меня завораживает лунная дорожка.
Веди меня, лунный свет!

НАЗЫМ ХИКМЕТ
(Турция)

СТАРЫЙ ВЯЗ

Я в облаках,
я весь пропитан морем.
Я – старый вяз,
что в парке Гюльхане,
и в шрамах и в ожогах,
но об этом
не знаешь ты,
полиция не знает,
никто не знает
там –
в моей стране.
Я – старый вяз,
Что в парке Гюльхане.

И плещется моя листва, как рыба.
И шелестящую листву срывай, любимая,
как шелковый платок,
и вытри слезы
там –
в моей стране.

Я – старый вяз,
Что в парке Гюльхане...

Моя листва —
сто тысяч моих рук —
дотронусь до тебя и до Стамбула.
И там,
во власти лиственного гула,
обнять тебя хочу
ста тысячами рук.
Я — старый вяз,
что в парке Гюльхане...

Листва — мои глаза.
И взгляд мой удивленный
ста тысячами глаз
любуется тобой.
И листья бьются так —
как будто сердце кроны —
сто тысяч здесь сердец
любуются Стамбулом и тобой.
Я — старый вяз,
что в парке Гюльхане...

Не знаешь ты,
полиция не знает,
никто не знает
там —
в моей стране —
я в облаках,
я весь пропитан морем,
я — старый вяз,
я в парке Гюльхане.

ПИСЬМО ДАВИДУ ОЙСТРАХУ

Были вы в моем Стамбуле.
Там, на концерте,
женщина сидела,
И на вас,
на вас она смотрела
в том далеком
и родном Стамбуле.

Глазами,
как зеленых два листа,
что поднимаются к дождю.

И пишет эта женщина в письме:
“Я, слушая, забыла обо всем”.
А, кроме горя,
забывать
ей не о чем,
да, не о чем,
когда в концертном зале,
в полутьме

глаза сияли,
как зеленых два листа,
что поднялись к дождю.

Еще писала женщина о том,
что плакала:

“Мне было хорошо,
была спокойна я,
осознавая,
что мир прекрасен!..”
Вы —
единственный человек,
к которому
ее
ревную,
мастер!

ИВАН ЧУМАК
(Украина)

В ЧАЯНЕ¹, ПОД КАРАТАУ

Калмухану Исабаеву

Что ж, любуйтесь Кавказом,
 устремляйтесь вы в Крым,
Восхищайтесь и пальмой,
 и сенью чинары...
Но я под Чимкентом
 недавно открыл
Самобытную сущность
 степного Чаяна.
Темный прочерк реки
 на суглинном холсте,
Карагач, словно воин,
 очерчен,
И над скромным сияньем
 подбеленных стен —
Замечтавшийся купол мечети.
Здесь раздолье ветрам,
 здесь упрям сухостей,
Но стихия бессильна в размахе
Перед взглядом казашки
 из-под свода бровей,
Перед сердцем открытым казаха.

¹ Райцентр в Чимкентской области.

Да прибует Чаяну
 женихов и невест,
Чтобы жизнь молодеда,
 а не век коротала...
Я запомню Чаян средь изведанных мест,
Как родимое место
 на щеке Каратау...

АНАТОЛИЙ ЛЕОНТЬЕВ
(Россия, Удмуртия)

ЧИБИС

Чибис кружит надо мною,
Голос жалобный его
То встает над головою,
То у сердца моего.

С каждым шагом,
С каждым шагом
Глуше, глуше сердца стук.
С каждым взмахом,
С каждым взмахом
Все печальней птицы круг.

Из-под кочки на болоте,
Словно яркое кольцо,
У вороны при полете
В клюве чибиса яйцо.

И в звезду ли воплотила
Крыльями вороны ночь
Чибиса яйцо, чья сила
Сны мои уносит прочь?..

ЮККА МАЛЛИНЕН
(Финляндия)

ЗВЕЗДА-КОЧЕВНИЦА

Бахытжану Канапьянову

Наша с тобою звезда кочевая,
Звезда кочевая
Нам жить помогает
Среди озер,
Серых валунов,
Сосновых сопок.

Наше пристанище
В Херттониemi,
И — с нами звезда кочевая,
И след ее на земле —
Костер на скале.
Давай разольем по пиалам,
Мой брат по звезде кочевой,
Водку “Финляндия”
И — выпьем с тобой после бани,
Мечтая о юрте в белой ночи
После звезды кочевой.
Утром продолжим свой путь
В Муккулу или в Нью-Йорк,
Или в далекий аул,
Что на границе с Китаем.

Звезда кочевая
Странствует в наших душах
Мятежных
И жить продолжает
В наших глазах...
Дикий тюльпан
Вспыхнул в степи
От звезды кочевой,
Звезды кочевой.

ПОЛЬ ВАЛЕРИ
(Франция)

УТРАЧЕННОЕ ВИНО

Как будто жертвуя небытию под небом,
Плеснул я в океан из амфоры вина.
Невольный взмах руки, что разуму неведом,
Почти не отразив, втянула глубина.

Быть может, магия чернеющего дна,
Хмельную кровь перемешав с небесным хлебом,
Повелевает мной, и там, быть может, следом
Над волнами встает души моей волна.

Мгновение — и всплеск, и розовая дымка,
На гребне волн мелькнув, ныряет невидимкой
В привычную прозрачность пробужденных вод.

И боги там, на дне, скрестив морские узы,
Стада вечерних туч выводят в небосвод —
Забили волны шторма в колокол медузы.

МИРОСЛАВ ГОЛУБ
(Чехия)

НЕДОЛГОЕ ОТРАЖЕНИЕ НА ЗАБОРЕ

Забор не начинается нигде,
Конца нет нигде, и он отделяет место,
Где это, от места, где этого нет.

К сожалению, однако, каждый забор —
Относительно непроницаемый,
Некоторый для маленьких,
Другой — для больших вещей,
Поэтому забор фактически
Не отделяет, но указывает
То, что кое-что должно быть отделено.
И нарушителям этого
Завещано преследование судом.

В этом смысле забор
Может очень хорошо быть заменен
Сердитым словом
Или иногда даже добрым словом,
Но это, как правило, не каждому дано.
В этом — смысл, и в этом смысле поэтому
Несомненно, что совершенный забор
Является тем,
Что отделяет ничто ни от чего,
Место, где не имеется ничего,
От места, где не имеется также ничего.
Это — абсолютный забор,
Что подобен слову поэта.

ВАСИЛИЙ ЭНДИП
(Россия, Чувашия)

* * *

Крылья-строчки сложив, стих мой, лети стрижом.
Будь мудрым и простым, как жизнь, что под крылом.

Отладил две струны — извлек маэстро звуки,
Двустишье гончара — две в глине его руки.

Виток строки вобрал — земное, неземное.
И образ мира слит — в дыханье, в ритме, в строе.

Здесь радость, горе там — добра и зла зачатки,
Кирпичики дня, ночи — чередованье кладки

Во взгляде моих глаз соединятся снова:
Все зримое — во мне, и все вместилось в слово.

И две мои ладони — две линии судьбы,
Сошлись и превратились в знак мира и любви.

Две борозды в жнивье — мне их не обогнуть.
Не продолженье ль их Путь птичий — Млечный путь?

Строка влечет строку — в них русло бытия,
Их вновь мостом судьбы соединяю я.

СИЛЬВА МИРЕН
(Швеция)

СЛУЧАЙНЫЕ ВСТРЕЧИ В ТУНИСЕ

Влажный песок Туниса
Ласкает мои обнаженные ноги.
Солнце ласкает своими лучами
Мне душу сквозь благодатную кожу.
Ветер, лаская мне волосы,
Поет о грядущем сирокко,
Жизнь моя двигалась в ритме моих шагов.
Опыт и характер прошлого,
Пронизанные глубиной души,
Остались там, позади
Ритма моих шагов.

Тогда ты пришел ко мне,
Ты был молод и красив,
Как один из сыновей земли.
Ты в лохмотья был одет
И нес драгоценности
В корзине,
Остановился и не спросил,
Хочу ли я их купить,
Ты сказал то, что я не смогла понять,
Ты улыбнулся и дал мне
Горсть серебряных драгоценностей
С руки божественной Фатимы.

БЫТЬ РЕБЕНКОМ

Это могло быть настолько
необыкновенным,
Если я была достаточно сильной —
Быть матерью все время —
Полная преданность, покладистость,
Самоотверженность.
Только тогда бы могла выполнять
Все то, что ты ожидал от меня,
Но, к счастью, или, увы, не к нему, —
Хотела быть вечным ребенком,
Твоим ребенком.

ПИТЕР ХОРН КЛАПШТАДТ
(Южная Африка)

ЖЕЛТЫЙ ПРИВКУС ПУСТЫНИ

Вкус пустыни, желтый на моем языке,
И горечь подобна травам в узком ущелье,
Где вода выжидает под камнями
Следующий дождь через пять лет,
И где рыба задыхается,
Которая была рождена в горных потоках,
Но лягушки играют на своих бесконечных пан-флейтах,
Как только луна возвышается над черными горами.

И тогда – ночь: темный, синий океан,
Наполненный звуками перемещения песков.
Сверчки щебечут на поверхности мелодию,
Подобно горячему дыханию, песня обращается к пеплу,
Вибрирующему между белыми зубами
Череп газели, вздох ветра.

Здесь все дороги не ведут в никуда, ни к кому.
Они заканчиваются в песчаном бросе беззвучных следов,
В водовороте высушенных мечтаний.

Где-нибудь под Южным Крестом
Вы лежите на спине и слышите
Крик совы пустыни о ее одиночестве –
От края и до края каньона.

МАКОТО ООКА
(Япония)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, моя любимая —
Беспризорный ребенок
В прекрасном укромном уголке Вселенной.
Спи, моя любимая,
Поручи свою жизнь мириадам звезд.
Твои дышащие губы слабо дрожат,
Заикаясь, разъясняют спящие слова счастья,
Которые я никогда не услышу,
Которые ты никогда не узнаешь.
Спи, моя любимая —
Беспризорный ребенок
В прекрасном укромном уголке вселенной
Моего сердца.
Спи, моя любимая,
Спи...

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание включены оригинальные стихи поэта за десятилетний период творчества (1974–1984 гг.), а также переводы некоторых вариантов казахского фольклора, стихов и поэм казахских и зарубежных поэтов.

Переводы стихов зарубежных поэтов осуществлены с русских и английских подстрочных текстов. С некоторыми поэтами, стихи которых включены в данную книгу, переводчика и поэта Бахытжана Канапьянова связывают давняя дружба и творческие контакты, родившиеся на различных поэтических форумах и международных литературных встречах в странах Европы, Азии и Америки.

* * *

С. 214–217. Из эпоса “Кобланды батыр”, “Ер Таргын”, “Камбар батыр”. Фрагменты из героического и лиро-эпического фольклора казахского народа.

С. 218. Беташар. Беташар (дословно “открыть лицо”) – жанр обрядовой поэзии. Исполнялся при знакомстве невесты с соплеменниками, близкими родственниками жениха. Текст беташара постоянно изменялся. Это зависело от находчивости, поэтического дара каждого, кто открывал лицо невесты. У казахов есть пословица “Кто лицо невесте открывал, тот дороже для нее бывал”. Предлагаемый читателям “Беташар” был опубликован в 1905 году в “Тургайской газете”, набранной арабским шрифтом, и относится к наиболее древним образцам. В публикации есть ремарка: “Материалы для газеты дал некий С. Айымкулов”.

С. 219. Дух-бадик. Один из видов заклинания-камлания.

С. 220. Абыл Отембетулы. Акын и жырау. Родом из Атырау. Оригинал стихотворения взят из книги К. Сыдикова “Акберен” (Алма-Ата: Жазушы, 1972).

С. 221. Махамбет Утемисов. Великий казахский поэт. Рыцарь и аристократ Степи. В 2003 году под эгидой ЮНЕСКО прошли юбилейные мероприятия, посвященные 200-летию со дня рождения классика казахской поэзии.

С. 226. Сегиз-Серэ (Мухаммед-Канафия) Байрамулы Шакшаков. Известный поэт XIX века. Уроженец Северного Казахстана. Окончил военное училище в г. Омске, однако отказался от военной карьеры и всецело посвятил себя поэзии.

С. 228. Нурым Шыршыгулулы. Известный жырау своего времени. Родом из Западного Казахстана.

С. 230. Кашаган Куржыманулы. Известный акын и жырау из Западного Казахстана. Оригинал стихотворения взят из книги К. Сыдикова “Акберен”.

С. 232. Досжан Кожбанулы. Известный акын и жырау из Западного Казахстана.

С. 234. Абай (Ибрагим) Кунанбаев. Великий казахский поэт и просветитель, философ, композитор, реформатор стихосложения. Основоположник абаевской школы поэтов. Переводчик стихов А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Бунина и других представителей классической русской и зарубежной поэзии. В основу переводов для данного издания взяты фрагменты из его знаменитого произведения “Гаклия”.

С. 238. Шакарим Кудайбердыев. Великий казахский поэт, композитор. Ученик Абая. Прекрасно владел турецким, арабским, персидским и русским языками. Переводчик стихов А. С. Пушкина. Погиб в годы коллективизации. Длительное время его стихи были под запретом.

С. 257. Оскенбай Калманбетулы. Акын конца XIX – начала XX века.

С. 259. Омир Кошекбайулы. Акын конца XIX – начала XX века.

С. 261. Из айтыса Биржана и Сары. Айтыс известного акына Биржана Кожагулулы и поэтессы Сары является одной из вершин поэтического состязательского мастерства.

С. 262. Нурпеис Байганин. Народный акын из Западного Казахстана. Автор ряда поэм и сказаний.

С. 263. Айтыс-загадка. Разновидность поэтического состязания, при котором акыны-импровизаторы соревнуются в смекалке и остроумии.

С. 265. Ахмет Байтурсынов. Великий казахский ученый, писатель, поэт, просветитель. Лидер партии “Алаш-Орда”. Репрессирован и расстрелян в 1938 году.

С. 266. Магжан Жумабаев. Великий казахский поэт. Мастер лирики. Репрессирован, был в заключении на Соловках. Освобожден по ходатайству А. М. Горького и Е. Пешковой в 1936 году. В 1938 году вновь подвергся аресту и расстрелян.

С. 275. Сакен Сейфуллин. Видный казахский поэт и государственный деятель. Был репрессирован и расстрелян в 1938 году.

С. 276. Сабит Муканов. Видный казахский поэт и писатель. Академик.

С. 277. Изим Искандеров. Известный уйгурский поэт и писатель. Жил в Казахстане.

С. 280. Токаш Бердияров. Известный казахский поэт и прозаик.

С. 294. Ескен Елубаев. Известный казахский детский поэт.

С. 308–318. Миниатюры о животных. Казахские народные сказки, в которых прослеживаются элементы поэтики, смекалки и юмора.

С. 320. Адам Айткен (Австралия). Родился в Лондоне в 1960 году. Первая книга имела большой успех. Получил два литературных гранта. Автор критических статей. Мастер прикладной лингвистики и доктор технологического искусства в Сиднейском технологическом университете.

С. 322. Грация Сарухан. Армянский поэт. Учился в Москве на Высших литературных курсах в 1981–1983 годах. Автор нескольких поэтических сборников.

С. 325. Аминур Рахман. Поэт из Бангладеш. Живет в Дакке. Автор ряда поэтических книг.

С. 327. Иван Аробейко. Белорусский поэт. Живет в Бресте. Окончил Высшие литературные курсы в Москве в 1983 году. Автор нескольких поэтических сборников.

С. 330. Хьюго Клаус. Родился в 1929 году. Поэт и прозаик. Живет в Бельгии.

С. 332. Сарини Хай, настоящее имя Даянг Хаджах Сарини Хаджи Исхак (Бруней). Автор рассказов, поэм, драматург, эссеист. Произведения опубликованы в нескольких журналах, газетах. Обладатель первых призов поэтических чтений.

С. 333. Нгуйен Ван Трак (Вьетнам). Родился в 1946 году в Ханое. Автор поэм, статей, эссе, литературной критики. Работал редактором Поэтического обозрения. Автор шести книг.

С. 334. Нгуен Куанг Тиеу (Вьетнам). Родился в 1957 году в провинции Хатай. Закончил Кубинский университет в Гаване.

С. 336. Ханс Магнус Энзенсбергер. Родился в 1929 году. Послевоенной свободой от идей коммунизма пронизаны его поэзия и критика. Популярный европейский поэт, эссеист, политик. Живет в Германии.

С. 337. Важа Долбая. Грузинский поэт. Учился на Высших литературных курсах в Москве в 1981–1983 годах. Автор ряда поэтических книг.

С. 340. Евгений Бартая. Грузинский поэт. Живет в Тбилиси. Автор ряда книг стихов и прозы.

С. 341. Цихил Камалов. Поэт и драматург из Дагестана. Пишет на лакском языке. Автор нескольких поэтических книг. Его пьесы ставились в театрах Дагестана.

С. 342. Иегуда Амичай. Родился в Германии в 1924 году. Первый сборник его поэзии вышел в 1965 году. Его поэзия популярна в Израиле, где он сейчас проживает. Его стихи переведены на языки многих народов.

С. 344. Мохаммад Реза Мохаммади Никоо (Иран). Родился в 1961 году в Тегеране. Поэт, в 1991 году признан в Британской Академии по персидской литературе. Работал на Иранском радио и телевидении. Автор нескольких документальных фильмов о культуре Центральной Азии.

С. 346. Мухаммад Реза Абдолмалекиан (Иран). Родился в Нахаванде в 1952 году. Вышло в свет несколько его поэтических сборников. Один из выдающихся и знаменитых иранских поэтов. Член руководства Правления Иранской поэтической ассоциации и Верховного совета Иранского художественного форума.

С. 347. Фатин Хамама Риджал Сиам (Индонезия). Родилась в 1967 году в Пэданг Пэнджанг. Принимала участие в нескольких поэтических конгрессах. Активный участник театральных постановок. Работает на телевидении. Ее произведения опубликованы в нескольких антологиях поэзии.

С. 348. Вона Гроарк (Ирландия). Родилась в Ирландии в 1964 году. Первый сборник “Глина” (1994) получил премию Памяти Брендана Бехана. Вона Гроарк печатается в американском журнале

“Поэзия”, ее поэмы звучат на Ирландском и Британском радио. Обладательница ряда Международных литературных призов.

С. 349. Эдуардо Сангвинетти. Итальянский поэт. Родился в 1930 году. Имеет научные труды по изучению творчества Данте. Его поэзия и проза высокоинтеллектуальны.

С. 350. Паулетта Бланшетт-Дьюб (Канада). Родилась в 1963 году. Бакалавр Английского и Французского университетов литературы. Обладатель призов и наград более десяти поэтических форумов. Ее произведения опубликованы в различных литературных журналах. Член Союза писателей Альберты, Лиги канадских поэтов, Поэтического союза Канады.

С. 352. Сунг Чан-Кьонг (Корея). Родился в 1930 году. Окончил Сеульский национальный университет. Как поэт дебютировал в 1956 году. Член Международной писательской программы. Автор нескольких книг, обладатель литературных наград Гуманитарной академии.

С. 353. Омор Султанов. Поэт из Кыргызстана. Живет в Бишкеке. Автор многих поэтических книг.

С. 355. Янис Юрканс. Латышский поэт и драматург. Живет в Риге. Учился на Высших литературных курсах в Москве в 1981–1983 годах.

С. 360. Абдул Джафар Ибрагим (Малайзия). Родился в 1943 году в Кампунг Сезапан Миманкабау. Художник, поэт, чтец поэзии, драматург. Пишет с 1958 года. Обладатель нескольких поэтических наград и медалей. Его произведения переведены на несколько языков.

С. 365. Бахаруддин Зайнал (Малайзия). Родился в 1932 году в Бату. Автор статей, эссе, поэм и критических статей. Выпустил четыре книги.

С. 366. Ахмад Камал Абдулла (Малайзия). Известен под псевдонимом Кемала. Современный малайзийский поэт. Родился в Гомбаке в 1941 году. Редактор первого поэтического журнала “Периса”, сыграл важную роль в организации в Куала-Лумпуре Всемирных поэтических чтений. Удостоен нескольких литературных наград. Его поэзия переведена во многих странах.

С. 367. Ли Кеок Чи (Малайзия). Родился в 1962 году в Селисинге. Пишет на малайском, английском и мандаринском языках. Его работы выходят в литературных колонках многих

ежедневных газет. Автор коротких историй, новелл и статей. Обладатель многих литературных наград.

С. 369. Эмиль Лотяну (1936–2003). Поэт, драматург, кинорежиссер. Автор поэтических книг, вышедших в Молдавии, Румынии, России и в Казахстане. Режиссер-постановщик всемирно известных кинофильмов “Лаутары”, “Табор уходит в небо”, “Мой ласковый и нежный зверь” и др. Лауреат ряда международных премий. Народный артист России.

С. 371. Дунгутуйн Цоодол. Монгольский поэт и прозаик. Окончил Высшие литературные курсы в Москве в 1983 году. Автор многих поэтических книг.

С. 372. Туласи Диваса (Непал). Родился в Чанкуте (Непал) в 1942 году. Автор нескольких книг о непальской культуре, фольклоре, литературе. Его произведения переведены на многие языки мира. Участник поэтических конференций в Европе, Америке и Азии. Обладатель многих призов и наград Международных литературных фестивалей.

С. 376. Воле Шойинка, настоящее имя Акинванде Олуволе Шойинка. Нигерийский поэт. Родился в 1934 году. В настоящее время он известный поэт и драматург. В 1986 году стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

С. 378. Джудит Херзберг. Родилась в 1934 году. Стала известна как поэт в 1960 году. Драматург, сценарист. Живет в Голландии.

С. 380. Вивьен Пламб (Новая Зеландия). Родилась в Сиднее (Австралия). Занимала пост президента и вице-президента Новозеландского поэтического общества. Автор нескольких книг. Произведения Вивьен Пламб опубликованы во многих журналах и антологиях поэзии.

С. 381. Салим Саид Алараими. Известный поэт из Султаната Оман. Автор нескольких поэтических книг. Участник Всемирных поэтических чтений в Куала-Лумпуре в 2002 году.

С. 384. Бадия Кашгари (Саудовская Аравия). Родилась в Таифе. Бакалавр гуманитарных наук английской литературы. Принимала участие в различных поэтических симпозиумах, семинарах и чтениях. Ее произведения переведены во многих европейских и азиатских странах. Член Женского литературного клуба.

С. 387. Исток Осойник (Словения). Родился в 1951 году в Любляне. Поэт, писатель-фантаст, эссеист, переводчик.

Опубликовал пятнадцать поэтических книг и три книги новелл. Переведен на многие языки.

С. 389. Марк Шинней. Американский поэт. Учитель по образованию. Долгие годы работал преподавателем колледжа в Веймуте вблизи Бостона. Не раз бывал в России и в Казахстане. Умер в 2000 году. Завещал развеять свой прах над Атлантикой.

С. 390. Петер Оресик. Живет в Питсбурге. Американский поэт и издатель. Автор ряда поэтических книг, составитель многих поэтических антологий, вышедших в США. Не раз бывал в России и в Казахстане.

С. 400. Назым Хикмет. Классик турецкой поэзии. Долгие годы жил в Москве. Автор многих поэтических книг и пьес, которые ставили театры СССР. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

С. 404. Иван Чумак. Украинский поэт. Живет в Киеве. Автор многих поэтических книг. Не раз бывал в Казахстане.

С. 406. Анатолий Леонтьев. Удмуртский поэт. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в п. Можга Удмуртской Республики Российской Федерации.

С. 407. Юкка Маллинен. Поэт, эссеист, публицист. Живет в Хельсинки. Автор поэтических книг, вышедших в Финляндии, в России и в Казахстане.

С. 409. Поль Валери. Выдающийся французский поэт.

С. 410. Мирослав Голуб. Известный чешский поэт. Родился в 1923 году. В своих произведениях он изучает связи между наукой и культурой. Автор нескольких книг.

С. 411. Василий Эндип. Известный поэт. Живет в Чебоксарах. Учился в Москве на Высших литературных курсах в 1981–1983 годах. Автор многих книг стихов и прозы.

С. 412. Сильва Мирен. Шведская поэтесса. Живет в Гетеборге. Автор нескольких поэтических книг. В 1988 году впервые посетила Казахстан по линии Союза писателей СССР. Была в Алматы и в Чимкенте.

С. 414. Питер Хорн Клапшгадт (Южная Африка). Преподает германскую литературу и теорию литературы в университете Кейптауна. Член Конгресса южноафриканских писателей. Автор нескольких книг. Его произведения публикуются во многих мировых литературных журналах, переведены на языки мира.

С. 415. Маркото Оока. Японский поэт. Родился в 1931 году. По образованию адвокат. Считается классиком современной японской поэзии.

ПОЭТ (Бахытжан Канапьянов)

Имя Бахытжана Канапьянова, опубликовавшего около двадцати стихотворных книг от первого сборника «Ночная прохлада» до капитального тома «Над уровнем жизни», автора критических и публицистических статей, немало-го числа фильмов, в особом представлении не нуждается. Московский критик В. Максимов написал о поэте исследование «Свет кочевой звезды», казахстанский литературовед В. Бадиков опубликовал книгу «Линия судьбы. Творчество Б. Канапьянова в историко-литературном контексте эпохи», журналист и писатель Людмила Мананникова посвятила ему книгу «Стихи под взглядом неба», Национальная библиотека Республики Казахстан выпустила собрание литературных материалов «На стыке веков», полностью посвященное Б. Канапьянову.

Что же помогло поэту сформироваться, как сложилась его поэзия, бегущая броскости и эпатажности, чем, кажется, переболели все «входящие» в пространство, где вечными, таинственно мерцающими и манящими Вселенными присутствуют Пушкин и Блок, Валери и Магжан, как разрывалась, казалось бы, неизбежная, непреодолимая зависимость от предшественников и современников? Слава Богу, что тем, кому это все интересно, нет смысла отправляться в слишком долгое и дальнейшее путешествие: ответ мы найдем в книгах Бахытжана Канапьянова.

Противовесом, гасившим острые уколы, опасные изгибы эпохи, сплошь состоящей из невиданных перемен, сотрясаемой «неслыханными мятежами», раз и навсегда стала семья. Основатель «династии» – учитель по профессии и призванию, отец поэта Мусахан Канапьянов, к сожалению, рано ушел из жизни. Однако отцовский авторитет – житейский, нравственный, педагогический – коррозии не подвергся: один сын – поэт и кинематографист, другой – успешен в бизнесе и сочиняет музыку, третий – известный экономист и пишет стихи, а также статьи о Лермонтове и Чехове – любимых классиках отца. Есть еще три сестры... Все дети Мусахана Канапьянова не лишены деловой и творческой жилки.

Свыше десяти лет пребывает Бахытжан Канапьянов во главе издательского дома «Жибек жолы», и непростые обстоятельства, финансовые, производственные и прочие, не помешали осуществить немало оригинальных инициатив: поэтические календари, посвященные Абаю, Ауэзову, Пушкину, «Поэтическая библиотечка» издательского дома, серия книг современных писателей Казахстана, почти полное стихотворное собрание репрессированного Магжана Жумабаева на русском языке...

I

Если попытаться отыскать преобладающую черту личности, а она более всего отразилась в стихах Канапьянова, то это романтическое мироощущение, причем напрочь лишенное самолюбования, мрачной рефлексии, всего того нарочито-гибельного, кокетливо-козырного, чем любили некогда потрясать почтительно внимающую публику мечтательные маргиналы. Шли годы, они складывались в десятилетия, бушевали страшные бури, нынче напрочь отгремевшие, а к стихотворным строкам, написанным недавним металлургом, впоследствии выпускником Высших литературных курсов,

прибавлялись все новые и новые, и они вовсе не противоречили ранее написанному, и не устарели.

Если посмотреть по времени (дебютный сборник «Ночная прохлада» – 1977 г.), то увидим, что более 25 лет в современной поэзии существуют стихи Бахытжана Канапьянова. Каждая книга имеет свои особенности. Например, «Горная окраина» (1995 г.): поэтические строки здесь соседствуют с наскальными рисунками Сары-Арки и Мангышлака; они на правах «параллельного текста» вошли в книгу стихотворений. Шедевры безвестных мастеров далекого, даже очень далекого прошлого, казалось, призывали и подталкивали нашего современника к изящной стилизации, к тяжеловесным или, наоборот, ажурным попыткам искусно выстроенного лирического комментария. Б. Канапьянов соблазнительному искушению не поддался, а сохранил в своих стихах именно ему присущую интонацию, не позволив естественному восхищению перед древним искусством перейти в эмоциональный форсаж, в нагнетание страстей по поводу... Так что в стихах – все свое, а примитивные и прекрасные петроглифы – просто-напросто один из главных источников духовного мира автора.

Потому в стихах чашку кофе протягивает женщина с рембрандтовского полотна, автор ждет помилования от героини Рубенса, а запечатлеть на грубом холсте старинную ветряную мельницу, столь характерную для голландского ландшафта, ему помогает доверие Питера Брейгеля, передавшего поэту секреты живописного мастерства.

Однако эта открытость поэта самым возвышенным впечатлениям действительности, цепкая пристальность взора, обращенного к приметам, скажем так, замеченным натурами художественными, тонкими и чуткими, ничуть не мешает присутствовать в строчках деталям совершенно земным, таким, которые, как верно заметил Юрий Олеша, вызывают у нас вкус к жизни. «Мы начинаем чувствовать, что наша

жизнь мила нам, что это хорошо»: тихо сидеть в углу кофейни, смотреть, проходя по берегу Патриарших прудов, как свет вечернего солнца отражается в оконных стеклах, закуривать отсыревшую сигарету над туманным оврагом и называть про себя мелькнувшую поодаль цыганку в цветастых одеждах своей «бездомной музой».

Было бы странно, если бы в книге стихов поэта, прошедшего школу Л. Озерова и А. Межирова, не было обязательных, никогда не теряющих свежести и никогда не приедающихся образов тайны, свечи, звезды, дороги, снега, часов, песни, осени...

Все эти краеугольные камни русского поэтического словаря от Державина до Мандельштама, от Кантемира до Тарковского обеспечила подлинностью чистота души автора, потому что читателя нигде не царапнет воспоминание о той или иной чужой строке.

Простота поэтического почерка автора не то чтобы обманчива. Вот только не сразу замечаешь, что в «Горной окраине», например, сильно философское течение:

Цена человеческой жизни
По сути нам вроде ясна.
Но кто подсчитает на тризне,
Какая нам вышла цена?

Этот философский настрой, помимо зоркости собственно поэтического взгляда, вызвал к жизни такие строчки, которые многосмысленны, и задумываешься над ними: «Встает державный шпиль бетонной телебашни», «Не знаю, что, но вновь роднит нас – пасынков былой империи», «Блаженная пыль ворожбы»...

Автору стихотворения «Позабытый мой с детства язык...» лет пятнадцать назад дорого обошлась эта мировоззренческая неуспокоенность, но, слава Богу, времена наступили иные, и

нынешний читатель имеет возможность самостоятельно поразмышлять над тем, что тревожило, да, наверное, и по сей день тревожит поэта:

Позабытый мой с детства язык,
Пресловутое двуязычие,
При котором теряю свой лик
И приобретаю двуличие.

Навряд ли читатель согласится с тем, что лирический герой Бахытжана Канапьянова – «пришелец из тяжкого плена», что далекий предок воспринял бы его «недостойной сменой», но то, что автором затронута одна из болевых точек духовной современности, – несомненно.

В одной из статей Лев Озеров приводит слова французского критика Пикона: «Чем тяжелее времена бедствий, тем необходимее прибегать к поэзии». И разъясняет, что поэзия возмещает человеку «недостаточность самой истории» да и саму ограниченность человеческого бытия.

К тому корпусу эпитетов, метафор, ритмов и стихотворных сюжетов, что существовали раньше, автор без какого бы то ни было насилия над своим дарованием присоединяет свои строки. Поэтому читатель найдет в книгах Канапьянова «Владычицу былых племен» и «Когда солнце начнет скрываться за гору...», дневниковые «Я – кочевник с авиабилетом...» и «Себя я чувствую частицей Амстердама...», милую картинку отечественного пейзажа: бело-дымный костер в осенней долине; беркут, поднимаясь ввысь, пронзает тяжелыми крыльями низкое облако.

Если читатель найдет небольшую книгу «Горная окраина», то скорее всего поставит ее на полку – по крайней мере, так поступил Андрей Вознесенский, написавший предисловие к американской книге Канапьянова. Мы тоже поставили ее на полку и время от времени перечитываем:

Горная окраина,
Террасы и дворы,
И некая есть тайна,
Что люди в них добры.
И, словно из грядущего,
Луна из-за хребта
Желает доброй участи
Сейчас и навсегда.

Романтический взгляд на действительность ничему и никому не удалось замутить. Дома в незнакомом городе, небесная смуглянка-луна, мелкая весенняя зелень аборигена пустыни – шершавоствольного саксаула, плотное крепкое тело короля «горной окраины» – апорта, наконец, одухотворенное лицо милой незнакомки, не встреча, которая заставляет ночами просиживать над независимым белым бумажным листом, – все это найдем в стихах Б. Канапьянова.

Для читателя, намеревающегося не просто перелистать книги поэта, а понять сокровенные глубины его мировосприятия, полезно порою присмотреться к первым строчкам стихов. В них открывается многое: «Владею тайной я, она в глазах подростка», «Когда я заплакал однажды во сне...», «В далеком доме плачет мать моя...», «Веселая мысль витала...», «На свои только силы надеюсь...» И, последовав совету одного из учителей Б. Канапьянова – Евгения Винокурова, задержим внимание на понравившейся и чем-то зацепившей строчке, посмотрим «Содержание» и уже сможем составить первоначальное представление о главных ценностях бытия, что дороги автору. Представление о жизни вообще и об отношении к ней поэта. Самое замечательное, что об отношении именно к собственной жизни самого поэта. Жизнь эта, к счастью, не завершена и привлекательна как раз своей незаконченностью, живой неприбранностью, мятежным уютom «поэтического беспорядка».

Поэт с предельной добротой и незащищенностью вручает читателю ключ – лирический и метафорический. Бога ради, продолжай – бодрствуй в бессоннице томительно-магнетического блюза, бреди новонайденной тропинкой, освобожденной теплым мартовским ветерком от долгого снега, к домику молодой брюнетки, чтобы дыхание страсти «сбило пламя огонька...» И как не восторгаться лукавой эротически-целомудренной усмешкой бесшабашного странника, «праздного гуляки» в «Песенке ваганта», откуда и взята «пламенная» строка:

В темноте дойти до цели
Опыт странствий мне помог.
Нам небесные качели
Ниспослал с улыбкой Бог.

Бахытжан Канапьянов – достойный наследник поэзии предшественников и современников. Живые следы великой культуры, отважно принятой в собственные строки, постоянно и просветленно обозначают себя в его стихах. То пригрезится Артур Рембо («Не пьяным кораблем поэта...»), то вспомнится лермонтовское «Из пламя и света рожденное слово»:

И жаждет вымысла бумага,
Как древко жаждет пламя стяга, –

то в качестве жизненного девиза Б. Канапьянов приводит афористический завет Шакарима:

Будь, как облако, что дарит
Легкую в дороге тень,
Исчезая там, за далью,
Если на исходе день...

Он неспроста в качестве звездно-знаковых опор своего мировоззрения рифмует «словарь» и «календарь», пространство и время разумного, наделенного божественным словом бытия. «Ландшафты» – последняя по времени книга стихотворений Б. Канапьянова, из которой мы взяли многие строчки. Это очень цельная, архитектурно точно построенная книга лирики. И если вышесказанного недостаточно, чтобы убедиться в справедливости этих слов, то прочтем напоследок последние три строки из упоминавшейся «Песенки ваганта»:

...Напишу одну из книг.
Вспыхнет в памяти молитва,
Что когда-то пел старик.

На последней странице сборника мы найдем эту незабываемую молитву – у поэтов хорошая память на все хорошее:

Храни Всевышний вас во имя новой встречи,
Храни Всевышний и в грядущие все дни...

Кропотливый исследователь, вооружившись томами Л. Тимофеева и М. Гаспарова, без сомнения, постаравшись, найдет в стихах технические слабости и изъяны, но в «тихой лирике», как ни странно, отточенность, чрезмерная приглаженность строки, алгебраическая выверенность образов иной раз мешает осуществиться прямому, непосредственному общению с читательским сердцем.

Кстати, как не заметить, что в русском стихе Б. Канапьянова – казахский язык поэт знает: казахский эпос, Магжан, Шакарим, Махамбет переведены с оригинала – четко проступает традиционная интонация, можно сказать, кольцовская, даром, что стихи воронежского прасола всем знакомы, как

правило, всего-навсего по трем-четырем хрестоматийным вещам:

Перелесок за аулом.
Прячется в траве ручей.
Проезжаю на кауром
Я среди карагачей.

При всей простоте, крупноформатности поэтического почерка, когда строка не щеголяет нарочитой таинственностью, не оберегает себя от прямого и быстрого понимания, в стихах Канапьянова заметна разносторонность тематического выбора. Меньше всего автор склонен работать «циклами», многократно снимать урожай с одной, хорошо получившейся строчки. Под руку так и просится расхожее слово «хроникальность». Вот только хроникальность, репортажность стихов Канапьянова замешана на лирике, пропущенной, как велели классики, сквозь сердце:

Представил я за сотни верст,
Как в южном городе зеленом
Ты дышишь в трубку телефона,
Чтобы от стужи я не мерз.

Но что такое доброта? «И почему ее обожествляют люди», и первый среди обожествляющих – поэт?

За все есть небесная плата.
Край виден земного пути.
В час первый, что после заката,
Свечою мне, друг, посвети.

Мы и не заметили, как легко, как естественно возросло и окрепло в стихах Б. Канапьянова философское качество: поэт

переходит к несмущенному мнимой скромностью открытому высказыванию, и оно не тяготит нас надуманностью, назидательной наставительностью. Немного лукавства, приправленного то ли горечью от непонимания, то ли мужской грубоватостью вызова: «Я просто пишу стенограмму. И авторство мне ни к чему». И захочешь – не поверишь после знакомства с сотнями стихотворных канапьяновских строчек. Но рапирной остроты выпад еще не закончен, и наш собеседник не преминет все поставить на свои места – вот что он думает сам о себе: «Но путь мой к небесному храму не повторить никому». И здесь сквозь простые слова проступает «великая магия» поэтической цельности. Не всегда отзывчивость поэта оборачивается безошибочным попаданием «в яблочко», и мы, сочувствуя сердечной боли гражданина, душою тянемся к не менее печальным, трагическим, однако же более свободным эмоционально, более эстетически прочным стихам. Не все «пометки на полях» современности необходимо высекать золотом на мраморе, иные лучше делать быстрым легким карандашом: пусть протекающие годы решат, стоит ли передать написанное в арсенал вечности или все-таки дать возможность милосердному ластик у забвения «снять неудачу с пробега».

II

«Мы странно встретились...» – вот такая строчка из старинного романа припомнилась мне, и я вновь вижу Бахытжана Канапьянова на давнем литературном собрании в Москве. Готовилось обсуждение поэтических книжек казахстанских женщин, и мы дружной стайкой бродили по Центральному дому литераторов и дожидались строгого, но справедливого суда москвичей. Собрались столичные критики и поэты, все больше мужчины, среди сочувствующих зрителей я заметила родное лицо. Родное по-

тому, что оно было несомненно степного происхождения. И звали человека, явившего дружелюбие и заинтересованность, Бахытжан Канапьянов.

Не позднее вечера того же дня я имела возможность в полной мере оценить душевную самостоятельность Бахытжана, его беспристрастие, нерастраченную и по сей день любознательность высокого образца. Послушать нас, наши стихи призвали казахскую диаспору в Москве. Оказалось, что наши земляки неплохо представлены во ВГИКе и Литературном институте, консерватории имени Чайковского, разного рода технических вузах, но что-то никому и в голову не пришло прийти в Союз писателей и послушать, что же говорят о нас и нашем творчестве «старшие товарищи».

Тот вечер принес мне много хорошего: Евгений Винокуров предложил принять меня немедленно в Союз писателей. Его слова остались без отклика, и мастера это ничуть не изумило. Просто назавтра в редакции «Нового мира» он написал мне рекомендацию, и это без просьбы вмешательство в мою не очень легкую писательскую судьбу до сего дня светит благословенной звездой. Но и присутствие Бахытжана запомнилось и помогало в последующие годы не меньше, и оказалось, что мы встретились не только странно, но и счастливо. Правда, это стало ясно намного позднее.

С той поры прошло-промелькнуло двадцать пять лет...

Я не пропускала ни одной книги Б. Канапьянова, ни одной его статьи, пристрастно читала переводы. Настороженная обстановка постоянного соперничества, собратья, караулившие момент, чтобы или впрямую грубо тебя оскорбить и отвадить от издательства, или со слащавой улыбкой донести, как дурно отозвались о тебе, о твоих стихах. Подогреваемая малой одаренностью зависть к чуть-чуть преуспевшему товарищу – всего этого не только я нахлебалась в свое время сверх меры. Но вот что примечательно –

контраст – светлой природы Бахытжана вся эта накипь не коснулась даже в малейшей степени. К таким «подвигам» он никогда не имел ни вкуса, ни отношения.

Я стремилась не давать воли негативному чувству к разным нападкам, к клевете и наветам. Оправдывала и объясняла себе, рассматривала неблагоприятные поступки, держась Божьего завета: «Мне отмщение, и Аз воздам». Старалась судить по стихам и прозе людей с богатым воображением, максимальной верой в свою исключительность и порою полным отсутствием совести. Иначе построил свои взаимоотношения с товарищами по ремеслу Бахытжан. Он – человек, бесспорно, не собиравшийся принижать себя ни в своих, ни в чужих глазах, – раз и навсегда решил, что ему интересны все. Со своими достоинствами и недостатками, праведники и неумные честолюбцы, несносные зануды и благородные скромники. Многогрешное собрание друзей и недругов – все оно целиком, без сортировки, принималось Бахытжаном, потому что он понимал: насильственно укладывать кого бы то ни было в прокрустово ложе идеала – занятие бесполезное и безнадежное. Идеал – вещь недостижимая, а исправлять чужой характер совершенно ни к чему. И не исправишь, да и самому нравственный ущерб – навязываться с непрошеной помощью.

Своей терпимостью Б. Канапьянов, конечно, раздражал. Помню, как по поводу книги «Аист над Припятью» – стихи Канапьянова о чернобыльской трагедии напечатали в Киеве – некая литературная дама каждому встречному и поперечному возвещала: «Наш пострел везде поспел». Позаспинно, конечно, возвещала... А нашего героя так мало это все волновало. Фальши и притворства не было в независимом и гордом характере Бахытжана, потому злобные укусы столь мало его заботили. Он уже всем ответил своими стихотворениями:

Каких же мы яблоч съели,
В какой же зашли тупик?

Я нашла много неподдельных, с глубокой философией в подтексте, строк в книге о чернобыльской трагедии.

Про наших маргинальных зоилов еще наш поэтический прародитель Александр Сергеевич проницательно заметил, и попробуйте им сказанное опровергнуть:

Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен...

Вот именно!.. Как видно, и Пушкину досаждали...

Крупность души, скорее всего, можно объяснить еще и тем, что чистый лирик по миропониманию, Бахытжан корневой системой сознания чувствовал казахский эпос. Мне также очень близки эпические сказания казахов, вообще тюркского мира, я читала прозаические и стихотворные переводы, и как раз переведенная Канапьяновым поэма «Кыз Жибек» заставила ревностно мечтать о том, чтобы переложить русскими стихами «Козы Корпеш и Баян Сулу». Читала я русскую версию весьма пристрастно и понимала, что есть в ней достоинства, невозможные в работе «варягов», нанятых со стороны.

Недавно случайно, будто прочла чужое незапечатанное письмо, довелось прикоснуться к тому, как автор готовил перевод «Кыз Жибек» к переизданию. Оно вот-вот увидит свет. Исправления, замены, нелегкий поиск нужного слова здесь же на странице, вереницы синонимов, россыпь эпитетов, новые, только что сочиненные строчки – какая добросовестность, вгоняющая в пот наборщиков, какая смелость нужны, чтобы решительно погрузиться в поток, отбушевавший много лет назад, чтобы воскресить свежесть и чистоту поэтического создания.

III

Бесстрашие перед листом белой бумаги – завидная доблесть, оно не покидало Бахытжана. Потому-то в его духовном арсенале столь важен приобретенный с годами жизненный опыт, накопленная из книг и путешествий образованность. Как важно и сохранение молодой непосредственности. Нельзя не заметить, что здравый смысл – опорный камень степного менталитета – в высшей степени присутствует в поведении Бахытжана, что, разумеется, ничуть не мешает ему увлекаться и мечтать.

Для меня до сих пор загадка, как Бахытжан решился «построить» издательский дом «Жибек жолы». Безденежные друзья-товарищи, – а недруги, как только приказала долго жить прежняя издательская система, мгновенно превратились в таковых – конечно, контингент хлопотный и малоблагодарный. Но поскольку президент издательского дома объявил Алма-Ату столицей поэзии, а кроме того, принял решение – непременно выпустить в порядке безвозмездной помощи по книжке каждого своего литературного знакомца, об отступлении от благородного замысла пришлось забыть.

Началось с календаря, в котором оказались представлены почти все русские поэты Казахстана. Канапьянов возвратил многим и многим мироощущение поэта, выдал каждому кредит доверия, а дальше «вольному – воля, спасенному – рай». Как этим кредитом кто распорядился, на то собственный выбор того, кто по доброму почину Бахытжана в этот календарь попал. Так наметилась единственность, неповторимость Канапьянова. Он смог заменить собою, своим издательским домом пришедший в упадок Союз писателей вместе со всеми впавшими на целое десятилетие в бездействие издательствами.

И только слепец может не заметить, что это и есть грамотная культурная политика. Один человек переборол «глухую пору» интеллектуального безвременья, нравственного разброда. Для того чтобы осуществить все проделанное, надо иметь марафонскую выносливость, терпение и справедливость, достойные высшей награды. В произвольном соревновании всех, кто действует на поле отечественной культуры, Бахытжан Канапьянов – десятиборец-победитель.

Мне как-то попались на глаза высокомерные, мнимо аристократические рассуждения одного кинорежиссера о том, что, дескать, здесь, в Алма-Ате, «жидкий культурный супчик». Так вот, когда думаешь о Бахытжане, когда убеждаешься, как широк круг его всевозможных интересов, как он открыт и восприимчив к новым впечатлениям, как несравнима с обыкновенными житейскими правилами его неустанная работоспособность на грани окончательного упадка сил, понимаешь, что все эти пустопорожные разговоры о «жидком супчике» – всего-навсего свидетельство собственной беспомощности и нежелания хоть чуть-чуть помочь ближнему. А если взять в расчет еще и деликатность в обращении с прозой и стихами авторов, печатающихся в «Жибек жолы», когда рукопись идет в набор без навязчивого вмешательства редакторского карандаша. Днем с огнем не найти подобного примера, причем не только в наших евразийских палестинах.

Как не заметить, что мир имеет дело со стройной мировоззренческой системой. Бахытжан относится с иронией не только к тем интеллектуалам, что десятилетиями капризно отворачивались друг от друга, соблюдая в многолетней хохле существующие, а все больше несуществующие, обиды. Он не прочь, осерчав на кого-нибудь, над собой, разгневанным не в меру, самокритично посмеяться. О том, что у Канапьянова коротка память на зло, ему причиненное, нужно ли говорить. «Рифмы дружат, а люди, увы...» – писал А. Вознесенский. Для Бахытжана «рифмы»

любого человека, во-первых, «охранная грамота», во-вторых, льготный талон на право безвозмездного (по сути меценатского) выхода отдельной книги в издательском доме «Жибек жолы». Это не считая того, что голова Канапьянова всегда полна проектами и в каждом проекте непременно задействованы и правые, и виноватые. У миротворца Б. Канапьянова характер литературного героя – легендарного средневекового короля Артура, собиравшего за круглым столом сообщество рыцарей. Общаясь с Б. Канапьяновым, и сам становишься терпимее, больше думаешь о товарищах по писательскому цеху, нравственно подтягиваешься и держишь верную моральную осанку.

Человек корневой памяти, Канапьянов включил в благородное семейное собрание не только родственников – отца, мать, няню, жену, сыновей, сестер и братьев, но и предков, ближних и совсем дальних. Принадлежность к родовой ветви чингисидов ко многому обязывает, как и то, что в обширной родословной имеются и такие великие люди, как Чокан Валиханов. И не романтическая ли тяга к прозрачному Онону, где некогда начиналось родословное древо, довольно-таки рано отправила «кочевника с авиабилетом» в путешествия.

«Во mnogой мудрости много печали», – констатировал и предупреждал Экклезиаст. А в добровольных скитаниях по белому свету? Он и в путешествиях все тот же – с неизменным спокойствием относится к тому, что замечает, а замечает многое, но исповедует следующую истину: «Мир интересен сам по себе, а не таким, каким мы его заранее вообразили». И в то же время, добравшись до Амстердама, Франкфурта, Загреба или Парижа, до американского сталелитейного Питтсбурга, наконец, поэт совершенно убежден, что это все для того, чтобы попасть в его добросовестные стихи. Культ собственной личности – вполне справедливое состояние души. Иначе поэту незачем было

пускаться в путь, а затем возвращаться в родные пенаты. Что же касается библейской «печали», той самой, что от «многой мудрости», пожалуйста, читайте и размышляйте:

Сверял гекзаметром Афины,
Но не нашел, чего искал.
Передо мной одни руины,
На сто столетий опоздал.

Так и видишь старика Гомера, растерянно листающего «Илиаду» со всеми имеющимися там гекзаметрами и не могущего оправдаться перед суровым степняком, что в конце второго тысячелетия рифмует бессмертные Афины с мраморными руинами. Однако в конце концов как не понять, что «великого старца» (Пушкин) можно отпустить на покаяние – наш современник в действительности горюет по поводу собственной «вины без вины» – «На сто столетий опоздал».

В книге о Канапьянове считаю нелишним признаться вот в чем. В последние годы отношение к самому заметному, но и к самому непонятому, почти непрочитанному Льву Николаевичу Гумилеву для меня критерий и мерило интеллектуальной и нравственной состоятельности человека. Несколько встреч с Бахытжаном особенно были богаты на разговоры об авторе «Древней Руси и Великой степи». Канапьянов всерьез интересовался темой евразийства как потомок Чингисхана, как строитель духовной культуры, как персона, принадлежащая к сердцевине Центральной Азии. Я – поклонник и ревностный почитатель «последнего евразийца» Гумилева – очень пристрастна ко всем, кто хотя бы чуть-чуть скептически воспринимает наследие моего гениального кумира. И вот Бахытжана мне упрекнуть не в чем. Он, исколесивший полмира, всегда с комом в горле от самой кратковременной разлуки возвращается в евразийские пределы

как раз потому, что кровно соединен с землей, каждая персть которой – сама история. Моему евразийскому земляку, по вещим словам Александра Блока, «внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Но остается Канапьянов при своей вере, выкованной, выплавленной в тигле мировой поэзии, и самой массивной частью этой веры обозначился Пушкин.

При всем при том Бахытжан очень чуток, не закрыт – нечастое качество для стихотворца, прямо скажем, – ко всем поэтическим явлениям, будь то сонет Бодлера или эпиграмма, сочиненная за гостеприимной чашкой чая в его кабинете однокашником по Высшим литературным курсам. «Через головы поэтов и правительств» Канапьянов, подобно пчеле-труженице, собирает драгоценный мед поэтического слова и укладывает в плотный воск опорных символов.

Причем здесь бык вне Бога наших мыслей,
Причем здесь Бог, увы, он ни при чем.
Я колесницу времени сквозь числа
Вновь завожу магическим ключом, –

пишет поэт в стихотворении, названным самолично изобретенным словом «Компьютодор». Да, поистине так оно и есть – Канапьянов всегда в сказочной «колеснице времени», и всегда при нем – «магический ключ». К воображению и вдохновению.

IV

Поговорим об искренности нашего поэта. О совести творца, о нравственных ориентирах сочинителя. Канапьянов становился на литературную стезю, когда соблазны скороспело-

го шумного признания просто-таки бушевали со всех сторон. Достаточно было осознать, приглядеться к генеральным приметам моды, чуть-чуть ради приличия отойти в сторону, а потом петь «во все воронье горло», и, возможно, вожди стадионного «мейнстрима» тотчас бы приняли в свою компанию, а там – все блага, что положены вошедшему в «стаю»: тиражи, снисходительное поощрение старших товарищей, доброжелательные статьи критиков той же «группы крови», льготные путешествия в дальние края и главное – чувство самодостаточности, наконец-то выбился из гонимых, непризнанных, замалчиваемых. Ему повезло, конечно, больше многих, но...

Стихи Бахытжана значимы потому, что против собственной совести поэт никогда не поступал. Нет строк с моральным изъяном. Искренность автора очевидна. С ним можно спорить, иной раз ожесточенно, до ярости, можно не принимать, не соглашаться, более того, выдвигать собственные варианты, посмеиваться над заблуждениями или корить за бесспорное отставание от моды, но не верить нельзя. Контрасты, противоречивость, порою раздражающая читателя категоричность суждений – все это есть. Иной раз Канапьянов весьма заметно противоречит себе самому, себя же, любимого, и опровергает. Но не по чужой, а по собственной воле, по своему разумению и хотению. «Не продается вдохновенье...» – этот пушкинский нравственный императив та самая муза, что, по словам Ахматовой, диктовала Дату страницы «Ада», вручила Канапьянову одновременно с лирическим даром.

Вот почему, читая Бахытжана, мало того, что чувствуешь – это стихи твоего современника; понимаешь, что ты к ним еще вернешься, поскольку они рассчитаны на вырост. Что-то в них есть такое, не доступное полной расшифровке, зернышко тайны, и все это имеет полное право на дальнейшую жизнь, за пределами сиюминутного прочтения. Прибавим также, что и прошлое не менее интересно в стихах

Канапьянова, и в эпохе, в которой, казалось, не осталось ничего неразгаданного, вся она вроде бы на ладони, изучена и исчерпана, протоптана вдоль и поперек, внезапно открывается нечто, что и по сей день живет и набирает драгоценный свет истины. Возвращает милый сердцу звук, без которого вся жизнь – твоя жизнь, особенная, неповторимая, – пыльный листок, что оторвался от ветки родимой и никому не нужен, даже тебе самому:

Спой мне песню из времен застоя,
Из времен застоя песню спой.
Струны я на время то настрою,
Подпоет мне кто-то из пивной.

Говорят, что мир без песен тесен.
Подтверждаю – правду говорят.
Спой мне, друг, одну из наших песен,
Излечи, как двадцать лет назад.

Как точно пришлась к месту пивная. Давний приют свободомыслия, равноценный бане, именно там развязывались языки. Банный веник да пивная кружка – вот опорные инструменты откровенности, мужской свободы и неподчинения существующему миропорядку. Одно слово в его строке (поэт – не любитель обстоятельно разворачивать талантливую подробность), а как много-много сказано. Оно, это слово, одновременно высекло и искру, и слезу. Вот что совершает бесхитростная интонация, родниковая прозрачность функциональной речи. Для такого изначально раскованного обращения с живой жизнью одного таланта мало, хорошего знания русского языка мало. Свободного доступа к печатному станку тоже недостаточно. Без всего этого нечего и силы душевные тратить, но объяснение феномена Канапьянова вот в чем. Школа. Школа с большой буквы – вот что действи-

тельность дружески, доверчиво подарила Бахытжану. Он – выученик поколения фронтовиков, далеко отошедших от абстрактной возвышенности и риторической холодности. Это люди неподдельной судьбы, трагического опыта, добытого мужественно и некабинетно.

Кто его школил? Откройте любую поэтическую хрестоматию Великой Отечественной войны – там поименно перечислены наставники Канапьянова. Назовем же имя главного Учителя – Александр Межиров. Мне посчастливилось дважды – один раз по телефону – разговаривать с Александром Петровичем. Эти кратковременные беседы произвели сильное неизгладимое впечатление. Межиров явился мне человеком, полностью владевшим сокровенным знанием о Поэзии как части природы. После того, что он сказал, короста пафосности и примерки чужих одежд отлетала, как зерновая шелуха под ветром. А Бахытжану посчастливилось два года быть межировским семинаристом. Есть чему позавидовать, в том числе и тому, что в эпигоны и Межирова, и других поэтов фронтового поколения Канапьянов записываться не стал. Мы числим его по иному ведомству. Вот послушайте:

В саду незримая певунья
Иль в море шлейф от ветерка...
Поэзия –
Моя колдунья –
Быть может мифом полнолуныя,
Быть может притчей моряка...

Невозможно не почувствовать пушкинский ветерок, легчайший благоуханный зефир в негромкой человечности, в бесхитростности незаемного изящества, когда на своем месте миф и притча, моряк и полнолуныя. Потому-то истинную радость доставила мне совместная работа над «Пушкинским календарем». Составить календарь к 200-летию великого поэ-

та Бахытжан доверил мне. Я проштудировала академический десятитомник и готова была писать «Тридцать девятое марта», лишь бы уместить побольше материала в небольшой перекидной календарь. Начались долгие битвы под знаком отбора и отсева. Что оставить в календаре, чем пожертвовать, как композиционно разместить по календарным числам, какой рисунок к какому отрывку присовокупить?.. Какими же словами выразить мою благодарность за то, что Бахытжан дал мне возможность – как я определила – выпустить мою лучшую книгу стихов? Теперь, спустя годы, перелистываю страницы «Пушкинского календаря» и убеждаюсь, что благодаря бескомпромиссности, твердости Канапьянова все пошло в дело, почти ничего не пропало. Давным-давно степной здравый смысл подсказал мне следующие строки:

Все ищут в миру красоты и прокорма,
За это на этой земле послужи.

Я получила, если говорить о «Пушкинском календаре», вдоволь и сполна «красоты и прокорма». И кто бы еще, кроме сурового Бахытжана, по своей воле принял на себя нравственные и финансовые затраты на издание, получившее в Москве уверенное признание! А с моей стороны сколько получил глава издательского дома «Жибек жолы» несправедливых слов и слез. И вот вам его объективность, неподвластность негативным мгновениям и стопроцентная незлопамятность. Казалось бы, расположение ко мне должно было подвергнуться коррозии и прочим искажениям, умалиться, а то и вообще пропасть. Плохо же мы думаем о Бахытжане – он не изменил своего отношения ни ко мне, ни к другим, провинившимся перед ним куда более крупно по сравнению со мной, и его вечная, почти что буддийская терпимость к чужим причудам, изменам, даже предательствам осталась непоколебимой.

О Бахытжане Канапьянове написано много. Преобладает положительно-комплиментарная тональность. Поневоле и с чувством, что сказано совершенно справедливо, вспоминаешь Окуджаву: «Давайте говорить, друг другом восхищаться, высокопарных слов не стоит опасаться...» Понятно, почему: можно роковым образом не успеть. У Бахытжана глаз поставлен на все лучшее в человеке и в жизни, и критики это тотчас замечают, и доброта поэта в лучшем смысле этого слова заразительна. И авторы многочисленных отзывов о Канапьянове столь же терпимы, столь же чутки к хорошему. А такого хорошего в стихах Бахытжана много.

Я уже писала и о поэте, и о его критиках. Просматривая вышедшую в Москве в редакционно-издательском центре «Пилигрим» книгу Виктора Максимова «Свет кочевой звезды» (2000 г.) о творчестве Бахытжана Канапьянова, поначалу задумываешься, зачем автор прибегает к столь обширному цитированию. Прочитав, к примеру, строчку «Я родом из мира, я верю, что он будет вечен», литературовед стремится сделать наглядными некоторые закономерности движения цивилизации, здесь естественно возникают и пространственные параллели, и понятие «ноосферы», вовсе не лишнее в теоретических построениях по поводу конкретных стихов. Не каждый согласится, чтобы гармонию его вольного вдохновения проверяли алгеброй пристального литературоведческого анализа, причем вовсе не потому, что так действовал пушкинский Сальери, а потому, что живут начерно, пишут расслабленно, тащат на бумагу все, что попадает в поле зрения.

Для В. Максимова чрезвычайно важно восстановить в современном читателе угасающую способность сопоставлять, слышать в музыке и метафорике нынешнего стихосложения явственно проступающий «вековой прототип». Сплав высокой традиции с усложненной техникой письма и способом

художественного мышления, выработанных XX веком, – вот что в «Свете кочевой звезды» названо литературными достижениями Канапьянова. Это справедливо и интересно, когда твоего современника проверяют на фоне мирового контекста, и чувствуешь – выдерживает.

В 2002 году Виктор Бадиков, доктор филологических наук, написал книжку о Б. Канапьянове «Линия судьбы». Это учебное пособие к спецкурсу «Современный литературный процесс Казахстана». Это уже совсем иной контекст, если сравнивать с книгой В. Максимова. Интересно, что стихотворения Канапьянова выдерживают два подхода, две непохожие методики исследования.

Не менее мне дорог и взгляд другого критика и литературоведа. Людмила Мананникова назвала свою книгу о Б. Канапьянове «Стихи под взглядом неба» (2002 г.). Она тоже чувствует, что образы поэта пронизывают Вселенную, что без этого поэтического слова мир бы обеднел «в отсеке сегодняшнего дня» и привязанности к одному месту. Мананникова пишет: «Хорошо ответы на вечные вопросы искать в дороге... в пути скрывается нечто иррациональное. Здесь Поэт, как ему кажется, близок к разгадке жизни. И неважно, едет он в автомобиле, поездом по степи, летит в самолете. Дорога для Поэта – повод остановиться и оглянуться». Строчка за строчкой цитирует критик стихотворения Б. Канапьянова. Уже однажды пропущенные через душу образы пропускаются Мананниковой еще раз уже через свою душу и навевают неотвязную мысль перейти от цитат к полным стихам и перечитать, может быть, известное, но до конца ли понятное. Этот метод: памятуя о космосе, о предшественниках и современниках, об общечеловеческих истинах, более всего ценить то, что переходит от одной души к другой, – мне симпатичнее полной алгебры. Книгу Л. Мананниковой можно назвать лирикой о лирике – это созвучно с тем, что я чувствую, читая Канапьянова.

И кроме всего прочего, я воспринимаю Бахытжана для себя тем, кем были для Чайковского издатель Юргенсон или Надежда Филаретовна фон-Мекк. Прожив большую часть своей жизни при советской действительности, я с некоторым подозрением читала о благотворительности, меценатстве, жертвенности. Как прекрасно, что новая эпоха позволила Б. Канапьянову стать меценатом аполлонического племени. Помню его великолепное признание на открытии дома «Жибек жолы»: «В конечном счете я открыл издательство, чтобы печатать своих друзей и себя. Осточертело зависеть от людей, завистливых и полуграмотных, которым на ухо – если говорить о чутье к поэтическому слову – наступили все медведи с самого раннего утра в лесу. Опротивела чужая самоуверенность, что они лучше разбираются в твоей душе, чем ты сам. Что им пушкинский завет: «Ты сам – свой высший суд»?

У каждого из нас довольно незаживающих, долгие годы сочащихся кровью ран, нанесенных самоуверенными редакторами. И наша память на обиды прежних лет не ослабевает, пусть даже позарастали мохом-травой все те дорожки, что когда-то вели в то или иное издательство или единственный литературный журнал, в котором поэтов умерщвляли злодейски испытанным присловьем: «Замените подборку!» Да, мы не забыли, а вот Бахытжану наша непримиримость не пример. Он, я уже говорила, как раз обиды не очень-то и помнит, по поводу обидчиков не злословит, врагов не клянет, собеседника своего разного рода проклятьями не терзает. Широта души и позволяет Канапьянову оставаться предельно и призывно последовательным в своей незлобivosti и объективности.

Как-то Канапьянов признался, что самая чистая, ничем не запятнанная надежда – приход Нового года. Накануне годовой смены мальчишкой он весь день пребывал в нетерпении,

какой подарок на рассвете окажется под подушкой. Не говорит он впрямую о тепле, о душевном уюте родного очага, о том, как его любили мать и отец, но нам уже все понятно, как понятно и то, что, только обладая такой защищенностью, человек получает возможность, свободные силы искать свое особенное счастье за пределами материнской обители. Его влечет «Фонарь надежды», его притягивают ветер, вольная воля. И в маятниковых ветровых порывах поэт уже чувствует отлаженный механизм бытия.

Давным-давно замечено, что истинная лирика всегда печальна. «Страшит необъяснимая печаль», как сказано у Канапьянова. Обостренность его зрения, пронзительность печальных слов, наверное, возникают потому, что молекулы мира, мимолетные впечатления, звенья бытия, попавшие в стихи, – и они посейчас «Золотом вечным горят в песнопенье» (Фет) – это одновременно приметы необыкновенно яркой, многоцветной действительности и колокольню-прощальный звон по жизни. И чем острее, чем приметливее взгляд поэта, тем сильнее горькое предчувствие расставания с этим прекрасным миром. «Дни прошлого – легки», – успокаивает себя поэт. О, если бы это соответствовало истине, если бы «позднее прозренье» действительно отличалось невозмутимостью, разве расслышал бы поэт в младенческом плаче ребенка невысказанную «тайную тоску»?

Не зная племени, не зная рода,
Основ не зная языка,
Ребенок плачет, нет ребенку года,
А в плаче тайная тоска.

Он высказать пока еще не может –
Обиду или просьбу, не поймешь,
И это все он в будущее вложит
И рассечет на правду и на ложь.

По существу ведь так оно и есть в действительности, в человеческом многофигурном общении. Более того, в каждодневном борении с языком, со своей и чужой речью – сражение за точность нравственного расклада. За взвешенную оценку, что есть правда и что есть ложь.

Для лирического героя (былинки и песчинки во Вселенной) стихов Б. Канапьянова в конце концов настанет момент, когда он обращает свой взор к небу. Читатель поражен, как по-разному Бахытжан относится к поискам смысла жизни среди планет, ближних и дальних. То совет предстать перед звездами один на один принадлежит «жизнерадостному кретину», то подлинным алмазом светится удивительная строка, в которой звездное небо названо «Божественной перфокартой», да еще выданной «по логике Декарта». Но сколько ни зови на помощь математику, даже и высшую, все равно выпрямить «ломаную линию судьбы» под силу только поэзии, причем поэзии серьезной, бесстрашно обращающейся к вечным вопросам.

VI

Писатель не разделяет для себя труд на свой и чужой, когда берется за перевод или критику, или за прозу о чужой жизни. Равно высокое чувство ответственности испытывает он перед Литературой. Пора сказать несколько слов о переводах, которым Б. Канапьянов отдал не менее полжизни. Порой это были значительные удачи. Найдем и изысканную инструментовку, искусную рифмовку, изощренный образный строй. Максимальна версификаторская оснастка, например, в вольном переложении одного из произведений рафинированного «парнасца» Поля Валери:

Как будто жертвывая небытию под небом,
Плеснул я в океан из амфоры вина.
Невольный взмах руки, что разуму неведом,
Почти не отразив, втянула глубина.

Быть может, магия чернеющего дна,
Хмельную кровь перемешав с небесным хлебом,
Повелевает мной, и там, быть может, следом
Над волнами встает души моей волна.

Мгновение, и всплеск, и розовая дымка
На гребне волн, мелькнув, ныряет невидимкой
В привычную прозрачность пробужденных вод,
И боги там, на дне, скрепив морские узы,
Стада вечерних туч выводят в небосвод –
Забили волны шторма в колокол медузы.

Что-то переводилось с незнакомых языков, может быть, с помощью подстрочника: Поль Валери, Н. Хикмет, П. Оресик, Я. Юрканс., но Канапьянову хотелось отдать долг двуязычию, данному Богом. Более всего он перевел с казахского. Это и Махамбет, и Абай, и Шакарим, и Магжан, и Джамбул, и Кенен...

Мечта каждого, кто держит в руках перо, непременно соприкоснуться с эпосом, особенно переложить его современными стихами или даже прозой. Творческая ревность к тексту оригинала неизбежна, попасть в соперники неведомого автора, отдаленного от тебя, пишущего, столетиями, и страшно, и заманчиво. А если ты к тому же владеешь языком подлинника и тебе доступны тайны старинного слога и смысла, ведь можно почувствовать себя в положении древнерусского князя, привязанного одновременно к двум древесным вершинам. Перевод казахской эпической поэмы о «Шелковой девушке»

создавался Б. Канапьяновым в свете традиций классической русской школы стихотворного перевода. В прежние годы за переложение эпоса – казахского, киргизского, калмыцкого, за переводы колоссальных шедевров Востока: «Шахнамэ» Фирдоуси, или «Пятикнижия» Низами, или «Витязя в тигровой шкуре» Руставели – брались первоклассные мастера: Тарковский, Липкин, Заболоцкий. Будем также иметь в виду, что переводческая работа Пастернака, Лозинского – если только о крупноразмерных произведениях говорить – также не была тайной за семью печатями.

Бахытжан, следуя торной классической тропой, не пошел по пути, на котором столько переводчиков, именно знающих язык подлинника, потерпело решительную неудачу. Он отказался от буквального воспроизведения оригинала, позволил себе куда большую свободу в обращении с фактическими строчками. И правильно поступил. А разобраться – за перевод эпоса поэт принялся, когда ему только-только исполнилось тридцать лет. Совсем еще молодой человек!..

Тулегену между тем двенадцать лет.

Тайны взрослые подростку застыят свет.

Задумываясь над удачами перевода, понимаешь, что благодарность Бахытжана за прочный фундамент, полученный в наследство от предшественников, состояла в душевной способности тридцатилетнего стать двенадцатилетним. Эта необыкновенная свежесть взгляда, только поэту доступное возвращение в детство просветили насквозь весь перевод.

Даже локальные приметы вроде казахского слова «Алкисса» вместо русского «Присказка» оказались весьма к месту, поскольку точно передают процесс приобщения того же самого подростка к иной языковой стихии. Да, это перевод на русский язык, но перевод-то с казахского и с тонкой

продуманностью, выдающей, что автор действовал не по шаблону: слева – страница оригинала, справа – белый лист, а меж ними – казахско-русский словарь. Переводчик придал своей работе родной акцент, что, без сомнения, приближает читателя к старинной истории, бережно и любовно хранимой в народной памяти. Даже правило «*жы-шы* пиши через *ы*», верное для казахского оригинала, уцелело в именах эпоса в русском переводе. Не все переводится, и это присутствует очень тонко.

Я стала читать перевод Канапьянова, чтобы подобрать несколько фрагментов, и не заметила, как дочитала до конца, почти позабыв о своей первоначальной цели. Прочла от строки до строки весь текст, все сто страниц. Имей я в предмете «набрать поганок», т. е. нацелиться на поиск промахов, шероховатостей, частных неудач переводчика, пожалуй, кое-что и накопилось бы. Однако я ходила не «по поганки». При чтении бросалось в глаза и запоминалось иное. К примеру, роскошный парад одиннадцати красавиц, и Кыз Жибек среди них еще нет. Бровки прелестниц, как «серпики лун», сами они, словно белокрылые лебеди, и сокровенным сиянием их глаз озарен весь степной мир:

Она сродни по красоте
Шолпан – предутренней звезде...
Чью осчастливила семью?
Возможно ли в земном краю
Такой красавице родиться?
Быть может, родилась в раю!

А ведь это всего-навсего вторая красавица!.. И восторженные описания самих прекрасных девушек, и поражающих изысканным убранством нарядов идут по нарастающей. Казалось бы, куда выше – Шолпан? Очарование

восточной поэзии – в неиссякаемости подробностей; сухая информативность ей чужда, вся многоцветная пестрота восточного базара постепенно, эскортируемая звонкими рифмами, размещается в пространстве эпической поэмы. Перевод Канапьянова позволяет представить, как на протяжении веков жизни этого эпоса радовались процитированным и подобным строчкам казахские женщины – безымянный автор не пожалел самых ярких красок, и отныне каждая могла любоваться и гордиться своей неотразимой красотой. Да и казахским мужчинам в пользу – поэтическое восхищение очарованием женщины, волшебным умением безвестного поэта преклонить колени и широко раскрыть глаза перед явлением Прекрасной Дамы. Что вера в душевную тонкость предков давно присутствует в поэтическом сознании Бахытжана, как и стремление почувствовать дальнюю-дальнюю эпоху в свете любви, можно понять из следующих строк:

Когда солнце начнет скрываться за гору,
когда лягут от елей на длину копья тени
и, как черные перья, падут на тропу,
тогда приходи к дереву,
там
ствол выщерблен молнией.
Я ждать тебя буду,
моя белая горлинка.

Может, так назначали встречу влюбленные
В племени саков в былом».

(«Когда солнце начнет скрываться за гору...»)

Но вернемся к эпосу. Действие поэмы приближается к главной красавице – самой Жибек. А перед нею читатель знакомится с ее матерью. И что же?! Она столь обаятельна и обольстительна, что решительно затмевает предшествую-

щую вереницу, о чем автор, пребывающий в неустанном восхищении, заявляет напрямую:

...несмотря на возраст свой,
Затмит умом и красотой
Всех красавиц предыдущих...
Светилась вся она и лбом,
И золоченым сапожком.
И это – мать Жибек была.

Все эти описания нисколько не принизили, ничуть не уменьшили ничьей красоты. Ни одна краска на авторской палитре ни разу не поблекла, не потускнела, а, наоборот, каждый раз набирала такой светоносной силы, такой ослепительной яркости, что глазам и, разумеется, сердцу становится больно:

Четырнадцать всего ей лет,
Заморский на руке браслет.
И три подружки рядом с нею
Для тайных девичьих бесед.
И пуговики на рукавах
Все в переливчатых камнях.
Алмаз бухарский в каблучках
Не виден в собственных лучах.
Сережкам, что в ушах видны,
Достойной в мире нет цены.
Про тяжесть их нам не узнать –
Любуемся со стороны.
В шелках узорных стан ее
Стройней, чем тонкое копье,
Как у крылатой кобылицы,
Осанка гордая ее.

Поневоле позавидуешь равнодушному, а точнее – любовно-приметливому взору старинного поэта, нашедшего в потомках достойного сотоварища по ремеслу и мировосприятию.

Прошу поверить мне на слово – я знала эту эпическую поэму задолго до знакомства с переводом Канапьянова, знала тайны и секреты этой области словесного искусства, постигла стихотворные приемы, знакома с работами великих русских переводчиков – они уже названы мною. Открыть что-либо новое почти невозможно, и обновление возможно лишь при помощи интуиции и таланта. Они помогают сделать верный выбор. Так вот в переводе Бахытжана точный отбор решает все; безошибочно распределены свет и тени...

Попутное замечание – Канапьянов как-то написал: «Найти бы время [«Одиссею»] перечитать когда-нибудь». Знаменательная откровенная строка. Пастернак признавался, что вместо заказанной статьи об Александре Блоке он написал русский рождественский пейзаж, «как у голландцев». Так и здесь: вместо того чтобы перечитать «Одиссею», он перевел «Кыз Жибек».

Свобода переводчика, эквивалентная дерзости, сказала в портрете Кыз Жибек, точнее – в представлении главной красавицы казахского эпоса современному читателю. О внешности героини поэмы, конечно, говорится в тексте, как же без внешности-то, и в помощь себе эпический портретист призвал черты неземные, приметы запредельные. Но сначала мы не увидим, а именно услышим Кыз Жибек, нас поразит ее бесстрашный смех. Она весьма остроумна, а при ее несомненной гордости это соединение просто-таки убийственно. Разит наповал... Как дерзко, как хлестко она отчитала самоуверенного акына Каршыгу, да еще при Тулегене. Еще бы – разве можно простить?! – акын осмелился назвать ее «сестрою». «Нашелся братец!» – был ответ. После такой отповеди хоть бегом беги из аула, оставив домбру и надежду на

то, что люди не станут отныне снисходительной усмешкой встречать твое появление. А острая на язык Кыз Жибек ядовито напоминает, что тот же самый Каршыга готов был продать красавицу за породистых коней.

Среди удач переводчика такой эпизод: едет по степной дороге колесница, и вот из-за приоткрытой нежной женской ручкой занавески выглядывает Кыз Жибек. Появление ярчайшего светила не столь изумило бы Тулегена, как сверкнувшее ослепительной красотой лицо незнакомки. Чтобы поразить джигита в самое сердце, ей не понадобилось «дышать духами и туманами». Конечно, такая кинематографическая картинность, сказать откровенно, – технический прием. Но он – этот поворот от внешней характерности к психологическому портрету – осуществлен весьма умело, хватка профессионала чувствуется в полной мере. «Завидовать будем!» – как сказал вождь с грузинским акцентом, правда, по другому поводу. Психологический портрет – не достояние народного эпоса, где почти все функционально и здравомысленно. Переводчик, следуя оригиналу, все-таки ухитрился композицией и подбором деталей внести в перевод достижения русского XIX века.

Владение ремеслом не ограничилось применением приемов. Текст поэмы пронизан крепким здравым смыслом, а для переводчика этот самый здравый смысл – дополнительная трудность в сложнейшей работе преобразования – «из тени в свет перелетая», где тень – оригинал на пути к другому языку, а свет – завершенное поэтическое переложение. Читатель же в переводе Бахытжана освобожден от необходимости сочетать прекрасные фрагменты, нет, ему предлагается логически безупречное построение.

Кстати, расхожий четырехстопный простонародный (частьшечный) хорей – им-то обычно злоупотребляют переводчики, в особенности, те, кто пользуется исключительно подстрочниками и приложенными ритмическими схемами,

а словарики разного рода местных речений прикладывают к переводу не столько для читателя, сколько для себя, – для Канапьянова вовсе не догматический размер. И когда в плавном и размеренном течении четырехстопных ямбических строк внезапно загорается звездным светом пятистопный хорей, это напоминает громокипящую увертюру, что в цирке, скажем, предваряет нечто знаменательное и особенно яркое.

И все же оставим пока переводчика и вернемся непосредственно к Кыз Жибек. Она завершает вереницу красавиц, идет, если так можно выразиться, двенадцатым номером. Надо ли напоминать, что двенадцать – это не только число зодиакальных знаков, но и цикл восточного календаря, так называемый «мушель». Так вот двенадцатая красавица представлена совершенно по-другому. Отбор определений иной, чем раньше. Преобладают земные качества, берутся сравнения из близлежащего мира, из того самого, что повседневно окружает человека. Космические светила: солнце, луна, звезды – «отдыхают», отставлены в сторону:

...Схожи груди Кыз Жибек
С коленной чашечкой верблюда...

И белизна ее лица...
Как в Наурыз пушистый снег,
Что виден из окна дворца...

И вспыхивает вновь и вновь,
Как белой куропатки кровь,
Румянец на ее щеках...

Такие сравнения помогают понять, что Бахытжан Канапьянов самовольно и к радости читателей произвел себя в подмастерья народа-языкотворца. Этот перевод – свидетельство неиссякаемого совершенствования человеческой речи,

оптимистическое приглашение в открытое пространство поэтического взгляда на действительность. Просветитель и избранник Музы не посрамил удачи судьбы, выдавшей ему такой аванс доверия – переложить на второй родной язык древнее сказание.

VII

Жизненный опыт для автора лирических стихов не столь важен, как для эпического поэта или драматурга. Новое знание о человеческой душе лирик получает, словно Спящая Красавица, в колыбели. А дальше все зависит от того, как и сколько жизнетворной речевой влаги набирается в колодце индивидуального словаря. Лирические стихи – живое, меняющееся, волшебное, поскольку не только для автора, но и для читателя, зеркало особенной души. И есть смысл прислушаться к психологам, – кстати, так полагал и Лев Толстой, – что все впечатления человек получает до пяти лет, а остальные годы – время бесконечных и непрерывных потерь.

Путь действующего лирика ознаменован известными словами Пушкина: «Лета к суровой прозе клонят...» Невыдуманный, простой и ясный жизненный опыт, разумеется, никто со счетов сбрасывать не собирается. Но вот в чем загвоздка... Приобретение знания о действительности, той самой «многой мудрости, в которой много печали», далеко не книжной, к слову, непременно оборачивается стремлением выйти в наставники, желанием поучать, предостерегать, соучаствовать в выборе кем-либо житейского маршрута. И «глуповатость», о которой опять-таки писал Пушкин («Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата...»), иначе говоря, должна быть возвышенно наивной, без заранее рассчитанной и примененной заданности), проникшая в лирические стихи, конечно, оставляет впечатление притворства. Пожалуй, толь-

ко Александру Сергеевичу и было в полной мере ведомо, как ненавязчиво обременить нас своим жизненным опытом.

Малосимпатичная ржавчина непрошеного менторства, к счастью, миновала Бахытжана. Он всегда настроен диалогически, если можно так выразиться, и его собеседник – эта категория столь многочисленна, что тягаться с Канапьяновым – занятие безнадежное, – рассматривается им как равный. В кабинете президента издательского дома «Жибек жоль» многолюднее, чем в Союзе писателей в прежнюю эпоху. Заинтересованность, внимательность к тому, что совершается, что происходит вокруг него, постепенно вели его стихи к «повести», вернее – к повествовательности. Путь закономерный, к тому же еще и не принесший ущерба лирической почве, на которой произрастали стихи. И поскольку в душе Канапьянова неизменно главенствовало удивление как первостепенная черта характера, то очевидная нерастраченность сердечного расположения ко многим и многим, редкостное умение принимать мир и его насельников такими, какими они есть, полное отсутствие злобы и зависти (заветы старца Зосимы из Оптиной пустыни, можно сказать, в действии), невероятная загруженность работой, когда на прямые занятия литературным творчеством остается всего-ничего, самая малость, неиссякающая вереница разнообразных (все больше писательских) проектов – все это совместно соединенное и есть явление по имени Бахытжан Мусаханович Канапьянов. Хорошо, что такая «напряженка» – а по-иному жить теперь и не получится – не преградила путь потоку стихов. Они по-прежнему возникают как записи в лирическом дневнике поэта.

А теперь – о главном. Как правило, ни одному человеку не дано с первого раза обрести себя в профессии, почувствовать себя на правильной дороге. Метания, искания, и как много впоследствии отбрасывается, приходит горькое понимание,

что годы и годы оказались почти напрасно растраченными. А у Бахытжана все пошло в дело. Всему найден смысл, назначение всего испытанного обрело живую жизнь в последовавшей каждодневности. Энергичные занятия спортом, погружение в тайны металлургических процессов, еще немного – и средневековый секрет дамасской стали современной формулой расшифровала бы рука Бахытжана, наконец, кинематограф, чуть было не заставивший Канапьянова поменять письменный стол на монтажный, кинематограф с его сюжетной муштрой и дисциплиной изумленного взгляда – все, все крупно пригодилось.

А к тому же судьба позволила вдоволь постранствовать по свету. Способность удивляться не покидала путешественника и за пределами Отечества, хотя его благословенный кизячно-саксаульный дым, конечно же, так и остался сладок и приятен. Занятия кино помогли желанию во что бы то ни стало оставить при себе, даже расставшись, городские пейзажи Антверпена и Франкфурта, Парижа и Нью-Йорка. Для Бахытжана каждый раз тот или иной город воспринимался особенным миром, как и поэты, что становились его гостями в Алма-Ате, – Вознесенский, Ахмадулина, Кенжеев, Лотяну, Оресик, Ян Август...

И все же толерантность – воспользуемся вполне уместным здесь модным словечком – Канапьянова, его нейтралитет, весьма далекий от холодной сосредоточенности на своих переживаниях какого-нибудь отшельника, действенная благожелательность, не мелкая монетка попутной, ничего не меняющей в мире милостыни, а решительный поступок серьезного меценатского толка, порою возвращающий к творческой жизни прозаика, поэта, отечественного философа, – более всего и выразилась за десятилетие присутствия в стране издательского дома «Жибек жолы».

Все шло вот по какому нравственному начертанию: «И естественно, что ничто сколько-нибудь заметное не должно

быть обойдено вниманием и пониманием, ибо и литературе и обществу необходима вся полнота правды о творческом... самочувствии народа» (С. Чупринин). Чуть-чуть уточним известного критика. Вернее говорить о «творческом самочувствии» общества. Более того, это внимание и понимание, этот равноправный, обеспеченный за счет одного из собеседников набором, бумагой и прочими полиграфическими услугами, диалог, полезная сшибка мнений, взаимопроникновение позиций – все это не просто справка регистратора, а побудительный толчок к дальнейшим дерзаниям.

Стоит ли напоминать, что по сравнению с мучительной издательской практикой прошлого «Жибек жолы» – место, где не душат начинающие таланты, а помогают, где не отделяют овец от козлиц, не занимаются старинной неумной игрой в друзей и недругов, там держат открытый редакторский стол, а за ним сидит миротворец, терпеливый, держащий в крутой узде собственное самолюбие, успешно отыскивающий нечто стоящее и выпускающий это стоящее в свет. Да, не все гладко, не все безоблачно, и ангельскую атмосферу, райскую ауру лучше поискать где-нибудь в другом месте, не каждое издание становится успешной строкой – что поделаешь. Зато многое удалось, создается верное общественное мнение, в световой круг интеллигентского внимания попадает многое и совершенно по заслугам. И к восстановлению несправедливо забытого и отодвинутого в тень, к возрождению людей, память о которых, откровенно говоря, дело святое и обязательное, Канапьянов также имеет прямое и повседневное отношение. А спекулировать на обширном губительном «подростковом» любопытстве современного невоспитанного читателя к эротически-криминальному чтиву, к отравленной жаждой наживы макулатуре Канапьянов не собирается.

Некогда – это неприятное время, слава Богу, осталось в прошлом – за стихотворение о горечи и боли автора, связанной с двумя мощными языковыми стихиями, разрывающими

сознание, затемняющими для совестливого человека миропонимание, Б. Канапьянова многократно подвергали публичной экзекуции. В порыве честного раскаяния поэт даже прибегнул к хлесткому обвинительному термину «двуличие». Прошедшие годы показали, что подобный самоговор не столь справедлив, как это виделось тогда. Бахытжан никогда не был двуликим Янусом, не менял овечьей шкуры на волчью, наоборот, он всегда оставался многоликим, не потерял, проходя вместе с эпохой по ее крутым маршрутам, ни одного своего «лица», став, бесспорно, значимым лицом ныне протекающего времени.

Достаточно раскрыть наудачу любую позднюю книгу Канапьянова, будь то «Ландшафты» или «Над уровнем жизни», чтобы осознать, как плотно вписаны искренние строки в то, что совершается сейчас и еще совершится завтра и послезавтра:

Путь начинаем с пешки,
Но кто-нибудь из нас
Предстанет в этой
спешке
Фигурою на час...

В одной из этих партий
Пытаюсь то найти,
Что не успел на старте,
Что потерял в пути...

Об этом же свидетельствует и выход альманаха «Литературная Азия» (Алматы, 2002). Не в обиду предшественникам и продолжателям казахстанского выпуска альманаху посчастливилось, что его составителем стал Бахытжан Канапьянов. А составлен этот альманах «по знакомству».

Вот только по особому, пристрастному и охватывающему обширное литературно-философское и житейское пространство знакомству. Он знаком не столько с авторами, сколько с героями очерков, эссе, критических и аналитических статей.

Здесь, пока это к слову, скажу об отрывке из моей книги «Евразийский Лев», включенном составителем в альманах. Бахытжан вживую общался с Львом Николаевичем Гумилевым, как и с Аланом Георгиевичем Медоевым, героем мемуарного эссе Константина Кешина «Страстные силы мира». По собственным воспоминаниям Б. Канапьянов написал о литературоведе Евгении Озмителие, о великом русском поэте Арсении Тарковском.

Поразительно обилие имен, представленных в альманахе, от аль-Фараби и Рудаки до Беллы Ахмадулиной и Юрия Трифонова. Одно только неполное перечисление рубрик (подразделов) альманаха показывает, с какой прицельностью трудился составитель, ведомый все той же единственной поэтической звездой: «Наше наследие», «Антология евразийской поэзии», «По волнам памяти», «Исследования», «Публицистика», «Наш календарь»...

С постоянством великого собирателя Бахытжан Канапьянов отбросил ограничительные и запретительные правила, которым совсем недавно истово подчинялись многие не только литературные чиновники, а также черберы редакционно-издательского заколдованного леса. Он не признает никаких разграничительных рубежей, его исповедание веры – спокойная толерантность, заинтересованность во многой мудрости со всех сторон, а Канапьянов умеет извлекать зерно плодоносной истины из самого что ни на есть скромнейшего «материала». Ему «...так весело, так интересно расставлять вешки понимания в сложном, многокоординатном пространстве», не подчиняясь чужим вкусам и пристрастиям.

Генеральный алгоритм «Литературной Азии» тот же самый, что и в высокой жизненной философии Канапьянова, – добро непременно отстранит зло в событиях и обстоятельствах действительности. Только не надо размыывать горестной рефлексией четкие понятия о чести, о благородстве, о любви к ближнему, в особенности если этот самый ближний избрал пожизненным занятием каторжную стезю словесного искусства.

Читатель «Литературной Азии» не только присоединяется к широкой осведомленности Б. Канапьянова о поэзии Узбекистана, Таджикистана, Монголии, Башкирии и многих других глубинных участков Евразийского континента, о творчестве поэта-воина Махамбета, о литературно-философских, переводческих и прочих проблемах, но и получает возможность самостоятельно работать по пунктирным наметкам составителя над контурной картой поэзии и прозы Центральной Азии, Востока, России и Китая.

Для Б. Канапьянова характерна терпимость по отношению к литературным не то что бы противникам, но далеко не единомышленникам. А себе и друзьям – «зеленая улица», т. е. помощь и поддержка, которая во всех смыслах дорогого стоит в нынешние времена. И как не согласиться со святой верой Бахытжана, что Центральная Азия – сердцевина Евразии, что Алма-Ата – одна из столиц мировой поэзии.

«Литературная Азия» позволила больше узнать о самом Канапьянове как литераторе. Интенсивностью творческого поведения он напоминает поэтов начала прошлого века, людей программ и манифестов взалхлеб; они не очень-то поклонялись божественному олимпийскому одиночеству, они объединялись и становились то «Серапионовыми братьями», то акмеистами, то имажинистами... Б. Канапьянов – обладатель серьезной многосторонней образованности и патриотического темперамента. Вот почему он как составитель и главный редактор «Литературной Азии»,

прикинув, чего нет в арсенале нынешнего критического изучения, сам принялся за работу. Это и информационный обзор «Новости Евразии», и собственные стихотворения в пространной «Антологии евразийской поэзии» («Без меня народ (поэтический) неполный»), и воспоминания очень личностные о литературоведе Евгении Озмителие из братского Бишкека, работы которого незаслуженно замалчивались; и очерки о Махамбете Утемисове и Магжане Жумабаеве. Недавно в «Жибек жолы» вышла книга стихотворений и поэм М. Жумабаева «Пророк» с предисловием Б. Канапьянова, он же и составитель книги.

Задолго до нынешнего Года Махамбета поэта-воина переводили немало и в разные времена. Среди переводчиков и истолкователей найдем имена Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского. Совместить в подробном разборе стихи того и другого – тема эта напрашивалась несколько десятилетий. И все же впервые об этом написал и напечатал в «Литературной Азии» опять-таки Б. Канапьянов. В альманахе нашлось место и его переводам из Махамбета...

Очень много нового, в том числе чисто биографического, узнали мы о самом Бахытжане Канапьянове из альманаха «Литературная Азия», о многом вспомнили, о многом задумались, в частности, о блистательной школе русского поэтического перевода, о насущной необходимости современной исповедально-лирической прозы, о философской публицистике, о погружении в глубины старинной поэзии Востока... Поневоле поставишь эпитафией к альманаху крепкого созидательного посыла строки Беллы Ахмадулиной: «Эге-гей! Эта жизнь неизбежна! Как свежо мне в ее ширине!» Эта свежесть относится и к составителю, и к читателю.

Без «Литературной Азии» мы бы не досчитались многих черт в творческом портрете Б. Канапьянова. Он – оптимист, причем без жесткой хватки «собственника»-монополиста –

безвозмездная перепечатка из альманаха разрешена – только не забудьте, пожалуйста, сослаться, откуда берете. Казалось бы, в наше время откуда взяться оптимистическому мировоззрению? В одной из статей С. Чупринина о евразийском поэте Леониде Мартынове написано: «Великодушно протягивающий руку дружбы всем, в ком сохранилась хоть капля отроческого воодушевления и отроческого энтузиазма». Для Б. Канапьянова, и это бросается в глаза всем, кто его знает, состояние молодости – единственная форма существования, и я надеюсь еще многого дожидаться от такого юношеского поведения.

И самое неожиданное в альманахе для творческого портрета Канапьянова – сюжетная проза «Бахчисарай». Он бесстрашно ступил на новую стезю.

По меткому выражению пронизательного «последнего евразийца» Льва Николаевича Гумилева, судьбы мира в третьем тысячелетии будут решаться на евразийском пространстве. Судьбы литературы – отражение судеб мира в магическом зеркале вдохновения и воображения. Человек, который это понял глубинно, молчать не может. Он и не молчит. Он говорит восторженно и емко, не примитивно, но доступно и понятно, причем не только стихами и прозой, но и всеми своими делами. Он обогащает не очень-то мощный слой ближнего культурного космоса, который должен развиваться на наших глазах, вбирая все лучшее из прошедшего и перебрасывая мосты в дальние времена.

Для меня альманах «Литературная Азия» – кристалл горного хрусталя, в котором отражается и мой взгляд на Поэта в своем времени – бесспорного победителя в творческом и жизненном многоборье. Редкое качество. Мне бы хотелось, чтобы читатели оценили эту добытую трудом и совестью гармонию, с которой жить ее носителю, может быть, даже труднее, чем без нее.

Мы не ошибемся, назвав Бахытжана Канапьянова нашим спутником и соратником, собеседником, с которым не так страшны грустные часы печали и одиночества, с которыми главными непреходящими событиями нашей жизни по-прежнему остаются дружба и верность, творчество и доброта.

Завершая свою небольшую работу о том, как я понимаю Бахытжана Канапьянова, что думаю о его жизненной стезе, еще раз убеждаюсь в правильности моего первоначального заявления – поэт, критик, прозаик, переводчик, кинематографист, издатель, меценат, путешественник – житейски-творческое многоборье, иного слова нечего искать. Как нет смысла искать, кому сегодня вручать лавровый венок победителя-десятиборца. Он не столько одинокая звезда, сколько созвездие.

Со всем тем я неохотно расстанусь с героем своей книги. И меня утешает лишь то обстоятельство, что я оставляю гроссмейстера за шахматной доской мироздания.

Татьяна Фроловская
2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Станислав Лесневский. СУДЬБА ПОЭТА.....</i>	<i>3</i>
--	----------

АЛМА-ЯБЛОКО (1974–1976)

“То ли горы ближе стали...”	8
“Запах рук твоих и волос...”	9
Кюй.....	10
Домбра.....	12
“Когда солнце начнет скрываться за гору...”	13
“Сквозь гудки ожидания...”	15
Белые строки дождя	16
Совесьть	19
Воспоминание о Памире	20
Зов.....	21
Елик	22
Подарок чабана.....	24
Арык	27
Повесть.....	28
“Угрюмы вершины своей сединой...”	29
Накануне лета	31
“И день вновь прожит...”	32
Круг.....	33
Ностальгия по детству.....	35
Ноктюрн.....	37
“Тигренок бродит в тесной клетке...”	40
Кони	41
“Я у русла стою будущей долгой реки...”	43
Алма – яблоко	45

СВЕТ В ОКНАХ
(1977–1978)

“Не зная племени, не зная рода...”	52
Иссык-Куль.....	53
Валун	54
Киоко.....	56
Золотое кольцо	58
“Мне кажется...”	63
“Тебя звали Алма...”	64
Родной очаг.....	66
В поезде, на верхней полке	67
Кюйши	68
Свет в окнах.....	70
На грани	71
“Любимая...”	73
Звезда.....	74
Негатив.....	75
Старец.....	76
Отрар	77
Встреча с инопланетянином.....	78
“Я жажду работы...”	79
Сердце	80
Снег	82
“Все встанет на свои места...”	85
Ветер.....	86

ПЕСОК ВРЕМЕН
(1979–1980)

“Юность. Ночь. Аэропорт...”	88
Токката моря.....	89
Вечер.....	91
Костер.....	92
“Позабитый мной с детства язык...”	93
Средиземноморье	95
Турпоездка.....	96
Соль	97
Капля и камень.....	98

Рапана.....	99
Миф и реальность	100
Песок времен.....	101
Старая Алма-Ата.....	103
Летописец.....	104
Много лет тому.....	105
Алма-Ата	106
“Обида — это не беда...”	107
“Мое прошлое — лес...”	108
“Не завидуй ближнему...”	109
“То день, то ночь...”	110
Белый шум	112
В ущелье	113
Весна.....	115
Тамариск	116
Вслушаться — заслушаться	117
Поздняя осень.....	119
“Сон ли зеркало души...”	120
Огни в степи	121
Танцы на верхней палубе	122
“Постигаю...”	123
“В моей окраинной квартире...”	124
Нить памяти.....	125
Опыт	127
Черный ворон.....	128
“Даже если душа прикорнула...”	129
Степь.....	130
“Чем опять встревожена душа?...”	131
Ночь и утро.....	132
“Над головой ребенка бездна...”	133
“И никаких тебе забот...”	134
Панфиловец	136

НЕБЕСНАЯ СВЯЗЬ (1981–1982)

“В далеком доме плачет мать моя...”.....	138
“Когда я заплакал однажды во сне...”	140
Небесная связь.....	141

Зной	142
“Веселая мысль витала...”	143
Блудный сын.....	144
Дворик	147
Документальный экран.....	148
Земная баллада о космосе	150
“Владею тайной я...”	153
Озоновый воз-дух.....	154
Гусь над городом.....	155
“Взирали хребты поверх молчаливых холмов...”	157
Ждал Новый год.....	158
“И пролегли вдоль берега следы...”	160
Свет.....	161
Свеча.....	162
“Я руки твои, мама, вспоминаю...”	163
“На Волге иль где-то в Сибири...”	164
Наша жизнь	165
“И комната, и среди ночи ты...”	166
Ветер воспоминаний	167
Столичный ветер	168
Медный всадник.....	170
После заката.....	171
Сомнамбулический сонет	172
Останкино	173
“Нить небесную ищет воочию...”	174
“Еще не брезжит предрассветный час...”	175
По ту сторону окна	176
“Не просто высота Памира...”	177
“В наискось отброшенную тень...”	178
“Я помню то оцепененье...”	179
Цок-цок.....	180

ВЕЧНЫЙ МОТИВ (1983–1984)

Над уровнем моря	182
Медо.....	183
Вечный мотив	185
Тюльпаны	187

“Навстречу девушка идет...”	188
Старый дом	189
“Мы на четверть видны были в жизни...”	191
Мальчик	193
Поэт и обыватель	194
“Я чую подземные воды...”	195
Сказка	196
Гомер и эпос	198
“Сквозь крыло стрекозиное...”	199
Ласточка	200
На мотив старых часов	201
Кочевая звезда	204
Векзамеры	205
Зеленый дом	206
“Быть может, волнами природы...”	209
“Когда теряют мастера...”	210
“Не вижу в книге образов и лиц...”	211
Приметы творчества	212

ФОЛЬКЛОР И ПОЭЗИЯ КАЗАХСТАНА

Из эпоса “Кобланды батыр”	214
Слово Ак Жунус (Из эпоса “Ер Таргын”)	215
Из эпоса “Камбар батыр”	217
Беташар	218
Дух-бадик	219
Абыл Отембетулы	
Слова сочувствия	220
Махамбет Утемисов	
Был я таким	221
“Полноводный Жайык широк...”	222
“Ястреб, касаясь крылами луны...”	223
Надежда	224
Кулыншак	
Терме	225
Сегиз-серэ	
Изречения	226

Нурым Шыршыгулулы	
Слова сочувствия.....	228
Кашаган Куржыманулы	
Терме	230
Досжан Кожбанулы	
Слова сочувствия.....	232
Абай (Ибрагим) Кунанбаев	
“Не знаю, как я жил до нынешнего дня...”	234
“Не изменить судьбы, увы, не изменить...”	235
“О мой народ, послушай речь поэта...”	236
“Передо мной всевышнего аяты...”	237
Шакарим Кудайбердыев	
О себе.....	238
Выборочные места из назиданий.....	240
Приходит лето.....	242
Толстосумы. Сильные мира сего	243
Огонь. Жизнь.....	246
“Был рожден как бы в рубашке...”	248
“Будь стрелком, что бьет по цели...”	250
Прощание.....	251
Слово	252
Оскенбай Калманбетулы	
Прощание с жизнью.....	257
Омир Кошекбайулы	
Терме	259
Из айтыса Биржана и Сары.....	261
Нурпеис Байганин	
Наркыз (Отрывок из поэмы).....	262
Айтыс-загадка	263
Ахмет Байтурсынов	
“Мне ли бояться смерти в грядущем?..”	265
Магжан Жумабаев	
“Несчастный казах, твоя в страхе душа...”	266
Всему миру.....	267
Настроенье	268
Свеча.....	269
Сон.....	270
Луч	271

Домбра	273
Сакен Сейфуллин	
Прощальный мотив	275
Сабит Муканов	
Сулушаш (Отрывок)	276
Изим Искандеров	
Друзьям	277

ИЗ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Токаш Бердияров	
Колыбельная бабушки	280
Что в сумке?	282
Белки	284
Курица и цыплята	285
Часы	286
Теленок	288
Две кошки	290
Озеро и речка	292
Ескен Елубаев	
Мой жеребенок	294
Снеговик	297
Где же шапка?	298
Обещание	299
Гуси	300
Наш черный козлик	301
Черпахи	302
Как гуси спасли город	303

КАЗАХСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ (Миниатюры о животных)

Волк и козленок	308
Волк и еж	309
Как заяц лису перехитрил	310
Два петуха	311

Присмиривший волк	312
Лиса и ягненок	313
Лиса и петушок.....	314
Белка и волк	315
Вороненок.....	316
Волк и виноград	317
Лебедь и ворона.....	318

ПРИХОДЯЩАЯ ЗЕЛЕНЬ ТРАВЫ (Поэты разных стран)

Адам Айткен (Австралия)	
Извергается вулкан в Римбун Дахар.....	320
Грачия Сарухан (Армения)	
Мое постоянно умирающее тело и стерегущая его тень твоя... ..	322
Молитва.....	323
Элегия.....	324
Аминур Рахман (Бангладеш)	
Любовь.....	325
Иван Аробейко (Беларусь)	
Сам собою живу	327
Завещание	328
В Хатыни.....	329
Хьюго Клаус (Бельгия)	
Брат.....	330
Сариани Хай (Бруней)	
Из тысячи звезд.....	332
Нгуйен Ван Трак (Вьетнам)	
Около танцующей статуи Тра Киеу.....	333
Нгуен Куанг Тиеу (Вьетнам)	
Октябрь.....	334
Ханс Магнус Энзенсбергер (Германия)	
Удалить неправильное.....	336
Важа Долбая (Грузия)	
Цапля.....	337
“Я хочу, чтобы знала...”	338
“Воздевшее руки – солнце...”	339

Евгений Бартая (Грузия)	
Зачем тебе?.....	340
Цихил Камалов (Россия, Дагестан)	
“Из вечности — начала всех начал...”	341
Иегуда Амичай (Израиль)	
Человек не распоряжается временем.....	342
Мохаммад Реза Мохаммади Никоо (Иран)	
Вкус неба.....	344
Перед уходом	345
Мухаммад Реза Абдолмалекиан (Иран)	
Треть народа.....	346
Фатин Хамама Риджал Сиам (Индонезия)	
Роза с шипами	347
Вона Гроарк (Ирландия)	
Семья	348
Эдуардо Сангвинетти (Италия)	
“Мы — в недавних укусах теперь, любимый мой богомол...”	349
Паулетта Бланшетт-Дьюб (Канада)	
Вендиго.....	350
Пучина птиц	351
Сунг Чанг-Кьонг (Корея)	
Старая лошадь.....	352
Омор Султанов (Кыргызстан)	
Женщина	353
Янис Юрканс (Латвия)	
Мусорщик	355
Август.....	356
Призыв предков.....	357
Легенда	358
Абдул Джафар Ибрагим (Малайзия)	
Жители Малайзии	360
За пять минут до сегодня.....	361
“Кто? Кто ты...”	363
“Я хочу любить, я не могу говорить, насколько...”	364
Бахаруддин Зайнал (Малайзия)	
Картинки из прошлого	365
Кемала (Малайзия)	
Дерево	366

Ли Кеок Чи (Малайзия)	
У последней остановки	367
Лимонное сорго	368
Эмиль Лотяну (Молдова)	
“Передо мной потомок Чингисхана...”	369
Дунгутуйн Цоодол (Монголия)	
Верблюды	371
Туласи Диваса (Непал)	
Река и дерево-бодхи	372
Солнце и паутина	374
Воле Шойинка (Нигерия)	
Ночь	376
Поездка	377
Джудит Херзберг (Нидерланды)	
По дороге	378
Вивьен Пламб (Новая Зеландия)	
Перед операцией	380
Салим Саид Алараими (Оман)	
Когда восходят цвета	381
Бадиа Кашгари (Саудовская Аравия)	
“Я подняла свой парус...”	384
Иллюзия	385
Лунная серенада	386
Исток Осойник (Словения)	
Историческая прогулка	387
Марк Шинней (США)	
Свет памяти	389
Петер Оресик (США)	
Письма Хамиду	390
Плоть Христа	394
После перемен	399
Назым Хикмет (Турция)	
Старый вяз	400
Письмо Давиду Ойстраху	402
Иван Чумак (Украина)	
В Чаяне, под Каратау...	404
Анатолий Леонтьев (Россия, Удмуртия)	
Чибиc	406

Юкка Маллинен (Финляндия)	
Звезда-кочевница.....	407
Поль Валери (Франция)	
Утраченное вино.....	409
Мирослав Голуб (Чехия)	
Недолгое отражение на заборе.....	410
Василий Эндип (Россия, Чувашия)	
“Крылья-строчки сложив, стих мой, лети стрижом...”.....	411
Сильва Мирен (Швеция)	
Случайные встречи в Тунисе.....	412
Быть ребенком	413
Питер Хорн Клапштадт (Южная Африка)	
Желтый привкус пустыни.....	414
Макото Оока (Япония)	
Колыбельная	415
Примечания	416
<i>Татьяна Фроловская. ПОЭТ (Бахытжан Канапьянов)</i>	423

Бахытжан Мусаханович Канапьянов

ИЗБРАННОЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Редактор А. Шаихова

Художники Б. Ильин, Е. Оспанов

Дизайн и верстка И. А. Селивановой

ISBN 978-601-294-053-4

Сдано в набор 01.06.11.

Подписано в печать 10.06.11.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 27,9.

Гарнитура “Times”.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 2000+100 экз.

Издательский дом “Жибек жолы”.

050000, г. Алматы, ул. Казыбек би, 50, ком. 55

тел. 8 (727) 261-11-09, факс 8 (727) 272-65-01.